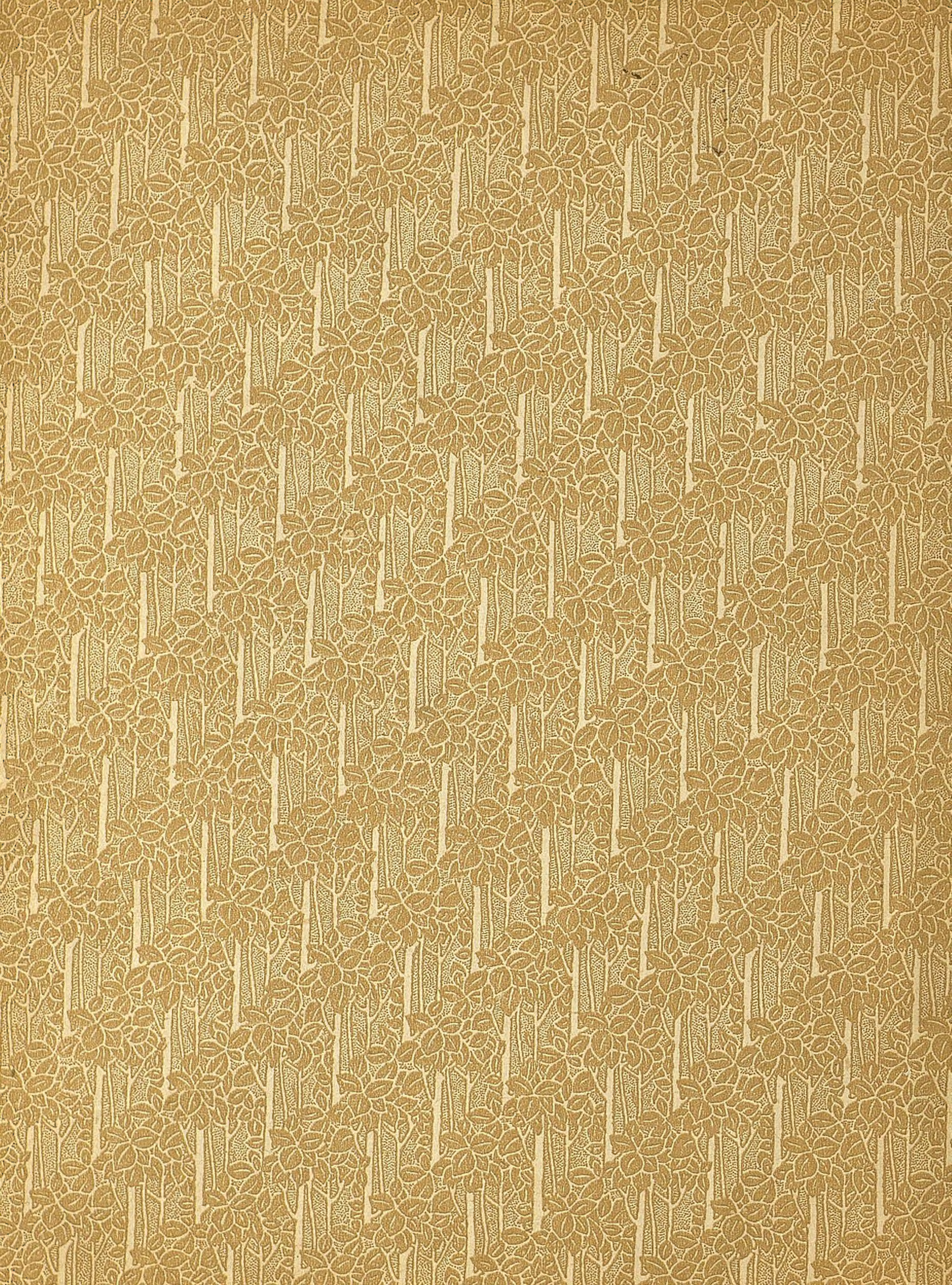
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ



Д. Менделеевой.

Пермский Окружной Комитет Р.К.П.(б). Отдел Истпарта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА за ВЛАСТЬ

Том II-й.

Годы реакции.

ч. I.

„Наша партия застоялась в подполье, она задыхалась в нем в последние годы, подполье рушится. Смелей же вперед.

Берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России".

1906 г. Ленин.

Пермь—1924 г.

Окрлит. № 1164. 2-я тип. „Пермполиграф". 1924—3231. Тир. 2600 экз.

Памяти дорогих вождей — Якова Михайловича Свердлова и Федора Андреевича Сергеева (Артема) посвящаются эти страницы борьбы за власть на заводах Урала в годы первой русской революции.

От Истпарта.

Выпускаемый нами к седьмой годовщине Октябрьской Революции сборник „Борьба за власть“ т. II—„Годы Реакции“ выйдет в двух частях.

Основой содержания статей первой части послужили: во-первых, материалы, добытые из б. архива прокурора Пермского окружного суда, обвинительные акты и приговоры; во-вторых, целый ряд мелких воспоминаний, сверенных показаний и справок.

Главнейший материал, данный активными подпольщиками Пермской организации, печатаем в виде отдельной сводки воспоминаний всех переименованных товарищей.

В этой же книге приходится поместить и очень ценную для нас статью В. Н. Трапезникова, которая по существу относится к первой книге сборника, где, главным образом, говорится о первом периоде развития Пермской организации Р.С.-Д.Р.П. Вообще же второй том должен осветить годы после декабрьского восстания, вплоть до выхода организации из подполья.

С момента выхода из печати сборника Истпартотделом получались и продолжают получаться ряд мелких исправлений и поправок к первой книге, которые будут использованы при окончательном составлении и редактировании подготовленной к печати книги—История Пермской организации Р.С.-Д.Р.П. (б-ков).

Исправлений, имеющих крупный характер, не поступало.

Попрежнему горячая просьба ко всем товарищам, где бы они ни находились, заметившим неточности или искажения фактов, внести свои коррективы и замечания.

Пермский Истпартотдел будет несказанно благодарен за помощь в деле окончательного восстановления из пыли и хаоса правдивой истории местной организации.

К. О.

Отдел первый.

Яков Михайлович Свердлов („Михалыч“).

К. Ольховская.

Работа партии и рабочее движение.*)

(1906 год)

После разгрома.

Геройская попытка вооруженной борьбы рабочих Перми и Мотовилихи девятого—тринадцатого декабря 1905 года **) окончилась как бы подавлением всего движения, нароставшего в течение последних восьми месяцев, и повлекла за собой полный разгром партийной организации. Аресты „92-х“ по Перми и Мотовилихе совершенно опустошают не только ряды членов партии, но и активно участвующих в восстании рабочих. Главные руководители движения, непосредственные участники и инструктора Трапезников В. Н., Борчанинов Александр, Юрш Андрей тотчас после восстания успевают скрыться и больше не появляются в рядах Пермского подполья. Но несмотря на яростную работу правительства и его охранки, революционное настроение в широких массах не падает. Среди втянутых в движение декабрьскими событиями нет сознания, что революция идет на убыль. Напротив, поднятые на борьбу рабочие не думают успокаиваться и начинают серьезно готовиться к предстоящим еще впереди боям с нащупанным врагом.

Учитывая недостаточность подготовки к вооруженному восстанию, рабочие—рядовые члены партии, потеряв руководство со стороны местных интеллигентных сил организации, главным образом, обращают внимание на создание своими силами боевой дружины. Они спешно занимаются сбором денег и выдачей их семействам арестованных товарищей, посылают деньги самим арестованным. Главным же образом собирают средства всевоз-

*) Статья составлена на основании дел прокурора Пермского Окружного суда: за № 27/секр. (начат. 6 марта 1907 г.) о мещанине Леониде Исаакове Гольдмане, крестьянине Федоре Андреевиче Сергееве и т. д.; дела № 24 за 1907 г. о Пермском Комитете Рос. Соц.-Дем. Раб. партии, на основании целого ряда обвинительных актов, приговоров, а также и личных воспоминаний подпольщиков. *Авт.*

**) См. сборник „Борьба за власть“ т. I *Ред.*

можными путями на организацию боевой дружины, т.-е на оружие и затем на помощь скрывающимся товарищам. Все еще продолжались массовые обыски и аресты. Полиция неистовствовала; собираться где-либо на частной квартире было почти невозможно. Особенно стал выделяться способностью выискивать рабочих партийцев помощник пристава Коссецкий, которого рабочие начинали буквально ненавидеть.

Одним из уцелевших мест пребывания нелегальных сохранилось отделение Смышляевской библиотеки, где заведующей была Вошева Ек. Отсюда поддерживалось видимое существование организации. По существу же от организации уцелели лишь несколько членов. Уцелели: Туркин М., Будкин А., Кузовников, Федоров Митя. Заглядывал сюда еще до ареста член П. К. Коган М. Отсюда товарищи поддерживали уцелевшие связи. Вскоре „сел“ весь комитет.

В ответ на наступающую реакцию среди рабочих растет и крепнет сознание необходимости вооруженной борьбы. Серьезно, сосредоточенно они начинают противопоставлять себя силам господствующего порядка, осознавая себя, как силу целого класса. Были не раз случаи, когда накопившаяся злоба и ненависть прорывались наружу. В феврале месяце, например, на одной частной вечеринке присутствовали казаки. Встреча с казаками рабочих-партийцев в частном доме привела под влиянием создавшейся обстановки к воспоминанию недавней борьбы; в запальчивости казаки были убиты рабочими Запольских и Новиковым.

Это настроение рабочих учитывают приехавшие вскоре для работы на Урал партийцы. Среди рабочих, уже полных готовности к борьбе, создается почва для серьезной работы партии, которая и начинается с начала 1906 года.

Повидимому, главные организации Р.С.-Д.Р.П. на местах начинают волей-неволей меняться работниками, выявившими себя при выступлениях рабочих в том или ином центре общего движения. Так, после восстания в Сормове (завод близь Нижн.-Новгорода), сюда приезжают работать скрывающиеся после вооружен-

ного восстания в Сормове „Никита“—Савинов, „Петр“—Чугурин, позднее Самсонов, Шпагин Алексей; из Москвы на Урал приезжает Свердлов Я. М.; еще позже из Харькова—Артем.

Опустошенная руководящим составом Пермская организация впервые пополняется богатыми теоретическими силами партийцев-профессионалов. Первым в 1906 году приезжает сюда „Леонид“—Преображенский.

При крайне тяжелых условиях начинает Преображенский налаживать работу. Главное внимание он уделяет на подготовку новых работников из среды самих рабочих. Разворачивается работа чисто пропагандистского характера. Он незаметно втягивает в работу товарищей, уже работавших практически в подпольной работе, и составляет кружок повышенного типа. В кружок входят: „Никаша“—Фролов, „Петр“—Чугурин, „Никита“—Савинов и другие. Преображенский создает и втягивает в работу и кружки пониженного типа, спешит создать из среды рабочих вполне сознательных членов организации. „Леонид“ читает сам лекции, сам ведет кружки, прорабатываются темы—научный и утопический социализм и др. Работа началась главным образом в Мотовилихе. В Перми же начинают заниматься учащиеся: Семченко, Федоров Митя, Кутузов, Буткин Алексей (у последнего был брат околодочным, в квартире которого печатались несколькими товарищами прокламации, создающие видимость организации). Связью для распыленной организации служит это время, главным образом, в Мотовилихе квартира Борисова Ив. Ив., где читаются лекции и собираются для работы кружки. Создавшаяся группа восстанавливает утерянные связи и руководит сбором средств на спасение товарищей, помогая скрываться от полиции, устраивая организованные побеги, вообще помогая везде рабочим бороться с наступающей реакцией.

6-го марта был устроен организованный побег: бежали из тюрьмы: Якубов, Коган, Пташинский и др. *)

---

*) См. „Борьба за власть“ т. I, “Побег“ (воспоминание В. Мутных).

Несколько подобранные ряды организации насчитывали в себе от тридцати до сорока человек. В марте, после долгого перерыва, собрались вновь все члены организации с сочувствующими рабочими за деревней Суханками (около Перми). Здесь был заслушан доклад тов. Преображенского о предстоящем Стокгольмском с'езде, о его целях и задачах, на который было необходимо избрать делегата от Пермской организации. В виду крайней необходимости присутствия Преображенского на месте, рабочие делегируют на с'езд „Ольгу“—Новгородцеву.

Работа начинала налаживаться. Но уже в середине марта вновь начались внезапные аресты. Арестовывают Чугурина—„Петра“, Савинова—„Никиту“. При своем аресте Чугурин выскочил в окошко с намерением броситься к речке, но полиция нагнала его и, поймав, истязала. Избитый, с наличием семидесяти двух ран, Чугурин был доставлен в помещение полиции. Затем вскоре же арестовывают и „Леонида“—Преображенского.*) За Преображенским арестовывается Борисов, Иван Иванович, которого также бьют плетью, Владимир Отавин и „Лиза“—Пастухова.

У арестованных отбираются вещественные доказательства существования организации. Обнаружены были у Борисова два гектографа, у других товарищей обнаружены адреса явочных квартир и т. п.

Работа вновь замирает.

Тюрьма.

С арестом главнейших, теоретически развитых работников Пермской организации, центр тяжести пропагандистской работы как-бы переносится в тюрьму. Тюрьма теснее, чем на воле, связывает между собою руководящие слои организации, главным образом, интеллигенцию с рабочими, с рядовыми членами органи-

---

*) Благодаря наплыву арестованных, следствие над Преображенским и др. поручили неопытному следователю, который способствовал тому, что Преображенского—„Леонида“, „Лизу“—Пастухову, „Ерему“, „Никиту“—Савинова, в конце концов, за неимением улик выпустили, после чего они скрылись.

зации. С одной стороны, путем занятий в тюрьме рабочие глубже и усиленнее приобщаются к научной работе и постепенно, благодаря долгой высидке, получают настоящее образование. Таким образом в этот период тюрьма, поглотившая основную массу политических работников, как активных, так и рядовых сил организации, превращается как-бы в „социал-демократический университет". *) Интеллигенция спешит передать свои знания рабочим. Всего сидящих в этот период насчитывалось до двухсот человек самых разнообразных толков.

С другой стороны, тюрьма помогла завести новые и усилить старые связи с казармой. Многие политические знакомились с постовой стражей; возвращаясь из тюрьмы, они оставляли солдатам свои адреса и впоследствии через них распространяли нелегальную литературу.

Но в этот же период необходимо отметить и другую роль тюрьмы. В условиях общей жизни, в общих камерах, различные привычки в частной жизни порождали частые недоразумения и порой даже возникали крупные ссоры. Среди рабочих и рядовой интеллигенции происходил раскол.

Тюрьма же помогла, благодаря частым принципиальным спорам, выявить чисто мещанский элемент организации, а также товарищей с неисправимым уклоном в сторону меньшевизма.

Восстановление организации.

На воле же в это время шла быстрым темпом глубокая работа по восстановлению организации. Во главе ее был Свердлов, Яков Михайлович, приехавший сюда из Екатеринбурга. Работавший в Екатеринбурге под кличкой „Андрей", Свердлов бросает старую кличку, и начинает работать в Перми, как „Михалыч". По приезде в Пермь Свердлов останавливается в номерах, где его тотчас же находит Туркин Михаил. На другой же день приезда Свердлов уходит с головой в работу по восстановлению окончательно разбитой организации. Он ста-

*) Выражение рабочего Мотовилихи т. Лебедева. Здесь отмечаются лишь те стороны тюрьмы, которые имели прямую связь с работой организации. *Авт.*

рается установить старые связи, вновь втягивает в работу новые силы. Туркин знакомит Свердлова с местами пребывания нелегальных, знакомит с уцелевшими от ареста товарищами, повсюду сопровождая его. На второй день приезда около Свердлова собираются в квартире Кайгородова Алексея, в Мотовилихе пять — шесть человек, откуда каждый участник собрания уходит с определенным заданием по собиранию распыленной организации. При подборе новых работников Свердлов проявляет необыкновенную чуткость и дает определенные задания каждому члену организации, сразу оценивая его, как работника, способного выполнить ту или иную работу. Во второй раз собрание проходит в квартире Обросова Петра, где „Михалыч", в связи с практической работой по восстановлению организации, уясняет товарищам и развивает схему партийной организации, необходимо построенной на принципе демократического централизма.

С первых же шагов работы Свердлов квалифицирует работников, и партийная работа разворачивается в двух направлениях — организационная и пропагандистская.

В Перми около Комитета создается кружок пропагандистов из новых работников, сюда входят: Гольдберг Моисей, Скворцова, Якунин, Патлых Н., Щербаков Вас., Золотов М., Голионко Вас., Михайлов и др.

В конце марта, в начале апреля агитационно-пропагандистская работа сильно поднимается. В ряды активно работающих входят, кроме Свердлова: „Ольга"— Новгородцева*), „Зеленый" — Фролов (по прежней кличке „Никаша"), „Степан"—Соколов, „Валериан" — Смирнов, „Вадим", „Жизнь"—Барамзин, Комиссаров Яков, „Марк" — Минкин, „Богомаз" — Кучумов и др. Несмотря на несколько подобранные ряды организации в Перми, „Михалыч" в своей работе, повидимому, ставил ставку, главным образом, на рабочих. Вместе с тем как он ведет узко организационную работу, он втягивает в пропагандистскую

*) Новгородцева—жена Якова Михайловича Свердлова.

работу и самих рабочих, определенно готовя тем самым смену интеллигентным силам организации.

Это случилось отчасти и в силу целого ряда обстоятельств. Работа, носившая в последние месяцы пятого года полулегальный характер, вновь теперь ушла глубоко в подполье. Рабочие стали пользоваться все менее и менее помощью со стороны интеллигенции; назначаемые из Перми пропагандисты или агитаторы для занятий в кружках, являлись не аккуратно, часто и совсем не являлись.

Все это заставило самих рабочих с большей энергией и силой приняться за работу, выдвигая из своей среды руководителей. Работа повелась, таким образом, в заводе по цехам. В кружках начинают работать: Тюрин Василий, Заозерских, Слудковский, Смирнов. В кружке повышенного типа занятия ведет сам „Михалыч". Втягиваются в работу Мясников Гавриил, Сивилев, Попов Александр*)—слесарь орудийного цеха № 1. Последний, благодаря близости со многими рабочими, привлек много новых членов в партию. Организация задевает основные слои местных сил рабочего класса. В самом заводе Мотовилихе начинается серьезная работа.

По цехам завода работают: в столярном цехе № 3—Орлов, Андронов, Заозерских; в снарядном № 1—Фролов Василий, Карелин, Иванченко; в орудийном цехе—Власов; в модельном—Беляев; в токарном цехе—Соколов, Аристов, Буторин; в прессовом—Обросов; в электрическом—Ив. Ив. Корякин, Пушкарев, Щеклеин; в лафетном—Сошин, Воронов; орудийном № 2—Базаркин и другие.

Связь установилась между всеми цехами. Среди этих активных рабочих по прежнему не было мысли о силе наступающей реакции, о том, что революция идет на убыль. Чувствовали теперь все члены организации, что активные рабочие идут твердо за руководителями организации, ведущих их по пути вооруженной борьбы.

*) Впоследствии обнаружен как провакатор. *Авт.*

Стараясь использовать время для пропаганды, рабочие беседовали с товарищами до начала работ и после работ. Таким образом, работа пошла вглубь и ведется теперь с большей интенсивностью, несмотря на отсутствие огромного количества старых членов организации, оторванных от рабочих арестами. Но работа шла, главным образом, в Мотовилихе. Интересно отметить факт, когда охранка, считая уже Пермскую организацию вполне ликвидированной, теряется теперь в догадках и, в конце концов, констатирует следующее: „спокойствие водворилось лишь видимое. Деятельность преступного сообщества, именующего себя П. К. Р. С-Д. Р. П., игравшая видную роль в упомянутых беспорядках, не только не прекратилась, но стала принимать все более широкие размеры“.

Работа меж-тем все развивается и иногда переносится из стен завода далеко в лес, где устраиваются массовки. Организация численно уже выростает; к апрелю—маю месяцу насчитывается уже сто пятьдесят, двести членов.

Под талантливой рукой Я. М. Свердлова, которая чувствовалась всей организацией, недавно распыленная, разбитая организация принимает крепкую организационную стройность.

Впервые всей организацией избирается Пермский Комитет. В Комитет входят: „Михалыч“—Свердлов, „Степан“—Соколов, „Ерш“, „Валериан“—Смирнов, „Богомаз“—Кучумов, „Никаша“—Фролов, входящий в Пермский Комитет от Мотовилихи.

В организационном направлении идет большая и глубокая работа.

Все члены организации как-бы распределяются по группам, выполняя определенную работу. При Комитете создается военная организация под названием военно-боевого коллектива. Военно-боевой коллектив распадается в свою очередь на группы. Существовали следующие группы: военно-техническая группа по заготовке оружия; инструкторская группа, под названием коллегии

1) . . . 2) Александр Трофимов.

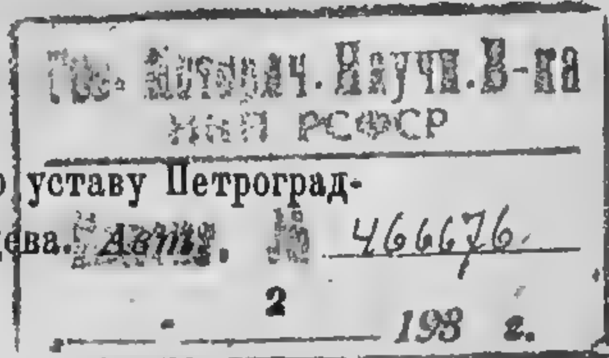
инструкторов, по обучению боевых дружин; штаб разведчиков; финансовая группа; санитарный отряд и, наконец, главный штаб.

Боевая организация имела свой устав, по которому планомерно шла подготовка к вооруженному выступлению и согласно которому эти группы организовывались. Во главе военно-боевого коллектива стоял „Яша Рыжий"—т. Фейгин (сапожник по профессии). Работа шла, главным образом, по подготовке рабочих—боевиков, составлявших боевую дружину. Боевая дружина делилась на десятки; в каждом десятке выделялся руководитель. Таких десятков было от восьми до десяти; ими руководили: Захаров Александр, Ларьков Василий, „Сашка Моряк"—Плюснин (убит на пруду в Мотовилихе), „Костя"—Миков, Булдачев Иван, „Сочень"—Смирнов Иван, Мясников Гавриил, Трофимов Александр. Работали по заданию боевого коллектива, как техники—Миков, Иванченко, В., Федор Корякин, Александр Григорьевич Постаногов *), Анатолий Семченко, Кутузов (Горняк), который служил, отчасти, связью со лбовцами. Необходимо отметить, что устав военно-боевого коллектива был составлен в связи с директивами и постановлениями Р.С.-Д.Р.П. на III с'езде партии, говорящими об организации боевых дружин, а также по постановлению Пермского Комитета, на котором обсуждался вопрос об организации боевой дружины **).

При штабе боевой дружины была организована химическая лаборатория взрывчатых веществ. Во главе лаборатории работали Витовт Богдан и Митя Федоров; организован был также склад метательных бомб, при котором работала, так называемая техническая группа. Бомбы и ударники для бомб, главным образом, изготовлялись Владимиром Касьяновым. В технической группе работал Тарасов. С ним работали: Арсений Зайков и Гавриил Мясников. Еще ранее здесь работал „Петр"—Вощинин. Существовал тут же и гектограф, на котором печатали и распространяли прокламации те же лица.

*) Повешен в Нижнем-Новгороде в 1907 году. *Авт.*

**) Устав Пермской военно-боевой группы, повидимому, был составлен по уставу Петроградской боевой группы, который впоследствии был обнаружен при обыске у Бабинцева. *Авт.*



В апреле же месяце было сформировано и главное детище организации—„техника“, т. е. подпольная типография. Она была организована при помощи рабочего Мотовилихи Пьянкова. Работали в ней, главным образом: Туркин М., Дмитрий Латышев, Картышев Степан, Костарева Александра. Это была ручная типография со станком, двумя типографскими кассами; в ней имелся весь ассортимент шрифта и всех принадлежностей *).

Работа шла с большим под'емом. Благодаря агитационно-пропагандистской работе к концу апреля—в начале мая, среди рабочих Мотовилихи вновь царит революционное настроение. Сама организация значительно выросла, насчитывая в своих рядах до двухсот человек.

Финансы организации.

Но чем больше ширилась работа, тем острее вставал вечно больной в организации вопрос о средствах.

Вместе с надвигающейся реакцией работа охранки на местах принимает разгульный характер. С бешенством охранка производит поголовные аресты рабочих, в поисках руководителей организации. Вместе с нарастающей энергией охранки вопрос о средствах делался все больнее. Приходилось затрачивать очень много средств, как никогда ранее, на укрывание товарищей, в связи с которым требовались паспорта и т. д. Средства добывались двояким образом. Во-первых, шли сборы не только среди членов организации, но и среди беспартийных рабочих. Отчасти средства собирались и среди либеральной буржуазии. Это с одной стороны. С другой стороны, отдельные группы организации без разрешения и без ведома организации, без оффициального разрешения Комитета в целом, путем собственной инициативы, делали набеги на казенное имущество, устраивая экспроприации касс, винных лавок и т. п. Но средства, добытые последним путем, шли на оказание индивидуальной помощи, шли в тюрьмы отдель-

*) См. сборник „Борьба за власть“ т. I, воспоминания Туркина.

ным политическим, их семьям; помогали отдельным товарищам, вышедшим из тюрьмы, помогали ссыльным.

Но в то же время необходимо резко оттенить, что средства, добытые путем экспроприации, Комитет партии ни при каких обстоятельствах на нужды организации в целом не разрешал принимать и не принимал.

Условия дальнейшей работы.

К концу апреля подпольная работа ведется уже с большим трудом. Вновь начались крупные аресты, которые значительно подорвали работу. 23-го апреля в народной читальне (отделение Смышляевской библиотеки) был арестован пропагандистский кружок. Доклад Моисея Гольдберг был прерван явившейся полицией. Найденные при обыске Скворцовой, Патлых, Щербакова, Золотова, Голионко—вещественные доказательства помогли охранке вновь нащупать организацию. Были обнаружены т. н. передаточные квартиры: Бабина Степана, Кувшинского М., Кузовникова Н , Лучинина Н., Футлик.

Но и при таких условиях работа продолжала развиваться благодаря неустанному руководству Свердлова, организационный талант которого ценила вся организация. В конце апреля вернулась со с‘езда из Стокгольма „Ольга“—Новгородцева. По этому поводу была созвана сходка, на которой Новгородцева делала доклад со с‘езда.

В докладе своем К. Новгородцева осветила все вопросы не с точки зрения принятых большинством с‘езда резолюций, но освещала вопросы с точки зрения предлагаемых на с‘езде резолюций меньшинства, которые принадлежали большевикам. По большевистски был поставлен и главный вопрос—о боевых дружинах и о вооруженном восстании. О перемене курса в центре в пользу меньшевитского большинства с‘езда, о решениях с‘езда, Новгородцева говорила лишь мимоходом.

Яков М. Свердлов также не счел нужным много говорить о постановлениях меньшевистского с'езда. Очевидно, „Ольга" действовала по директивам „Михалыча".

Таким образом, несмотря на указания из центра, несмотря на постановления с'езда, Пермский Комитет продолжал работать по-прежнему, не распуская боевых дружин. Напротив, Пермский Комитет вдвойне усилил работу по инструктированию товарищей в боевой работе, укрепляя тем самым дружины; кроме того, оружие, бомбы продолжали заготовляться.

Работа продолжала развиваться вглубь, избегая широких собраний. Так, даже в день первого мая, благодаря недавнему разгрому и учитывая тщательную бдительность охранки, Пермский Комитет решил воздержаться от массового выступления и ограничился устройством массовки.

Раскол организации и арест Михалыча.

Налаженная работа продолжала бы развиваться успешно и дальше, но этому помешал целый ряд различных условий. В организации стали возникать ссоры, в конце концов вылившиеся в склоку. Эти обстоятельства начали разлагать работу, которая значительно тормозилась.

Виною этих обстоятельств, главным образом, послужил один из членов Комитета „Валериан"—Смирнов. „Валериан", сначала исподволь, повел кампанию против товарищей, настроенных по большевистски и идущих за большевистской частью организации.

Вскоре (после временного от'езда „Михалыча" по делам организации) „Валериан" стал настраивать молодых членов организации против самого „Михалыча", против „Ольги", „Ерша" и других.

Необходимо отметить, что до вооруженного выступления большевистская и меньшевистская части организации организационно были слиты. *)

Теперь же во главе последней встал „Валериан". В этот небольшой период „Валериан" увлек за собой большинство организации (в том числе большую часть мотовилихинцев).

*) Слились после октябрьских дней и, т. обр., работали вместе несколько месяцев. *Ред.*

Победе меньшевиков во главе с „Валерианом“ много способствовали и резкости самих большевиков, находящихся в руководящем составе организации. Это было в тот момент, когда необходимо было сразу разоблачить меньшевиков перед всей организацией и одернуть их.

Кроме того сюда были внесены элементы чисто личного характера, придающие этому серьезному брожению в организации характер склоки с мещанским оттенком. Все вместе взятое привело к тому, что большинство пошло за „Валерианом“— Смирновым, который и стал во главе организации.

Вошедшие в Комитет при выборах большевики бойкотировали Комитет, чем окончательно дискредитировали себя перед рабочими. Из большевиков самостоятельную позицию занял лишь один „Никаша“ (впоследствии „Зеленый“)—Фролов, который входил в Комитет от Мотовилихи.

Всем этим недоразумениям, повидимому, не было бы места, если бы присутствовал в организации Свердлов, Я. М. В это время ссор и склоки „Михалыч“, как сказано выше, уезжал.

Вновь избранный Комитет проработал недолго. Опять начались поголовные обыски и крупные аресты. Охранка буквально свирепствовала. Вскоре в ее цепкие руки попал весь Комитет нового состава, за исключением Фролова.

Сели „Валериан“, „Ольга“, „Ерш“ и др.

Едва успевший приехать „Михалыч“ также не мог уберечься.

Провожая одного товарища на пароход, Свердлов шел по Обвинской улице. Здесь внезапно встретился он с жандармом, который знал „Андрея“ по Екатеринбургу и давно уже разыскивал его.

Тот-час же послышались свистки... Свердлов был окружен полицией и препровожден в Губернскую тюрьму.

Причины провала.

Еще в начале работы периода „Михалыча“ некоторые товарищи замечали, что в организации что-то не ладится, но кон-

кретно не могли уяснить себе причины неудачных работ. В последнее время перед самым провалом многие знали, что в организации существует провокатор; подозревали Фому Лебедева, Якова Комиссарова. Последний вскоре исчез из организации неизвестно куда. Подозрение товарищей за ним и осталось, но никто не мог сказать ничего положительного. Провал произошел, действительно, благодаря крупной провокации. Провокация же совершалась совершенно в другом направлении, чем подозревала организация.

Подбирая тех или иных работников, „Михалыч“ наметил по охране и заведыванию оружейным складом боевой дружины старого работника организации Вотинова Якова. Выбор Свердлова одобрила вся организация, доверяя Вотинову, как одному из самых надежных товарищей. Вотинов начал работать с условием, что никто не должен знать, кроме него, место существования склада оружия. Уговор выполнялся за все время работы после вооруженного восстания. Вотинову, как заведывающему складом, передавалось все оружие; также по требованию организации Вотинов был обязан доставлять оружие.

Организация и после восстания старалась приобретать новое оружие, доставала подержаное, чинила—все отправляя Вотинову... Еще ранее Вотинову было сдано оружие, привезенное Борчаниновым из Ижевска—до 30 винтовок. Знали об этом Кузнецов Яков, Иванченко, „Моряк“.

Не раз казалось товарищам подозрительным такое положение: бывали случаи, когда необходимо было шесть, семь винтовок—Вотинов давал две—одну. Дело терпело крах, или совсем не предпринималось. Об‘яснял Вотинов тем, что больше никак нельзя было пронести и т. д.

Оказалось на деле следующее: уже в то время Яков Вотинов работал в охранке. Все что слышал в организации, все что передавалось ему—все шло непосредственно в руки охранки. Даже оружейный склад находился в самой охранке. *)

*) На квартире самого нач. охр отд. Самойленко. *Ред.*

В конце концов, при помощи Вотинова выяснились для охранки все силы организации, Якову не зачем было больше „работать на партию". Начались аресты.

Было арестовано сразу сорок человек.

Арестовали работников химической лаборатории и боевой группы во главе с Фейгиным. Арестовали Зырянова, Тарасова, Богдана Витовта, Мясникова, Соколова — „Степана" и других.

При обыске и арестах отбирались в качестве вещественных доказательств программы, резолюции II и III-го с'ездов партии, руководства по организации вооруженного восстания, составленные в Женеве, план восстания (у Фейгина), устав боевой организации Р.С.-Д.Р.П. и т. п. Все это в целом послужило тому, что охранка выявила всесторонне работу организации, развернувшуюся в первую половину тысяча девятьсот шестого года и постаралась ликвидировать ее.

Некоторые члены, желая отомстить Вотинову, делали засаду при помощи „Моряка", но неудачно, так как полиция и об этом была осведомлена. Обыски и аресты продолжались.

10-го июля была обнаружена подпольная типография Комитета (в ночь на 10 июля) *) на Монастырской улице в д. № 142 и взята при следующих обстоятельствах. Некто „Зайчик"— Андрей Мальцев, которому было поручено отвести в типографию бумагу, не мог в ночной темноте отыскать номер дома и бродил с лошадью туда сюда, пока не наткнулся на полицию.

Здесь за типографским станком были арестованы: Латышев Дмитрий, Туркин Михаил, Картышев Степан и Костарева Александра При аресте типографии в одном станке был зажат набор четырех страниц программы Р.С.-Д.Р.П. Здесь же в помещении найдена была печать Пермского Комитета.

При опросе Мальцев дал показания, что лошадь для перевозки бумаги была ему дана Клавдией Кирсановой. Действительно, 9-го июля Клавдия Кирсанова взяла лошадь у своего отца и с тех пор домой не возвращалась. 10-го же

*) См. воспоминания Туркина, Сборник „Борьба за власть" том I.

июля Клавдия Кирсанова была арестована в квартире Смирнова, Тарасова и Алпатова. У Тарасова были обнаружены вещественные доказательства работы в химической лаборатории и инструкторской школе. Были найдены устав боевой организации, список оружия и записи рецептов о способе приготовления взрывчатых веществ.

В общем, теперь уже охранке удалось выявить всю разносторонне развернувшуюся работу организации, идущую вглубь, задевая основные корни местного рабочего движения. И даже представители местной власти констатируют факт наличия огромной работы организации за этот период.

Впервые под руководством „Михалыча" Пермская организация Р.С.-Д.Р.П. приняла настоящие формы своей жизни и работы.

Арестовав Свердлова, Я. М., как „Андрея", охранке все же не удалось установить его личность. Это подтверждается следствием по делу Пермской организации, где говорится, что личность его осталась на следствии не установленной.

Свердлов был арестован под паспортом Льва Герца. При нем были обнаружены записи прихода и расхода П. К. (Пермского Комитета); собственноручная рукопись предполагавшейся к изданию прокламации; денежный отчет П. К. за май месяц, который был написан (по исследованию экспертизы охранки) также рукой Свердлова. Кроме этого охранке удалось установить, благодаря показанию Морозовой, что Герц, т. е. Свердлов, Я. М., носил кличку—„Михайлыч". Почти одновременно со Свердловым была арестована и „Ольга — Новгородцева, которой было пред'явлено обвинение в сборе денег в пользу заключенных.

При аресте Смирнова охранка выявила активную роль его в Комитете за последнее время—у него нашли денежный отчет Комитета; записку с цифрами, означающими сумму денег, собранных на последней массовке и внесенных, как членские взносы; обнаружены были и некоторые записки, указывающие на активную роль его в Комитете.

Задержаны были также близкие к работе Комитета—Соколов - „Степан“ (при нем была найдена рукопись воззвания „к товарищам партийным“ и список хозяев ремесленных заведений города Перми), Бина Зильберберг*), Пинхус Павел.

Вместе с арестами работников прекратило работу и Пермское Окружное Бюро, впервые начинавшее налаживать организационые связи с местами под руководством „Михалыча“. Были арестованы Алпатов Сергей, Михаил Кесарев, Костенецкий.

Охранка все же добилась своего. Организация была разбита. Всего было арестовано более сорока человек деятельных членов организации, т. е. вся головка организации.

Главная работа встала.

Кое-как она поддерживалась лишь в Мотовилихе.

Необходимо отметить, что после последних провалов не только в руководящей головке, но задевая всех членов, в организации начался раскол между большевиками и меньшевиками. От организации отдаляются меньшевики—Бернштейн, Абрамович, Горных, Трефилов и другие.

Между тем, возросшая к моменту последних провалов до двухсот человек с небольшим, организация нуждалась в руководстве.

Из руководящих сил организации остался не пострадавший лишь один „Зеленый“—Фролов Василий. Оставшись в одиночке, „Зеленый“ не мог все же самостоятельно повести дальнейшую работу по Перми и в Мотовилихе.

Таким образом, крупная работа обрывается вместе с арестом „Михайлыча“ и целого ряда окружавших его преданных делу работников.

Так заканчивается для Пермской организации первое полугодие тысяча девятьсот шестого года.

---

*) Умерла от горловой чахотки в середине 1924 г. См. некролог „Пролет. Рев.“ истор. журнала Испарта № 7.

Затишье.

Наступает период перерыва в работе организации—месяцы июнь, июль,—когда, кажется, все главные силы подполья вырваны рукою все более надвигающейся реакции.

Перед рабочими Перми, Мотовилихи опять остро встает вопрос „самим взяться за работу". Еще в начале года наметившееся среди местной интеллигенции стремление стушеваться теперь углубилось под влиянием растущей реакции. Интеллигенты, взявшие на себя работу в кружках пониженного типа, теперь все чаще не являлись на занятия и, в конце концов, совершенно рассасываются из организации—так прекратили работу кружки в Мотовилихе, на Заимке.

В Перми в это время сильно развивают свою работу соц.-революционеры, отчасти, меньшевики.

В этот период времени огромную работу вынес на себе „Зеленый" (прежде „Никаша"), который все еще работал организатором в Мотовилихе и как один из активных членов Пермского Комитета.

Наступал ответственный момент—период подготовки к выборам в II-ю Государственную Думу. Фролов—„Зеленый" начинает метаться, повсюду принимая на себя главное активное участие. С ним начинают работать втянувшиеся в работу Корякин Ив. Ив., Орлов, также Иванченко, Клыков. Начинает в Перми работать кое-как налаженная вновь „техника", где работают Александр Худонин, „Капитан"—Овчинников, Морозова и др.

Все же работа идет туго. Благодаря последним провалам, назначенная еще в июле конференция не собирается.

Лишь в начале августа собирается общее собрание организации вместе с Мотовилихой. Здесь был избран Комитет в составе: „Зеленого"—Фролова, „Богомаза", „Белого", „Фомы"—Лебедева, „Арсения"—Михайлова и др.

При выборах все еще живо было впечатление, неизжитое от последних провалов. Чувствовали многие, что работа все еще не налаживается. Действительно, вскоре из Нижнего Новгорода было

получено предупреждение в Комитет, что в рядах Пермской организации есть провокатор. Вскоре по подозрению был исключен из рядов организации Лебедев—„Фома“, который требовал предания суду товарищей, оклеветавших его *). Работа не шла. Не было сил на местах, некому было проводить директив центра.

Приезд Артема

Мало-по-малу в Пермской организации начинают появляться кое-где свежие силы. Сюда приезжают сормовцы: Самсонов Ив. Вас., Шпагин Алексей, поступивший строгальщиком в железнодорожные мастерские и другие.

С осени того же года в жизни Пермской организации начинается совершенно новая полоса.

В конце июля проездом в Екатеринбург в Пермь заглянул „Артем“ (харьковец). На областном совещании „Артем“ избирается членом Областного Комитета. Областной Комитет (в него входят „Назар“, Чуцкаев, Лугановский, Ведерников и др.) ставит вопрос о завоевании широких масс рабочих Урала перед выборами во II ю Государственную Думу. Выполнение этой огромной задачи намеченной Комитетом, повести рабочих по пути большевизма против эс-эров и меньшевиков,—(в последнее время развивших свою работу) берет на себя „Артем“.

И вот вскоре на арене опустошенных ячеек Пермской организации появляется фигура „Артема“. Артем—Федор Андреевич Сергеев—приехал сюда под влиянием встреч на Стокгольмском с‘езде, где делегаты уральцы уговорили его поехать поработать на Урале.

Тихо, но глубоко вошел Артем в Пермскую организацию. Изучая обстановку предстоящей работы, Артем, повидимому, хорошо понял, что здесь именно он найдет почву для приложения своих неизбывных сил.

*) Впоследствии оказалось, что организация была права. В 1920 г. расстрелян Пермской Г.Ч.К. как провокатор. *Авт.*

Вместе с приездом Артема начинается плановая работа, обхватывающая сразу чрезвычайно широко местных рабочих. Состоя членом Областного Бюро, Артем становится во главе Пермской организации и с головой уходит в работу.

Под руководством Артема начинает обновляться организация за счет выросших в последнее время, выдвинувшихся с мест рабочих. Артем втягивает в руководящий состав организации именно таких работников. В комитет входят: Ив. Ив. Корякин, Петухов В. И., Леготкин, Клыков, Марков и другие. Сам Артем также стремится ковать новых работников. Он организует вновь кружки и буквально штудирует в них Богданова.

Выше у нас говорилось о том, что в последнее время организация носила меньшевистский характер, а также эс-эры пробовали вести рабочих, имеющих сплошь и рядом свои хозяйства, за лозунгом „Земля и Воля".

Артем все глубже входил в работу, изучая ячейки на местах. Он сам ходил на массовки, устраивал широкие собрания, где разоблачал перед рабочими массами сущность эс-эрства и меньшевизма. Своим ярким простым языком, вполне доходящим до сознания простого рабочего, он излагал сущность большевизма, программу его. На собраниях же Артем заводил сам связи с рабочими, стремясь выявить работников из массы. Вскоре результат работы сказался. Колеблющиеся элементы организации усваивают под руководством Артема тактику большевиков. Само собой исчезают из организации имевшие место распри. С Артемом работали—„Зеленый", Бина Зильберберг, Ольга Двинянинова, Трефилов (м-к), „Семен Рыжий", Патлых Николай.

Но если исчезли внутри организации раздоры и распри, то теперь именно разгоралась внутри организации идейная борьба. Отношения с меньшевиками чрезвычайно обострились. Намечались вопросы, которые показывали, что никакие доводы не приведут к тому, чтобы работать сообща.

Меньшевики считали революцию законченной и стремились к работе легальной, какую позволяли условия наступавшей ре-

акций. Кроме того, местные меньшевики не порывали связи с кадетами, придавая огромное значение черносотенному направлению и преувеличивая опасность с его стороны.

Артем боролся с меньшевиками внутри организации и на собраниях рабочих. Но, выступая против меньшевиков, он вместе с ними „единым фронтом“ боролся с эс-эрами и эсерствующими рабочими.

Благодаря здоровой простой, но сильной логике, в результате целого ряда массовок, собраний Артем повел за собой рабочих эс-эров, рабочих меньшевистски настроенных, поражая многих своим умением об'единить около себя все сильные, здоровые, честные элементы.

Работая и изучая все глубже организацию и условия работы, Артем все же приходит к выводу, что для подготовки к избирательной кампании твердых работников, на кого можно было бы положиться при выполнении своей задачи, очень немного. Поэтому Артем ставит об этом вопрос и решает сам ехать за новыми силами.

Артем вернулся (по данным, Артем ездил в Москву) с работниками, которых и раньше он хорошо знал по работе. С ним приехали „Игнат“ с братом Иваном, жена „Игната“ — „Мария Игнатьевна“, „Саша“, „Саша Черный“.

Началась длительная подготовка к избирательной кампании во II-ю Государственную Думу.

Артем весь входит в работу, подходя к каждому работнику со своей оценкой, привлекая на работу, заставляя работать всех, кто мало-мальски был способен что-либо делать.

По рассказам многих товарищей можно заключить, что Артем умел как-то вплотную подходить к рабочему массовику и вести его за собой, что называется, в огонь и в воду.

Сейчас, когда говорят и вспоминают Артема, повторяют одно и то же,—что Артем дал им впервые возможность осознать действительно большевистское направление, впротивовес всяким оппортунистическим течениям.

С целью охватить еще более широкие слои рабочих Артем продолжает устраивает целый ряд массовок, собраний и говорит сам, выступая, главным образом, против эс-эров, все с той же целью — выбить рабочего массовика из-под влияния мещанской идеологии.

Будучи членом Областного Комитета, руководя Пермским Комитетом, Артем берет на себя, опять все с той же целью, роль окружного организатора. Это дает возможность Артему непосредственно столкнуться с самой широкой массой уральских рабочих.

До этого времени под руководством Окружного Бюро работа шла, главным образом, по заводам. Работа шла как-то обособленно, силами, которые выделял Пермский Комитет.

В последнее время там был организатором тов. Семченко, секретарем же работала только что вышедшая из тюрьмы Будрина Зоя Александровна. Работали в Окружном Бюро также: „Арсений“ — Михайлов „Анатолий“ — Денисов, Роберт Пашке.

В таком составе (после последних провалов) Бюро стало вновь работать с августа месяца. В сентябре состоялась окружная конференция, на которой были представлены заводы: Чусовая, Лысьва, Пожва, Бисер, Нытва, Кунгур и ст. Вознесенская. По докладам с мест выяснилось, что организации на местах были очень незначительные—от трех до шести человек в ячейке. Работа ячеек шла туго, не развивалась.

Так было дело до Артема — массовой работы не велось.

Вскоре началась предс‘ездовская кампания. Сменив собою т. Семченко, Артем сам поехал по заводам.

Артем подходил к каждой ячейке „как свой“, сразу привлекая к себе рабочего-рядовика. В то же время он умел и успевал основательно „прощупать“, чем живет и дышет ячейка, узнать степень того необходимого в борьбе рабочих знания тактики, которой отличается большевизм. Были факты, когда оказывалось, что ячейка, искренно считавшая себя большевистской, на работе проявляла себя, как ячейка меньшевистская, сбиваясь с революци-

онного пути, даже не подозревая об этом. Артем об'яснял, раз'яснял своим простым языком с необычайной внутренней силой сущность тактики большевиков, доказывая правильность их пути. С великим спокойствием и уверенностью развивал Артем перед рабочими перспективы дальнейшей классовой борьбы.

Таким образом, Артему удалось легко исправить работу на местах, оставляя после себя ясность и твердость в руководителях рабочих, которые до этого колебались между революционными теориями своих же вождей. *) В результате Артем ведет рабочих за собой по пути большевизма, искореняя в корне идеологии, чуждые революционной классовой борьбе—идеологии меньшевиков и эс-эров. Собирая и инструктируя около себя товарищей, Артем, видимо, пользовался огромной любовью. Почти у всех товарищей, работавших с Артемом, осталось к нему то же чувство, какое вызывал Артем в „Зеленом"—Фролове, выражающем его в одном письме в следующих сло ах:

„Эх, товарищ, не знал ты Артема" **) . . . .

Об'ехавши заводы. Артем делал в Окружном Бюро доклад, в котором информировал Бюро о значительном росте ячеек. Работа на местах приняла сразу массовый характер, ячейки окрепли и выросли.

— Я ахнула после доклада Артема, – рассказывает Будрина, бывшая в то время секретарем Окружной организации.

И, действительно, в результате работы Артема на местах организации выросли в пять—шесть раз.

На все замечания изумленных товарищей по поводу этого Артем в ответ лишь ухмылялся.

Работа развивалась. Организация пополнялась в руководящем составе. Так Комитет пополнился новыми силами. Вошли: „Арсений"—Михайлов, „Анатолий"—Денисов, „Потапыч"—Петухов В. И. В своей работе Артем опирался на „Сибиряка" и „Зеленого"—Фролова.

---

*) По воспоминаниям Ермакова П. *Авт.*

**) См. ниже воспоминание В. Фролова. *Авт.*

Дружно работали приехавшие с Артемом. Настала предвыборная кампания.

За работой.

С приближением избирательной кампании во II-ю Государственную Думу партийная работа приняла вновь полулегальный характер.

Организация напрягала все силы для завоевания широких слоев избирателей—рабочих.

Одним из мест, где проходила подготовка к выборам, служила Смышляевская библиотека. Здесь был пункт, куда сносилась вся легальная и нелегальная литература для обслуживания кампании. Сюда же доставлялась и местная нелегальная печать из типографии, где в то время работала Катя Морозова. Волосатых и другие. Таким образом, в Смышляевской библиотеке получился склад литературы по предвыборной кампании; здесь же происходила и раздача этой литературы уполномоченным и выборщикам. Кроме этого, сторож „Смышляевки“ „Яков“ был „свой“, и поэтому работники подполья часто находили здесь приют себе.

В последние перед выборами дни в библиотеку приходили, не соблюдая уже никакой конспирации. Это была ставка на все. Товарищи уже не шли в библиотеку, а просто „напирали“, по выражению современника, не обращая внимания на тут же, в библиотеке, сидевших шпиков.

Предвыборная кампания развертывалась во всю широту. Печатались избирательные листки, списки, которые распространялись по заводам на рабочих собраниях.

Всей подготовительной работой руководил Артем, то здесь, то там ухитряясь выступать сам под видом рабочего.

Со всех заводов губернии стали поступать благоприятные сведения о ходе предвыборной кампании. Меняя место своего пребывания, Артем неустанно следил за ходом кампании и в то же время успешно избегал набегов и преследований охранного отделения.

Сначала Артем жил у Шпагина, затем у Двиняниновой, у „Мани“—Загуменных,*) ночевал в Смышляевской библиотеке, повсюду встречая по отношению к себе исключительную любовь и уважение.

Предвыборная кампания шла полным ходом. Пермский комитет успел посредством организаций на местах связаться с уполномоченными от заводов и давал им свои адреса для остановки на время выборов. К моменту приезда уполномоченных были сорганизованы группы рабочих, которые под предлогом отыскивания земляков уводили товарищей к себе на заранее приготовленные квартиры.

Артем сам посылал надежных товарищей устраивать собрания уполномоченных, намечал списки кандидатов (списки быстро оттискивались на гектографе), которые распространялись среди рабочих заводов.

Списки об избирательной платформе и т. д., а также нелегальная литература, присланная из центра, распространялась в массовом количестве.

На-ряду с массовой плановой работой, шла работа и внутри организации. Организация начинает определенно менять свою физиономию—меньшевистский уклон, имевший место в середине этого года, уступает яркому большевизму, идущему ему на смену. Рядовые члены организации теперь уже определенно чувствуют себя вырванными из-под влияния меньшевиков. Отношения с представителями меньшевистской группы обостряются. Идет борьба за обладание широкими массами. При обсуждении вопроса о предвыборной кампании в П. К. встал вопрос, входить или не входить в блок с кадетами, и если входить, то по какой курии и в какой стадии выборов.

Меньшевистская часть организации встала сразу на путь соглашения с кадетами по городской курии. По рабочей же курии решили не входить в блок ни с какими партиями. (По рабочей курии и не было никаких представителей кроме соц.-демо-

*) См. „Борьба за власть“ т. I, воспом. Загуменных.

кратов; меньшевики по многим заводам, также в Мотовилихе проходили вместе с большевиками).

Большевистская часть организации ставила себе определенные задачи—выяснить, какими силами могут располагать большевики. Это можно было сделеть, лишь выставив свой самостоятельный список. В случае же черносотенной опасности, которой все время пугали меньшевики, решили войти в блок с кадетами в последней стадии выборов.

Вскоре списки различных партий стали ходить по рукам.

Вопреки постановлению П. К., пермские меньшевики вошли в блок с кадетами в первой же стадии выборов. В результате в кадетском списке появилась фамилия одного из старейших пермских социал-демократов Павла Александровича Матвеева, намеченного в кандидаты меньшевистской частью организации.

Постановления Стокгольмского с‘езда не были выполнены Пермской организацией в целом, организация фактически раскалывается на большевиков и меньшевиков—раскол продолжается и на местах.

Списки выборщиков были помещены в кадетской газете „Пермский Край“. В той же газете был помещен ряд статей, травящих большевиков. Факт появления известного всем рабочим П. А. Матвеева в кадетском списке привел многих рабочих в недоумение. Но этот же факт во многом послужил плюсом для агитации против меньшевиков и эсеров. Рабочие поняли ясно сущность меньшевизма, поняли, почему меньшевики являются опасными для рабочего движения.

Меньшевики совершенно теряют почву для работы среди широких рабочих масс, которые поворачиваются в сторону большевизма.

С приездом друзей Артема и еще нескольких сормовцев работа в Пермской организации достигла огромных размеров, организация выросла и окончательно встала на ноги. Отдельные ячейки укреплялись.

Между тем власти не дремали. Еще после разгона Думы администрация почувствовала себя крепче. На рабочих стали нажимать. Постепенно ликвидируются различные комиссии с представительством рабочих. Пошли аресты.

В жел.-дор. мастерских были арестованы Тиунов, Мотырев, Румянцев. Недолго проработал там же и сормовец И. В. Самсонов (под руководством Артема ему все же удалось настолько укрепить ячейку жел.-дор. мастерских, как ячейку большевистскую, что работавший там и пользовавшийся большим влиянием меньшевик „Пиляй" принужден был уехать). Вскоре Самсонов был отправлен в Николаевку, где и умер в 1907 году от пыток Вестюнина, надзирателя тюрьмы. Но несмотря на целый ряд препятствий, Пермская организация в целом работала как никогда и работа ее за это время дала блестящие результаты. Избирательная кампания во II-ю Государственную Думу показала организации, что рабочие в своей массе, благодаря умелой агитации и пропаганде, поставленной под руководством Артема, действительно пошли твердой поступью по революционному пути.

Поэтому, зная настроение в массах, организация была уверена в том, что по рабочей курии пройдут социал-демократы.

И действительно, в заводе Мотовилиха настроение рабочих в корне изменилось. Много повлиял выступавший сам на собраниях Артем. К концу 1906 года прямым следствием работы в Мотовилихе явился рост организации, насчитывающей к этому времени до шестисот членов.

Вся организация, разбитая на пять подрайонов, возглавлялась сейчас районным комитетом, который горячо работал под руководством Артема. В это время во главе с организатором з. Мотовилиха тов. „Зеленым" работали: Новожилов В., Иван Иванович Карякин, Клыков (один из активных рядовых рабочих, замеченных Артемом и втянутый в работу организации под кличкой „Пушка"), т. Иванченко В., пользовавшийся популярностью среди рабочих, тихо, но твердо и уверенно работавший

в организации, и ряд других рабочих, выдвинувшихся на практической работе.

За несколько времени до предвыборной кампании в снарядном цехе № 2 прошло под руководством Артема т. н. фракционное собрание, где были наиболее активные работники организации: „Зеленый“—Фролов В., Кожевников В., Смирнов П., Иванченко В., Клыков А. и многие другие. Здесь были намечены кандидатами в выборщики члены организации, пользовавшиеся наибольшей популярностью среди рабочих: Тронин М., Иванченко В., Карелин Г., Обросов П., Оборин И. *).

В результате на губернский с'езд уполномоченных прошли: Иванченко В., Карелин Г., Тронин М. В жел.-дорожных мастерских Пермь I прошел рабочий строгальщик Шпагин Алексей **), который на собрании изложил сущность соц.-демократической программы. С других заводов и с мест также получались самые благоприятные для организации известия.

В результате с'езда уполномоченных большевики получили семьсот голосов с лишним. Черносотенной опасности не оказалось. Но меньшевистская тактика послужила тому, что меньшевики оказали огромную поддержку кадетам, выставившим в своем списке кандидатуру соц.-демократов, из-за чего многие не разбиравшиеся голосовали за список кадетский. Впоследствии (8-го февраля) состоялось заседание Пермского комитета, на котором Матвеев П. А., как член организации, вопреки постановлению Комитета вошедший в блок с кадетами, был исключен из рядов организации, ставшей теперь ярко большевистской.

На губернском с'езде уполномоченных Шпагин составил список проявивших себя большевиков, для обсуждения кандидатур выборщиков в члены Государственной Думы. Список был еще пополнен Артемом, отпечатан на гектографе и распространен среди уполномоченных по выборам.

---

*) См. „Борьба за власть“ т. I. Восп. Иванченко В.

**) См. „Борьба за власть“ т. I. восп. А. Шпагина.

Подошел конец января тысяча девятьсот седьмого года. Работа развилась широко и проходила самым напряженным темпом. Большевики пользовались всякой возможностью использовать каждое собрание избирательной кампании, раз'ясняя сущность большевизма, противопоставляя его эсеровщине, тем самым оттесняя эсеров от влияния на широкие массы трудящихся. В своей агитации за это время большевики не оставили без внимания и крестьян.

Приезжающие и местные члены организации старались останавливаться и быть вместе с крестьянскими уполномоченными и вели между ними свою пропаганду. Многие из крестьян были связаны с заводами, т. к. на зиму приходилось уходить на завод на заработки и здесь сталкиваться с той же, если не худшей, эксплоатацией. Поэтому такие крестьяне легко воспринимали речи большевиков и многие из них шли за рабочими.

Целый ряд активных работников, окружавших Артема, работали среди уполномоченных, пропагандируя идеологию борьбы рабочего класса.

Из выборщиков организация по предложению Артема наметила кандидатом в члены Государственной Думы тов. Шпагина, рабочего строгальщика из жел.-дор. мастерских Пермь I.

Накануне губернского с'езда выборщиков в квартире Наговицина было созвано совещание нелегального характера. На это совещание были приглашены завербованные организацией выборщики, которые помогли выяснить численность представительств различных партий. Оказалось, что социал-демократическая фракция с'езда составляла тридцать пять человек.

6-го февраля состоялось организационное предвыборное собрание выборщиков, на котором социал-демократы потребовали (опираясь на крестьян) три места для своих кандидатов в члены Государственной Думы. Вечером в тот же день в квартире Шайдурова состоялось вновь совещание соц.-демократов, которым руководил Артем. В повестке дня был только один вопрос обсуждение кандидатур в члены Государственной Думы. Кандида-

туры намечались принимая во внимание, кроме личных качеств выборщиков, территориальный признак. Выставлены были кандидатуры: Петрова (от Екатеринбурга), Чащина (Надеждинский завод), Шпагина (Пермские ж.-д. мастерские), Ордина (от Екатеринбурга), Тронина (от Мотовилихи), Балховского (от Бисерских железнодорожников), Карелина (от Мотовилихи). Выбор фракции пал на Петрова, Чащина и Шпагина.

7 го февраля состоялись выборы в члены II-й Государственной Думы. Списки выставленных кандидатов прошли целиком. Были избраны в члены Государственной Думы большевики: Чащин, Петров и Шпагин *).

Таким образом, благодаря Артему (по отзывам всех помнящих его и работавших с ним товарищей), обладавшему огромной силой организаторского таланта и великой способностью образно выражать самую тонкую политическую мысль, благодаря его простому и яркому языку, понятному всем рабочим, доходящему без труда до их чувства и мысли — Артем, опираясь на целый ряд преданнейших делу работников: „Зеленого“, „Сибиряка“, „Степана“, „Азария“ и других, незаметно поборол меньшевистские течения и совершенно изжил возможность всякого влияния эсеров на рабочие массы з. Мотовилихи и других заводов и мастерских губернии.

14-го февраля 1907 года вновь избранные члены Государственной Думы уезжали. Через „Пермский Край“ (местная кадетская газета) было широко оповещено об от‘езде депутатов. Шпагин перед от‘ездом побывал в Мотовилихе, где собралось несколько сот рабочих, которым Шпагин об‘явил об от‘езде и о необходимости собраться всем рабочим для заслушивания наказа. Вечером состоялась многочисленная демонстрация проводов делегатов в Петербург.**) По настроению и по численности это была последняя демонстрация в те дни, когда реакция окончательно входила в силу ***).

---

*) См. воспоминания Шпагина. Сборник „Борьба за власть“ т. I.

**) Ленинград. *Ред.*

***) См. воспомин. Шпагина. Стр. 243. *Ред.*

Во время многочисленного митинга, устроенного от'езжающими делегатами, выступали Шпагин, Колокольников, Сащенко, рабочие Карелин и Тронин от Мотовилихи.

Впоследствии, когда стали выступать рабочие, жандармерия, пытаясь прекратить митинг, устроила провокационный выстрел из револьвера, в ответ на который стала стрелять сама полиция. Создалась страшная паника. Митинг был сорван *). Жандармы очистили зал при двух раненых.

Карелин был избит, Пирожков и Матвеев были арестованы.

Эта демонстрация заканчивает собою период ярких революционных выступлений. На смену им наступает мучительно-тяжелая подпольная работа, малейшее проявление которой душится рукой окрепшей реакции.

Несмотря на это, избирательная кампания задела глубоко корни самых широких слоев рабочих, наладила широкие связи. Необходимо было скорее укрепить новые связи, наметить дальнейшие пути в работе организации.

Подготовка к V-му с'езду и арест Артема.

Но эти вопросы должен был разрешить очередной с'езд партии (V-й Лондонский), к которому без отдыха стала готовиться организация. К этому времени, приблизительно к началу марта, Пермская организация чувствует себя окончательно окрепшей. К этому времени выявляется количество новых членов партии, рост организации на местах. Утверждаются в области новые возникшие ячейки, определяется количество делегатов, пропорциональное общему количеству членов организации, для посылки на предстоящий Лондонский с'езд партии.

Предварительно для обсуждения вопроса по подготовке к Лондонскому с'езду должна была состояться в марте месяце в Екатеринбурге конференция.

---

*) Подробности см. воспом. „Борьба за власть“ т. I.

В начале марта состоялось одно из очередных заседаний Пермского комитета, связанное с подготовкой к Лондонскому с‘езду и посвященное этому вопросу. К этому времени прибыл в Пермскую организацию для работы от меньшевистской части Ц К. т. Гольдман. Кроме старых руководителей организации присутствовал на собрании Гольдман; был здесь и работавший несколько месяцев т. Лядов. Собрание протекало очень бурно, благодаря ожесточенным спорам Артема с Гольдманом.

Это было последнее выступление Артема в Пермской организации.

При выходе из помещения (собрание происходило в училище на углу Петропавловской и Соликамской) все были арестованы, в том числе и т. Артем. Избежали ареста лишь поспешившие ехать в Мотовилиху: Иван Иванович Карякин, Петухов В., Клыков и некоторые другие.

Была тут же арестована и „Елена“—Ольга Ивановна Двинянинова, которая, будучи секретарем комитета, сосредоточивала в своих руках все связи организации.

Обстановка ареста Артема.

Еще до ареста Двинянинова однажды привлекалась, была выпущена и жила под наблюдением полиции. Несмотря на это, квартира Двинянинoвой служила местом явок. Двинянинова повидимому знала, что она находится под наблюдением полиции. 9-го марта прислуга Двиняниновой Курочкина была опрошена агентами охранки и полицией. От Курочкиной в тот день полиция узнала, что Двинянинову посещают Георгий Мальцев, Владислав Грушецкий и какой-то „Александр Иванович“, которого иногда зовут „Артемом“, узнала полиция также и о том, что седьмого марта приехал из Екатеринбурга „Азарий“.

Между тем в охранке были сведения еще ранее, что в Перми ожидается приезд члена Р.С.-Д.Р.П., представителя Ц.К. партии для работы по подготовке к V-му с‘езду.

Александр Лукич Борчанинов.

Все силы охранки шли на поимку приезжающих мало-мальски „подозрительных“ лиц.

После показаний Курочкиной полиция и жандармы сразу почувствовали, что напали на нужный им след. Вся слежка была направлена на Двинянинову.

На другой же день, т. е. 10-го марта, Двинянинова была прослежена вместе с приехавшими товарищами, собравшимися в помещении народного училища на углу улицы Петропавловской и Соликамской.

Наряд полиции застал выходящих из помещения: Ольгу Двинянинову, Сергея Николаевича Богоявленского, Павла Петровича Кречетова и Ивана Яковлевича Симакова. Остальные, как уже говорилось, успели скрыться. При поверке паспортов полиция обнаружила у Богоявленского *) мандат Ц.К. Р.С.-Д Р.П. на имя товарища „Акима“. Значилось: „Пред‘явителю сего тов. Акиму, командированному Ц. К. в организации Севера и Урала по делам созыва партс‘езда“. В помещении полиции „Аким“ пробовал освободиться от некоторых документов. На диване, где сидел „Аким“ в ожидании, были найдены семь экземпляров „тактической платформы к предстоящему с‘езду“.

Вскоре при помощи той же прислуги Двиняниновой были установлены подлинные имена арестованных.

Курочкина опознала в Кречетове „Александра Ивановича“—„Артема“, в Симакове—„Азария“—Котова. На следующий день после этих крупных арестов были захвачены Мальцев Георгий и Аркадий Трефилов. У них нашли переписку Пермского комитета и письмо на имя „Зеленого“—Фролова. бывшего членом Пермского комитета. Был обыск у Грушецкого. Хозяйка Грушецкого об‘яснила полиции, что он живет у нее по рекомендации Тележникова, которого в свою очередь рекомендовала Двинянинова. Та же хозяйка об‘яснила, что Тележников и есть тов. „Сибиряк“, Грушецкого же зовут „Степаном“.

---

*) Т. е. у Гольдмана. См. Обвинительный акт по делу Гольдмана, Двиняниновой и т. д. *Ред.*

Но арестованные давать какие-либо показания отказались. Лишь Кречетов, т.-е. Артем, на пред'явление ему его паспорта об'яснил, что имя его Георгий Андреевич Сергеев. Как выясняется, у Артема был брат Георгий и это была последняя попытка скрыть свое настоящее имя. Но вскоре Артем должен был признаться, что он есть тот самый Артем-харьковец, который скрылся из Харькова после восстания.

Таким образом, после колоссальной работы в продолжение семи месяцев Артем был схвачен агентами Пермской охранки и полиции.

Это было 11 марта 1907 года.

Лишь через год, двадцать восьмого апреля 1908 года, дело об Артеме и других выходит из-под следствия За это время Артем сидел в Пермских тюрьмах, затем был увезен в Николаевские роты в Верхотурский уезд. Есть указание, что еще в декабре 1908 года Артем все еще был в Николаевке—к этому времени относятся хлопоты Артема об ускорении его дела.

Приговор над Артемом и другими участниками дела состоялся лишь пятнадцатого сентября 1909 года.

Скромное обвинение, пред'явленное Артему, совершенно не дает понятия и не соответствует той огромной работе, которая выпала на долю Артема и велась им в течение семи месяцев в Пермской организации. В течение семи месяцев, Артем благодаря своей изумительной конспиративности и осторожности смог отдавать свои лучшие силы Перми, Мотовилихе, Лысьве, Чусовой, Бисеру и т. д. Это был один из тех, которым „некогда было сидеть в тюрьме". И все же Артема гноили в пермских тюрьмах без малого около трех лет. Повидимому, Артему пришлось перенести в тюрьме много физических страданий—болезнь в полости рта *), тиф и т. д. Есть указания, что Артем, всегда бодрый и бодрящий все и всех около себя, минутами с большим

*) См. факсимиле заявления Артема. *Ред.*

трудом выносил тяжести тюремной жизни, и тогда ему, скованному, надо было лишь одного—свободы...

Но могучая натура поборола все трудности царской тюрьмы и вскоре после суда Артем был сослан в Сибирь на поселение*).

Так печально закончилась начатая Артемом подготовка организации к Лондонскому с'ездv партии. Но организация, очутившись без своего руководителя оставалась в те дни попрежнему крепкой и могучей. В марте же в Екатеринбурге состоялась конференция, где от Урала на предстоящий с'езд партии были намечены двадцать с лишним членов партии большевиков

Артем вывел пермских рабочих на твердый путь большевизма и научил их идти по тому же пути без своей помощи.

Пермь—15/VI 1924 г.

---

*) См. книгу Александровой „Артем", изд. Истпарта. *Ред.*

В. Трапезников.

Из истории Пермского подполья.

После большого разгрома, произведенного в 1883 году среди интеллигенции и рабочих г. Перми и Мотовилихи, идейная жизнь и революционное движение в Перми, казалось, замерли. Но это было только на первый взгляд. На самом деле, „и под снегом иногда бежит кипучая вода": движение только скрылось от чужого враждебного взора и ушло в глубину помещений учащихся и рабочих, где накоплялась революционная энергия в длинные зимние вечера при свете тусклых ламп.

К 1891 году среди учащейся молодежи начали намечаться кружковые группировки, начали бродить сперва неясные, а затем все более и более определенные порывы к знанию и общественной работе. Демократическая часть молодежи стала задумываться над вопросами государственности и общественности, стала собираться, читать вместе, продумывать и сообща обсуждать прочитанное.

Такие кружки для саморазвития образовались в семинарии, в мужской и женской гимназиях, в фельдшерской школе.

В семинарии с давних пор не прерывалось радикальное направление, расцветшее пышным цветом еще в 60-х годах прошлого века, когда небольшая еще в ту пору Пермь была взволнована арестом, а потом и высылкой в Сибирь „прогрессистов"— учителей семинарии Иконникова и Прощекальникова, открывших в Перми частную библиотеку, невольно и неизбежно превратившуюся в „гнездо революции" *).

К 1891 году радикально настроенные семинаристы группировались около „исключенных без поведения" за политическую

*) Дело „прогрессистов" находилось в архиве Пермской Архивной Комиссии и ждет своего историка. Оно очень интересно. *Авт.*

неблагонадежность семинаристов Н. В Арефьева и Н. И. Бенедиктова (в аттестатах их значилось: „поведением не аттестуются“, что было равносильно „волчьему паспорту“). В семинарский кружок саморазвития входили И. В. Молчанов (впоследствии священник), А. М. Спасский — „Генерал“ (впоследствии редактор кадетской газеты „Уральский край“ в Екатеринбурге), Н. В. Попов и др.

У Арефьева была сестра Ел. В. (впоследствии жена И. В. Молчанова), ученица Пермской фельдшерской школы: она послужила связующим звеном с учениками и ученицами школы — Р. П. Поморцевой, С. К. Якубович, Д. К. Поповой, И М. Симановым, И. П. Ладыжниковым и др.

Мужская гимназия, где было мало радикальных традиций, и где учащиеся были значительно юнее, умственно и идейно заметно отставала, но и здесь „зараза“ начала распространяться, главным образом, через посредство ученика Ф. Ф. Шарова, отец которого—народный учитель—был знаком с учителем А. И Гашевым, близким знакомым Арефьева, руководителем бесплатной воскресной школы для взрослых. По инициативе Шарова начали собираться для чтения и гимназисты. Собрания посещал я, А. А. Великопольский, Л. М. Ситников, В. Н. Исаенко, П. Козлов и др.

Образовался небольшой и слабый кружок и среди гимназисток, который посещали Е Н Тронина, М. В. Кудрина, В. Я. Якобсон, Ф. И. Мондшейн и др.

Таким образом, все средние школы г. Перми оказались связанными сетью кружков. Все эти кружки питались умственными запасами, главным образом, подпольной семинарской библиотеки, переходившей от поколения к поколению и беспощадно „уловляемой“ неутомимым инспектором семинарии Потоцким. Вскоре завелась нелегальная библиотека и у гимназистов, составившаяся из книг, купленных нами у букиниста, носившего характерное прозвище „Драло“, и продававшего старые журналы „на-выдер“ по гривеннику за статью.

Постепенно кружки стали об'единяться, для чтения и разговоров стали собираться учащиеся из разных учебных заведений, затеялось даже издание рукописного журнала, редакция которого выпустила, кажется, только один номер.

В стремлении к организации в Пермь не раз являлись „установить связь" гимназисты из Екатеринбурга: родственник Арефьева Аким Калмыков, перешедший из Пермской гимназии Л. Ромодин, Куртинов и С. Е. Чуцкаев.

Но полиция и жандармы следили бдительным оком за всякими попытками нелегального движения. Особенно сильная слежка была за Арефьевым. Ему как раз пришлось поступить вольноопределяющимся в солдаты, и естественно, что он был взят под усиленный надзор, так как правительство всегда особенно зорко следило за „духом" и направлением армии. При такой усиленной слежке жандармы без труда натолкнулись на посещения Арефьева гимназистами, семинаристами и учениками фельдшерской школы.

В результате — Арефьев был переведен в батальон, стоявший где-то в Сибири, некоторых из семинаристов выгнали из школы, а у меня и у гимназиста А. Е. Зубкина был произведен обыск инспектором гимназии, торжественно унесшим книгу „Литература и жизнь" Н. К. Михайловского, только что купленную мною в книжном магазине О. П. Петровской. Происходило это перед пасхой, незадолго до выпускного экзамена, но мне все же удалось получить аттестат, хотя и с „хорошим" поведением вместо „отличного".

Во всех кружках того времени занятия были настроены на господствующий в то время радикально-народнический лад. В ходу был так называемый „челябинский каталог", т. е. каталог библиотеки бр. Покровских в Челябинске. „Челябинский каталог" считался запрещенным, хотя это был только каталог библиотеки. С другой стороны, на него смотрели, как на своего рода „программу для чтения", минимум того, что должна прочесть „критически-мыслящая личность". В кружках обыкновенно

читали Н. А. Добролюбова: „Темное царство". „Луч света в темном царстве", „Когда же придет настоящий день"; Н. К. Михайловского „Формулу прогресса" и „Исторические письма" Миртова (П. Л. Лаврова). Политическая экономия была не в ходу, о ней в ту пору мы не имели и понятия.

Это об'яснялось, как традициями, навыками подпольных кружков, сложившимися десятками лет, так и тяготением Арефьева и семинаристов к идеологии народнического идеализма. Нас, гимназистов, это мало удовлетворяло. Не вызывала особых симпатий и начинавшая циркулировать среди нас народовольческая литература, на которую семинаристы смотрели, как на евангелие.

Эти противоречия интересов и скрытые разномыслия резко обнаружились на собрании кружка в так называемой „коммуне", т. е. общей квартире семейства Якубовичей, младшего Молчанова (фельдшерского ученика) и др. На этом собрании произошли бурные прения между гимназической молодежью с одной стороны, семинаристами и „интеллигентами" с другой по вопросам: „что читать" и „что делать". Следующее собрание „на водопроводе" еще ярче показало, что молодежь готова расколоться на два разные лагеря. Наметились принципиальные разногласия между „интеллигентами", придерживавшимися народнических взглядов и верований, и только что приехавшим из Казанской одиночки К. Д. Вульянским*), тяготевшим к марксизму.

Эта новая идеология сразу заинтересовала некоторых из участников кружков, и споры кончились тем, что летом 1893 года, после окончания мною гимназического курса, мы с В. К. Якубовичем решили засесть за политическую экономию и начали „одолевать" монографию Н. И. Зибера „Давид Рикардо и Карл Маркс".

Для всякого, хоть немного знакомого с экономической литературой, совершенно ясно, что эта диссертация Зибера—не для

---

*) К. Д. Вульянский впоследствие печально кончил свою жизнь в психиатрической лечебнице. *Авт.*

совместного чтения и совсем не годится для первоначального ознакомления с политической экономией: написанная тяжелым языком, она, как всякая ученая диссертация, наполнена массой цитат из разных ученых и писателей, которыми автор подкрепляет свои тезисы. Выбранные отрывочно из разных монографий, они страшно замедляют чтение книги и, не давая ничего, утомляют внимание. Но мы, невежественные в экономической библиографии, добросовестно преодолевали страницу за страницей, охваченные желанием постигнуть учение Маркса. У нас не было человека, который указал бы нам, с чего надо начать изучение политической экономии, а неясное стремление говорило нам, что начать изучение общества надо именно с этой науки.

В то же лето 1893 года Пермь посетила холера и для борьбы с нею были направлены ученицы фельдшерской школы: Р. П. Поморцева, Д. К. Попова, С. К. Якубович и др. В то же время приехали для этого студенты Томского и Дерптского университетов. Между молодежью нашей и приезжей началось живое общение. Среди всей этой публики не было ни одного настоящего марксиста, но были люди слыхавшие об учении Маркса гораздо более нашего, были люди, сами, как говорилось, „примарксисавшиеся", т. е. разделявшие „некоторые взгляды" Маркса, и случайно оказался человек, случайно завезший из Дерпта две брошюры Каутского на немецком языке: „Экономическое учение К. Маркса" и „Томас Мор и его Утопия".

Это был дерптский студент С. Ю. Монтовилло. Он не был марксистом. Он—просто типичный дерптский „бурш": не дурак выпить, не прочь подраться на дуэли, охотник пробежать несколько сажен на руках, вместо ног. Впоследствии я его встретил еще раз в 1907—1908 году в Вологде, где он был железнодорожным врачем; в то время это был типичнейший мещанин, „филистер никуда негодный", говоря словами Гейне. Для меня и сейчас необ'яснимо, зачем и почему у него оказались брошюры Каутского.

В поисках людей, революционно настроенных и могущих сказать нам новое слово вместо народнических „формул прогресса“, мы небольшой компанией пошли к Монтовилло, жившему у моих родственников Малых на „Заимке“. Монтовилло и дерптский „холерный“ доктор Сапапарель радушно угощали нас чаем с вареньем и неизбежной, как оказалось, в их обиходе „романеей“, т. е. коньяком. Здесь мы увидели две книжки Каутского, перелистали их и сразу поняли, что это, может быть, как раз то, что нам нужно, может быть, как раз формулировка того, что неясно бродило уже у нас в головах и просилось из жизни под черепную коробку. Количество переходит в качество: копившиеся у нас мысли и обрывки экономических и философских сведений сразу, благодаря случайно попавшейся книжке, случайно завезенной случайно приехавшим студентом, вылились в стройное марксистское миросозерцание, — так вода холодеет постепенно и сразу от одного толчка становится льдом.

С этим умственным багажем я осенью 1893 года уехал в Казанский университет. В Казани я сразу попал в марксистски настроенную и марксистски мыслящую среду: марксизм в ту пору уже начинал выбивать радикальное народничество из его насиженных позиций. Среди студентов того времени было много „твердокаменных“ марксистов, впоследствии далеко отошедших от учения Маркса и рабочего движения: А. Аладьин (впоследствии известный депутат 1-й Гос. Думы), В. В. Португалов, М. И. Ганфман (впоследствии редакторы кадетской „Речи“), И. П. Покровский (впоследствии лидер с.-д. фракции III-й Гос. Думы), М. Р. Бейлин (впоследствии видный томский адвокат-кадет), С. Л. Друскин (врач-бундист), Масинзон (вскоре эмигрировавший за границу, впоследствии профессор одного из американских университетов). Из студентов-пермяков тяготели к марксизму ветеринар Н. В. Попов, медики Н. Н. Топорков и С. А. Бруштейн.

Это была великолепная лаборатория марксизма. Мы сами переводили для себя на русский язык немецкую и французскую литературу (Каутского, Бебеля, Г. Девилли), читали, писали рефераты на экономические и общественные темы, спорили с народниками. При этом все возможное из литературы, начиная с „Критических заметок“ Струве и „Монистического взгляда на историю“ Бельтова и кончая рукописными переводами с немецкого и статьями Г. В. Плеханова, я собирал аккуратнейшим образом „для Перми“ и по веснам привозил сюда с собой более или менее солидный транспорт литературы.

И в Перми вновь закипела работа, пробуждалась и разгоралась марксистская мысль: точно кочегар подбрасывал дрова в топку.

Так дело шло до 1897 года, когда я окончил курс университета и решил окончательно поселиться в Перми. Этим закончился период накопления знаний в казанских марксистских кружках по зимам и распространения этих знаний, пропаганды марксизма в Перми летами, куда мы наезжали студентами. Здесь мы встречали большое сочувствие, большой интерес со стороны учащейся молодежи и крайне отрицательное отношение со стороны старых народников и народовольцев, живших в Перми на положении административно-высланных: В. И. Маноцкова (писатель, ныне умерший), И. А. Неклепаева (агроном), А. О. Бородзича (впоследствии частный поверенный в Сольвычегодске, н. с.), В. И. Фролова (впоследствии член с.-д. организации „Единство“ и бакинский градоначальник при Временном Правительстве).

Они усвоили к марксизму резко отрицательное отношение и направляли против нас весь аппарат аргументов старого народничества, пущенных в ход Н. К. Михайловским: „марксята“, „кулаческая теория“, „выварка мужика в фабричном котле“, „язва пролетариата“, „где кончается эволюция и начинается революция“ и т. п. Мы со своей стороны в сознании своей правоты, не скупились на самые резкие отповеди. В результате даже личные отношения двух идеологически различно настроенных групп безнадежно испортились. Однако все это имело хорошую сторону: споры будили мысль, из столкновения мнений

выяснялась истина, а посторонние слушатели жадно искали разрешения „недоуменных вопросов" в наших марксистских книгах.

В этот период для нас в полной мере осуществлялась активная формула жизни В. Либкнехта: studiren, organisiren, propagandiren. Мы сами учились (studiren), старались около знамени марксизма сплотить сочувствующих (organisiren), и по мере сил проповедывали марксизм всюду, где только представлялось возможным (propagandiren).

К весне 1897 года, когда я окончательно поселился в Перми, старых ссыльных народников уже не было: правительство выслало их в Архангельскую и Вологодскую губ. за составленную при их участии и поданную Пермским Экономическим Обществом петицию о конституции при вступлении на престол Николая II. Много лет спустя, я узнал, что при высылке их на жандармском дознании предательскую роль сыграл по малодушию никто иной, как В. Ф. Казаков, тот самый Казаков, который участвовал, как один из руководителей, в движении Пермских „декабристов" 1883 года, и к которому мы еще гимназистами ездили в Мотовилиху узнать, нельзя ли как-нибудь завязать связи с рабочей массой.

На место старых народников в Перми, вскоре после моего приезда, выкристаллизовался марксистский кружок интеллигенции: фельдшер И. П. Ладыжников, делопроизводитель Управления ж. д. Л. М. Еленев, служащий той же дороги П. А. Матвеев, земские служащие-статистики А. А. Локтин, Д. Д. Юшков, Ф. Грауздин, Я. Г. Безруков (бывший рабочий), зубной врач Ф. И. Мондшейн, библиотекарша Савельева, высланный из Петрограда студент Е. Пузырев. Все это были молодые люди или тяготевшие к марксизму, или интересовавшиеся марксизмом: сознательных и законченных марксистов среди них было, пожалуй, в то время только двое — Женя Пузырев, вскоре умерший от чахотки, и Грауздин, впоследствии покончивший жизнь самоубийством. Но здесь изучался марксизм, писались рефераты по экономическим вопросам, выковывались марксистские взгляды, подготовлялись будущие идеологи движения.

После поселения на прочное жительство в Перми я начал заниматься адвокатурой, а жена первое время служила фельдшерицей в губернской Александровской больнице, откуда впрочем вскоре же должна была уйти вместе с И. П. Ладыжниковым из-за столкновения с врачами, требовавшими... поклонов при встречах.

Приняв участие в занятиях марксистского кружка, мы пытались проникнуть в рабочую среду, но рабочая среда долгое время оставалась недоступной для нас. Надо было найти в нее доступ и в этом направлении жадно ловилась всякая лазейка. Эти попытки были чрезвычайно характерны для того времени.

Первые сношения с рабочими, первые попытки завязать с ними „преступные" связи носили характер личных знакомств. Ко мне ходило много рабочих по делам: то по вопросам о вознаграждении за увечье, то по земельным спорам, то по столкновениям с каким-либо рабочим начальством. Но все эти посетители не проявляли никакого интереса к идее рабочего движения, хотя я пытался неукоснительно позондировать почву в этом отношении и свести разговор на социально-экономические отношения. Однако далеко заходить в этом направлении было не безопасно: можно было натолкнуться на лицо, очень болтливое или имеющее простое знакомство с урядником, жандармом или городовым.

Но вот последовательно один за другим и в очень короткий промежуток времени ко мне явились столяр Уткин, привлекавшийся к суду за самовольный уход от эксплоататора-хозяина, нуждавшийся в защитнике, скорняк Павлов, судившийся с обжулившим его хозяином, слесарь Рогозин, привлекавшийся к ответственности за участие в забастовке на екатеринбургской фабрике Ятес. Эти рабочие быстро схватились за предложенные мною им книжки, так как их идеи, подсказанные им жизнью нуждались только в формулировке, которую они и нашли в социал-демократической литературе.

Однако сношения с ними не дали больших результатов: их надо было еще претворить в агитаторов, да кроме того Уткин и Павлов вскоре уехали из Перми.

В это же время в Пермь продолжали наезжать студенты, невольно оживляющие обычный ход пермской жизни. Приехали на летнюю практику технологи И. А. Фрязиновский и Н. И. Бобин*), уже „зараженные“ социал-демократическим ядом. Для работы по специальности они были командированы в железнодорожные мастерские. Работая за одними станками с рабочими, они быстро вошли в курс их жизни и через короткое время я уже был в точности осведомлен обо всем, что наиболее остро волновало рабочую массу. Это были, конечно, не политические вопросы, а вопросы расценок, отношений к мастерам, мелких повседневных притеснений и придирок. Мы решили использовать эти вопросы, как близко затрагивающие, волнующие рабочую массу и находящие в ней наиболее горячий отклик.

Нам повезло. Глупое или по меньшей мере недальновидное начальство, умиленное проездом министра путей сообщения князя Хилькова, решило подслужиться и чествовать его, но понятно за счет рабочих, и пошла агитация „сверху“ в пользу сбора на блюдо для поднесения хлеба-соли министру. Мы пустили агитацию „снизу“ против вычетов на бюдо и с большим трудом, при самой несовершенной, можно сказать, отвратительной технике, отпечатали на мимиографе и распространили в железнодорожных мастерских первую с.-д. прокламацию, призывавшую отказаться от взносов на блюдо министру.

Прокламация имела колоссальный успех, несмотря на то, что она была отпечатана на ручном своедельном мимиографе, который Иля Фрязиновский смастерил при помощи подпилка. В мастерских грозила вспыхнуть забастовка, если начальство не отступит от своего намерения. В последний момент, когда рабочие уже были готовы бросить станки,—начальство ударило отбой и приказ о вычетах на блюдо был отменен.

Вслед за этим я послал обо всем этом инциденте корреспонденцию в популярную в то время петербургскую газету „Сын Отечества“. Корреспонденция была напечатана, газета, благодаря

*) Расстрелян в 1918 году. Авт.

своей дешевизне, выписывалась многими рабочими, и это обстоятельство дало нам блестящий способ и почву для агитации. Дело сразу свернулось с мертвой точки и показало нам, что один день рабочего движения стоит дюжины программ.

Вслед за этим нам удалось использовать, как платформу для агитации, железнодорожное потребительское общество, которое управлялось собранием уполномоченных. Это был своего рода парламент служащих и рабочих, боровшихся за свои интересы с начальством, заправлявшим всеми делами общества. Роль лидера интересов угнетенной и безправной рабочей массы взял на себя Л. М. Еленев, в короткое время вся масса железнодорожных рабочих была взволнована и взбудоражена публичными выступлениями Л. М. Еленева, страстно и резко поведшего борьбу с начальством в защиту рабочей массы. Последняя, может быть, впервые увидела резко подчеркнутой противоположность ее интересов—интересам предпринимателя в лице железнодорожной администрации.

Вся горячая борьба Л. М. Еленева, поддержанного осторожными выступлениями П. А. Матвеева, кончилась победой начальства, в руках которого осталось управление потребительным обществом. Все это было описано мною в большой статье „Сила и право“, предназначавшейся для журнала „Новое слово“, но запоздавшей, так как, когда она была послана, журнал уже прихлопнула цензура. Однако статью пустили по цехам железнодорожных мастерских, она читалась нарасхват, буквально до дыр.

С этого времени связь с рабочими у нас стала прочно установленной, и рабочие железнодорожных мастерских стали под непосредственное влияние и руководство социал-демократических идей и социал-демократической агитации. Поэтому с этого времени (с 1899 г.) мы привыкли считать начало социал-демократической агитации среди рабочих г. Перми.

В огне этой агитации мы сразу „нашли“—„нащупали“ рабочих, ставших в будущем первыми проводниками нашей агитации в массах. Почва для близкого знакомства с ними была подгото-

влена предыдущей агитацией, движение, начавшееся на этой почве, вынесло их, как „зачинщиков“, на гребень волны, и вот почти одновременно их узнали и Л. М. Еленев в своей борьбе в потребительном обществе, и И. А. Фрязиновский в своей работе бок-о-бок с ними в мастерских, и Р. П. Трапезникова в своей акушерской практике у их жен, и я в своей адвокатской помощи им в борьбе с мастерами.

Эти рабочие были Е. К Кудрявцев, Ф. А Братухин, С. И. Костарев. Первые двое были людьми с большим темпераментом, а Кудрявцев со способностями прирожденного агитатора. Степан Костарев по темпераменту уступал своим товарищам. Но зато это был уже пожилой, осторожный и много видевший на своем веку человек. Он работал в Мотовилихинском заводе еще во времена „декабристов“ 1883 г., был в их кружке, но по молодости тогда не был замечен и не попал в лапы жандармов. Эта история и наложила на него печать большой осторожности. Родом он был из Мотовилихи и вполне естественно, что, работая в железнодорожных мастерских, он душой тяготел к своему родному заводу, где у него было много товарищей и знакомых.

Благодаря ему, через некоторое время уже происходили рабочие собрания с участием мотовилихинцев „на зеленой лужайке“—в лесу за деревней Суханками по направлению к Архиерейке. Сборища эти с каждым разом привлекали все больше и больше рабочих, тут бывали: старик И. Т. Кашин, отличавшийся рабочим пылом, революционной страстью и пылом речей, хотя почти совсем безграмотный человек; Ф. Падерин, такой же безграмотный, но пылкий и честный рабочий, Плюснин и мн. др.

С переходом на зимнее положение собрания мотовилихинской группы были перенесены на квартиры рабочих в Мотовилиху, куда каждую неделю „бегала“ Р. П. Трапезникова, на которой лежала первая агитация среди мотовилихинских рабочих, занятия в первых рабочих кружках. Собрания городских рабочих происходили, главным образом в доме Камчатова, близь Черного рынка, в квартире Н. Г. Лучинина. В первое время здесь зани-

мались я и И. П. Ладыжников, а затем принял близкое участие сормовский рабочий Заломов. Тут же непременным членом был мало сведующий, но искренне преданный рабочему делу ученик горнозаводского отделения реального училища Соссулич с его товарищем Смидовичем.

Работа на первых порах была очень тяжела. Работать иногда приходилось только вдвоем, литературы было мало, техника отсутствовала. Мотовилиха отстояла далеко и посещения ее отнимали много времени на ходьбу. И в то же время надо было соблюдать необычайную „мудрость змия", чтобы не влопаться с молодой организацией, еще не пустившей прочных корней, и не попасть в руки жандармов. Жандармский полковник Широков считал меня самым опасным элементом в Перми еще со времени гимназической жизни, и когда я студентом приезжал на каникулы в Пермь, то ко мне не в пример другим товарищам было приставлено два шпика, как это удалось узнать из подслушанных разговоров жандармских филеров. Вахмистр Гоголев даже заходил к нам однажды в квартиру под предлогом посоветоваться по какому-то судебному делу и как раз в то время, когда у меня сидел столяр Уткин.

В ноябре 1898 года моя работа была прервана неожиданным арестом через несколько месяцев после неудачного поднесения блюда министру путей сообщения. Однако оказалось, что арест не имел связи с пермскими делами, а был произведен по телеграмме из Казани: „обыскать, арестовать и препроводить в Казань помощника присяжного поверенного Владимира Николаевича Трапезникова. Полковник Марк". При обыске „ничего явно преступного" найдено не было, хотя у нас в квартире были и нелегальные брошюры, и черновик корреспонденции в газету „Сын Отечества" о проезде министра и только что полученный комплект женевского журнала „Социал-Демократ".

Я вернулся из Казани в средине декабря 1998 года, а в мае 1899 г. у нас вновь был произведен полковником Широковым обыск по делу кунгурских техников и сапожников, по

Всеволод Александрович Владимирский
(умер).

которому были привлечены Е. П. Поморцев, А. В. Давыдов и др. К этому делу привлекли меня и Раису Петровну только из-за того, что в письме А. В. Давыдова в Кунгур Е. П. Поморцеву, полученном жандармами вследствие ареста Е. П. Поморцева, оказалась такая фраза: „Евгений, приезжай в Пермь. Для этого есть две причины. Во 1-х, тебе есть посылка, которую по почте отправлять неудобно, а во вторых, приехала твоя сестра Маруся и желает тебя видеть. Адрес Раисы Петровны—Сенная площадь, д. Кашина". В указании адреса сестры, у которой остановилась другая сестра Е. П. Поморцева, было усмотрено достаточно оснований для обыска и привлечения к делу и Раисы Петровны и меня.

Несмотря на такое усиленное внимание жандармов к нам, нам все же удалось продержаться в Перми при непрерывной подпольной работе громадный по продолжительности срок в пять лет: с 1897 по 1902 год. Это нужно приписать исключительной конспиративности и бережливому отношению к нам со стороны рабочих, которое иногда принимало трогательные формы.

За пять лет охранка не только не могла выследить наши связи с рабочими, но не получила ни одного доноса из рабочей массы, который мог бы дать ей какой—нибудь материал против нас. И мой арест, а затем и высылка в Архангельскую губернию были вызваны исключительно чистосердечным покаянием, произнесенным в тюрьме учителем Добрянского училища Черепановым, который был приведен ко мне на квартиру один-единый раз А. Н. Ягодниковой во время учительского с'езда вместе с Гершуни и другими учителями и учительницами, и лица которого я даже никогда не мог себе представить. Несмотря на то, что жандармы при моем провале переспросили целый ряд рабочих, их поиски материала против меня оказались вполне безуспешными: о нас с женой никто из рабочих не проронил ни одного слова. А между тем агитация за последний год приняла массовые формы.

Незадолго до моего окончательного „из'ятия из употребления" Пермский Комитет Р.С.-Д.Р.П. устроил легальное массовое соб-

рание рабочих. По примеру других городов решили созвать рабочих — металлистов для организации профессионального союза. Но в других городах с легкой руки провокатора Зубатова, это делалось с благословения жандармов и охранки. Мы решили собрать рабочих без благословения, расчитывая в случае допросов, отговориться примером других городов: начитались, мол, что это дозволяется.

Собрание было назначено в клубе над городской управой: старшины не решились отказать в зале, хотя и скулили, что „рабочие, все замажут“. В назначенное время набралась полная зала рабочих поразившая буржуазных старшин своим выдержанным поведением и скромной чистотой своих костюмов. Собрание было посвящено обсуждению заранее заготовленного проэкта устава профессионального союза металлистов. Это собрание дало сильный толчек организации Пермского пролетариата, но реальное значение его было ничтожно: начавшиеся вскоре аресты задушили в самом начале зарождавшийся союз.

Ко времени моего последнего ареста 13 марта 1903 года работа в Пермской организации Р.С.-Д.Р.П. кипела уже и шла полным темпом. Работников было много, так что сколько набегов ни производили жандармы, работа шла преемственно и непрерывно: в сети попадала только интеллигинция, из рабочих, при всех усилиях и поисках, жандармы не могли уловить никого. „Из'ятые же“ интеллигенты как по щучьему велению заменялись новыми лицами. Те же рабочие, которые сидели в тюрьме в 1902 и 1903 г.г., Аристов, Авдеев и др. не состояли ни в какой организационной связи с нами и Пермским Комитетом Р.С.-Д.Р.П. они или входили в сепаратные с.-д. группки, образовавшиеся и ведшие работу помимо нашей организации и очень быстро прослеженные, напр., группка учащихся Левина и Рутмана, ведших работу самостоятельно и независимо от нас; или принадлежали к пресловутому Уральскому Союзу социал-демократов и социалистов-революционеров, к которому мы стояли в резкой оппозиции.

В этот союз входили В. А. Владимирский, А. Н. Ягодникова, супруги Наумовы и другие лица, постепенно менявшие народническую идеологию на марксистское миросозерцание.

В центре организации Пермского Комитета Р.С.-Д.Р.П после меня остались: Р. П Трапезникова, А. А. Шнееров, Е В. Савельева, Н И Иванов, В. П. Жидкова, Н. П. Бусыгин, Е. Н. Вошева и очень хорошо развитая „периферия", как тогда говорилось. Связи с рабочими были прочны и крепки уже по всем заводам г. Перми и Мотовилихи, пропаганда и агитация велись последовательно и планомерно.

С результатами этой работы мне пришлось вновь столкнуться только в конце 1905 года, в момент первой русской революции.

Г. Архангельск, октябрь 1923 год.

Вл. Трапезников.

Отдел второй.

Из истории Пермской организации РСДРП

(за 1906—1908 годы)

Воспоминания группы подпольных работников: **Ивана Ивановича Карякина, Петра Матвеевича Обросова, Ивана Ивановича Башкова, Василия Максимовича Сивилева, Ильи Ивановича Колыбалова, Александра Николаевича Клыкова, Игнатия Яковлевича Кайгородова, Ивана Васильевича Орлова, Андрея Васильевича Маркова, Анны Никитичны Марковой, Александра Васильевича Микова, Василия Петровича Новожилова** и **Ивана Ивановича Странева.**

Период Свердловский.

Зимой 1906 года в Мотовилиху приехал тов. Свердлов (Михалыч). С этого времени началось оживление в Мотовилихинской организации РСДРП—впервые после декабрьского восстания и разгрома организации. В основу была положена централизованная организационная работа узкого круга товарищей, во главе которой находились: т.т. Свердлов, Мясников („Гражданин"), Вощинин („Петр"), Обросов („Дядя"), Фролов („Никаша"), Попов („Tepexa"), Ларьков („Дубина"), Кайгородов Алексей, Туркин („Трататон"), Иван Борисов Необходимо было собрать организацию, учесть силы, укрепить подпольную работу, разбить цеха завода на подрайоны, организовать и укрепить кружковую работу. Для выполнения этого плана завод был разбит на три подрайона: 1) Снарядные цеха—один подрайон, 2) Орудийные цеха—другой подрайон и 3) Прессовый, Мартэн, Кузнечно-молотовой и другие вспомогательные цеха—третий подрайон.

Вне черты завода началась организация кружков, при чем кружок высшего типа был в то время один. Повелась также лекционная работа. К весне работа усилилась, кружков нисшего типа насчитывалось уже до девяти. Организаторами их были Павел Смирнов, Василий Тюрин (по кличке „Береза“), Калганов („Корень“), Алексей Кайгородов и другие, которые держали связь с подрайонами, через них они были в связи с райкомом партии и с организатором района, они же приводили пропагандистов на заранее подготовленные квартиры и т. д.

После того, как развернулась работа, стали появляться провокаторы, которым удалось выхватить ряд товарищей. Были арестованы: Свердлов, Мясников, и целый ряд других товарищей.

Из провокаторов в то время припоминаются следующие лица Вотинов, Кипря Ошев, Комиссаров.

Весна 1906 года.

С наступлением весны начали устраивать массовки, на которых бывало человек шестьдесят—сто; для охраны этих массовок была организована пикетно-боевая дружина, на обязанности которой и лежала охрана массовок; для предупреждения на случай появления полиции дружинники стояли на дороге патрулями (пикетами). Кроме того, они несли другие аналогичные, а также и боевые функции; часть из них была вооружена револьверами всевозможных систем.

В дружинах состояли следующие товарищи: Миков—„Костя“, Ларьков Василий, Некрасов Николай, Слудковский Илья, Вагановы—Николай и Константин, Куликов Иван, Чупуштанов Федор, Постоногов Александр Андреевич, Почитаев Геннадий, Трофимов Александр, Глухих Иван, Меньщиков, Ипполитов, Шутов, Башков Иван. Часть из них были арестованы; кроме них в тот же период были арестованы: Попов, Кирсанова, Колеватова (Шура), Латышев Дмитрий, Обросов и другие.

После провала указанных товарищей организатору района тов. Фролову пришлось переменить свою кличку „Никаша“ на

кличку—„Зеленый". Для большей конспирации начали применять метод кооптации, о чем много было споров с меньшевиствующей публикой. Но кооптированные в райком товарищи уже работали независимо от споров и, несмотря на арест товарищей, на арену политической жизни для партийной и профессиональной работы, выдвинулись новые активные работники: тов. Карякин (по кличке „Петров"), Сивилев („Георгий"), Клыков („Пушка"), Пономарев Н. И., Орлов Иван („Алексеевич"), Буторин, Беляев Шура, Андронов („Студент"), Колыбалов („Петрович"), Башков („Николаич"), Марков Андрей („Техник"), Вилесов Максим („Юст"), Соловьев, Овчинников („Скорняк"), Ходырев Иван, Коновалов, Кайгородов Игнатий, Егоров Николай, Леготкин Иван, Корелин Григорий, Пушкарев Алексей, Звонарев, Тюрин, Захаров Александр, Захаров Федор, который впоследствии стал провокатором, Заозерских Иван, Михалев, Фокин Аполлинарий, Иванченко Василий. Берестнев Иван, Леденцов Николай, Оборин Иван, Лифанов Василий, Уткин Матвей, Обросов, Тронин, Лякишев, Калганов Александр и другие.

До конца лета усиленно велась кружковая работа; устраивались массовки, летучки, конференции местные и об'единенные с Пермью.

К осени райком решил подготовляться к организации профсоюзов, для чего по инициативе и решению райкома была создана смешанная инициативная комиссия, которая занялась выработкой устава профсоюза. Комиссия состояла из представителей социал-демократов и социал-революционеров.

Устав был выработан нашей организацией, отпечатан и распространен; после этого было созвано делегатское собрание рабочих (от 10—1 делегат), на котором устав окончательно был утвержден. Были произведены также и выборы первого нелегального правления профсоюза, членами которого и активными работниками были: Новожилов Василий, Сивилев Василий, Шумилов, Зеленин Ив., Тарбеев, Назукин, Оборин, Востриков, Обросов, Тронин, Кайгородов Ив., Тарасов, Торохов, Склюев.

Лихачев, Лифанов, Токтуев, Смирнов П., Яковлев, Калганов Александр, Ратаев, Башков Петр и другие.

Затем райком партии повел работу по усилению этого союза путем об'единения союзов, существовавших в отдельных цехах: Прессовом, Лафетном и других. Это и удалось сделать, за исключением союза Лафетного цеха, где социалисты-революционеры были в большинстве. В целях наибольшей конспирации в области профсоюзной работы были созданы десятки; через представителей этих десятков велась агитация, вербовка в члены, собирание членских взносов, распространение литературы и т. д.

Вокруг об'единения профсоюзов началась оживленная борьба с эсерами, сводившаяся, в конечном счете, к влиянию партии над деятельностью этой организации и завоеванию широких рабочих масс, причем райком стоял на позиции влияния нашей политики на профсоюзы, тогда как эсеры предлагали не вносить партийных разногласий в профсоюз.

Следующей работой райкома была организация кассы взаимопомощи пострадавшим товарищам. Организация ее вызывалась необходимостью, так как на заседаниях райкома каждый раз приходилось ставить вопросы о помощи заключенным и ссыльным товарищам и об изыскании средств. Средства организации были слишком ограничены, а профсоюзы уже достаточно окрепли. Поэтому дело помощи пострадавшим было решено возложить на особую комиссию из представителей профорганизации и социалистических партий. Средства для помощи должна была давать профорганизация и социалистические партии. Райком поручил это сделать члену райкома тов. Сивилеву. Комиссия была создана, в нее в разное время входили: т.т. Сивилев, Елтышев, Торохов, Орлов И., Клыков, Власов, Плешков, Башков, Колыбалов, Базанов, Ермолаев, Соколов, Буторин и ряд других.

С приездом тов. Артема, осенью того же 1906 г. восстанавливается кружковая работа высшего типа, началась подготовка товарищей к самостоятельным выступлениям. Попутно

с этим началась подготовка во 2-ю Государственную Думу; эта работа проходила под знаком усиленной и обостренной борьбы с эсерами, которые параллельно с большевиками развивали усиленную агитацию. Эсеры в основу агитации ставили защиту интересов крестьянства, указывали на то, что большевики обходят этот вопрос и поэтому все сводили к тому, что программа эсеров полнее и шире защищает интересы трудовых масс, а потому „голосуй за эсеров"; но благодаря тому, что рабочая масса была отчасти завоевана большевиками ранее, а во время кампании большевики очень усиленно и умело вели свою работу и, в частности, агитацию, победа РСДРП на выборах была полная и решительная. На избирательном собрании выступал тов. Артем, который произнес громовую речь, указав на блок эсеров с кадетами.

Нашей задачей было как можно больше использовать предвыборную кампанию. Использовали все, что возможно, чтобы только завоевать место и разоблачить политику эсеров, вели агитацию на каждом шагу. С приездом делегатов на Губернский с'езд перехватывали их и разводили по своим квартирам, где жили социал-демократы, устраивали беседы, собрания. Райком всецело руководил предвыборной кампанией, а в день выборов делегатов руководила комиссия из своих товарищей. Председателем предвыборного собрания был Иванченко. Выборщиками были намечены: Иванченко, Обросов, Оборин Иван, Корелин Григорий, Воронов Николай, Тронин и Сошин. От нашей партии прошло шесть человек и один социалист-революционер, который прошел случайно, так как в списках фигурировали два Корелиных - Григорий и Иван *).

Влияние Мотовилихинской организации большевиков на рабочие массы в 1906—1908 г.г., вплоть до полного расцвета реакции, было сильное. Об'ясняется это, главным образом, тем, что отдельные партийные товарищи—активисты вели в цехах работу в плоскости энергичной защиты интересов рабочих; эта

*) Григорий Корелин – социал-демократ, Иван Корелин – социалист-революционер. *Ред.*

защита выражалась: в борьбе за повышение поденной, отрядной и поштучной заработной платы, за своевременную выдачу таковой, в борьбе против штрафов, браковок и т. п. Одним словом, активисты пользовались всяким удобным случаем, чтобы выступить в роли защитников рабочих перед заводской администрацией.

В каждом цехе были такие большевики—руководители рабочих масс. Так, например, в самом бурливом цехе—Снарядном № 3—выделялись в то время: Колыбалов Илья, Андронов, Оборин, Уткин, Вахрин, Орлов Иван и целый ряд других. Этот цех представлял из себя нечто вроде осьего гнезда. В снарядном цехе № 1 выделялись: Иванченко, Калганов Александр и другие: в орудийном № 1—Клыков Александр, Власов и другие; в орудийном № 2—Фокин, Пономарев, Базаркин и др.; в лафетном—Воронов и т. д.; в модельном—Беляев, Карнаев; в токарном—Соколов, Странев Иван, Варейкин Иван; в прессовом—Балховский, Тронин, Ипполитов, Ратаев; в Мартэне—Егоров, Пушкарев, Щеклейн, Лихачев и др.; в Грасковском литейном—Чудинов и Запрягаев Константин; в чугунно-литейном цехе—Семенов и Овчинников Александр.

Весной 1907 года райкомом партии велась работа по подготовке к Лондонскому с'езду партии и выборы на с'езд. Центральными вопросами были: а) собрать как можно больше голосов, б) провести на с'езд самых непоколебимых товарищей из большевистской организации, причем райкомом и Пека (Пермский комитет) были намечены: Фролов—от городской организации и т. Карякин—от Мотовилихинской. Когда же товарищ Карякин решительно и категорически отказался, от Мотовилихи было решено выставить кандидатуру освобожденного из тюрьмы на поруки тов. Булдачева; но Булдачев до выборов оказался снова в тюрьме. Намечались кандидатуры: Сивилева, Вилесова, но в момент выборов обстоятельства сложились так, что послали на Лондонский с'езд случайного кандидата, выдвинутого товарищем Иванченко, Александра Андронова, которому необходимо было скрыться от полиции.

К первому мая 1907 года приехал из центра „интеллигент“ партийный работник тов. Мякишев И., по кличке „Алексей“, который и должен был выступить на массовке. Собрание было назначено райкомом за рекой Камой. По случаю разыгравшейся бури массовое собрание пришлось перенести на Архирейку *) и проводить своими силами, так как т. Мякишев переехал за Каму до бури. Никто туда не приехал и он просидел там один. Тов. Карякин в то время был ответственным организатором района. Под его руководством были расставлены пикеты от самой Камы до Архирейки; центральные места для пикетов были на берегу Камы, где был и тов. Карякин, и на Сунцевском мосту, где стоял Башков. В условленный час пикеты были сняты и направились на Архирейку. Это была первая маевка, которая проводилась без интеллигентных сил; собрание было многолюдное, насчитывавшее несколько сот рабочих. На этом собрании выступил тов. Карякин, который призывал говорить и других товарищей. После него, действительно, выступил тов. Егоров. Выступление Карякина и Егорова произвело сильное впечатление.

Это было характерно потому, что рабочие в последнее время в самом процессе работы и, как результат кружковых работ, выдвигали свою рабочую интеллигенцию, могущую самостоятельно работать и выступать на больших собраниях.

После этого на кружки было обращено серьезное внимание. Вскоре был организован кружок высшего типа. У тов. Егорова собиралось человек до восьми, посещали регулярно: Сивилев, Постоногов, Фокин, Башков и др.

Через несколько дней после роспуска 2-й думы приехал в Пермь товарищ „Назар“. В огороде тов. Карякина собрался Пека (Пермский комитет) в числе членов: Петухова („Потапыча“), Карякина („Петрова“), Сивилева („Георгия“) и Загуменных Мани в присутствии Назара, который сделал доклад о текущем моменте и о задачах партии в связи с роспуском 2-й думы и изменением избирательного закона 3 го июня 1907 г.

---

*) Дачная местность недалеко от завода Мотовилихи. *Ред.*

Назар сообщил мнение Областкома, сводящееся к тому, что надо принимать участие в выборах в 3-ю думу, и о том, что окончательное решение будет принято Уральской конференцией, которая должна бы быть созвана 15 июня в городе Уфе, но перенесена в город Екатеринбург.

Пека решил повести усиленную работу по подготовке областной конференции, причем Назар должен был поехать в Воткинск и в Ижевск для доклада организациям и для выборов делегатов на с'езд. Сивилев поехал с этой же целью вверх по Каме, в организации: Пожвенскую, Чермозскую и Усольскую.

Вскоре после этого за Камой около Полигона состоялась общегородская об'единенная с Мотовилихинской конференция в количестве двадцати двух товарищей. Здесь произошел разрыв рабочих с интеллигенцией, которая определенно выявила свой уклон вправо и в результате покинула конференцию во главе с Абрамовичем, Горных и другими.

Кроме этого, стоял еще серьезный вопрос в связи с анархистским уклоном лесных братьев и отдельных товарищей нашей организации, которые называли себя анархистами-коммунистами. Конференция твердо стояла на позиции недопущения в организации разложения. Лесные братья просили Пека и конференцию напечатать их программу в нашей типографии. В программе же они призывали порвать с партией, вооружиться и поднять вооруженное восстание. В этом, конечно, им было отказано и вынесена тут же резолюция, которая категорически предлагала с ними порвать. Тут же было поручено выпустить воззвание о разрыве с этой группой. На этой же конференции был избран Пермский комитет, в который вошли Петухов (под кличкой „Потапыч"), Загуменных Маня, „Никита", Башков (под кличкой „Николаич"), Лифанов и другие.

Реакция усиливалась, отдельные товарищи уходили к лесным братьям. Партия с ними порывала, за исключением некоторых отдельных товарищей, которые долго еще продолжали держать связь с лесными братьями.

Летом того же 1907 года перед Мотовилихинским райкомом неожиданно стала на очередь борьба с революционным (в ковычках) бандитизмом, с вымогательством денег от зажиточных граждан и мелких торговцев путем подброски писем от имени революционных организаций. Эти бандитские письма граждане передавали отдельным членам райкома и райком охотился за такими экспроприаторами. Вот примерный эпизод: члены райкома и активисты: Клыков, Сивилев, Егоров, Ермолаев устраивали засаду у торговца Рассолова и им удалось установить, что экспроприатором был никто иной, как Анферов, член РСДРП, сделавшийся вскоре после этого провокатором; вначале 1908 г. он был убит у себя на квартире.

20-го июля того же 1907 года по заводу был повальный обыск: полиция произвела погром всех ящиков, в которых хранился рабочий инструмент, литература и т. д Не лишним будет отметить характерный случай, который нужно приписать влиянию нашей партии на беспартийных рабочих. У библиотекаря Башкова стоял шкаф, где хранилась литература, газеты, печати, чековые книжки, оболочки от бомб и бомбы. Ящик этот уцелел, благодаря сочувственному отношению к нашей партии одного рабочего снарядного цеха № 3—Денисова. Открыв этот шкаф и увидавши, что в нем хранится, он не доложил приставу и вообще полиции, а начал заколачивать его большими гвоздями. Когда к нему подошла полиция и спросила, что в этом ящике—Денисов ответил:

— Ничего, Ваше благородие, в нем нет, кроме инструментов, я заколачиваю.

Полоротая полиция, ничего не подозревая, ответила:

— Ну ладно, заколачивай.

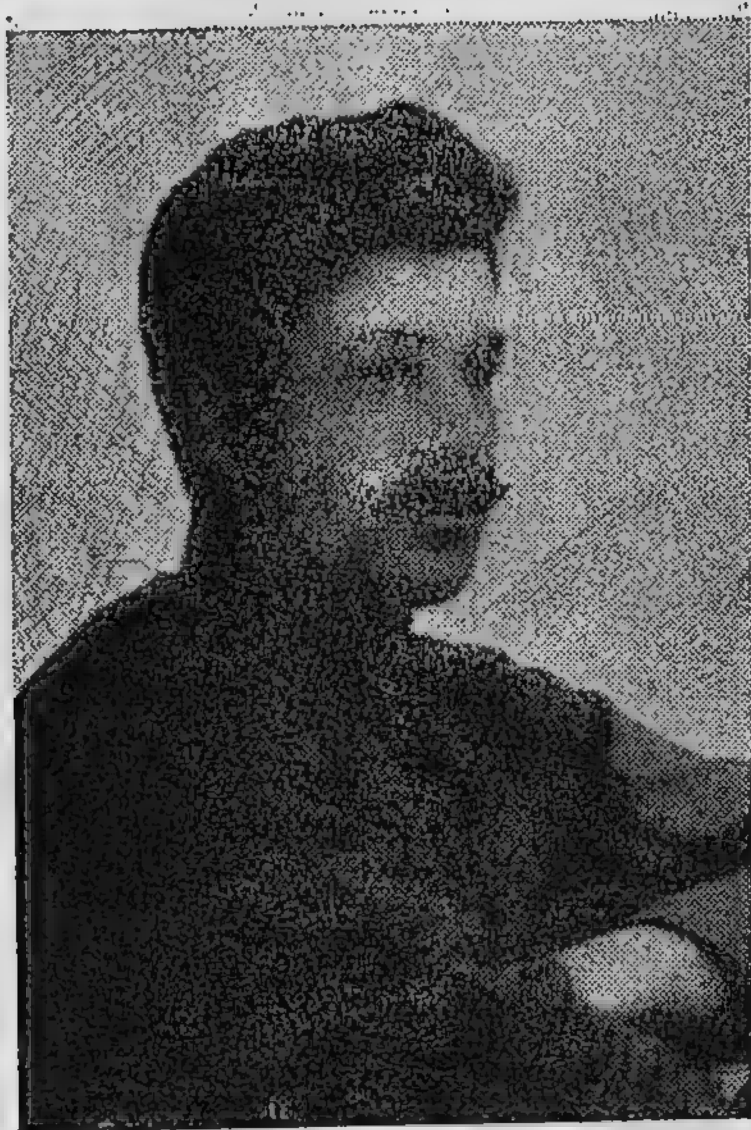
Таким образом Башков от ареста уцелел, и только спустя месяца полтора он был арестован в связи с выборами во 2-ю думу.

В связи с этим обыском было произведено много арестов. Началась компания по подготовке в 3-ю думу. Уцелевшие това-

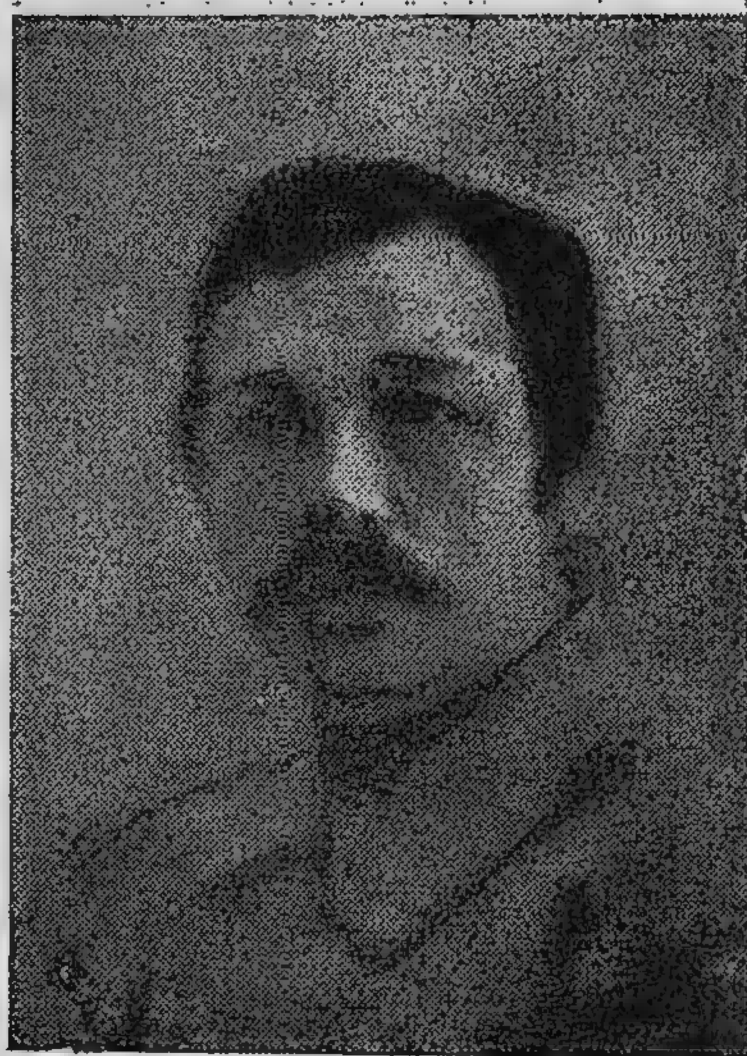
рищи устраивали большие собрания, на которых выступал т. Никита, интеллигент работавший в чугунно-литейном цехе, Сибиряк с бойкотистской тенденцией. Собрания устраивались между снарядными цехами, в кладовой, где хранились модели. И хотя компанию вести пришлось не легко, благодаря реакции, но все же райкому удалось провести агитацию и наметить своих кандидатов, которыми являлись: Иванченко, Обросов, Оборин, Тронин, Семенов, Егоров; в Думу прошел Егоров.

После выборов в 3-ю думу реакция усилилась: появились провокаторы, которые близко стояли к организации; как то: Бажин—член райкома, Анферов, Сыропятов, Худорожков, Бурдин и другие. Начался разгром организаций, как партийных, так и профессиональной. По их донесению в конце 1907 года был арестован весь райком в лице: тов. Карякина, Обросова, Токтуева, Маркова, Ушакова и целый ряд других товарищей. Зимой в 1908 году организация была разгромлена окончательно. Остальных товарищей полиция подбирала уже в конце 1908 г. Уцелевшие товарищи-члены райкома работу прекратили. Оставшиеся печати и литература были припрятаны. Активисты почти все оказались в одном месте—в тюрьме и были разбросаны по разным гиблым местам. Полиция не оставила в покое и эсеровскую организацию, которую постигла та же участь.

з. Мотовилиха,—X/23 г.

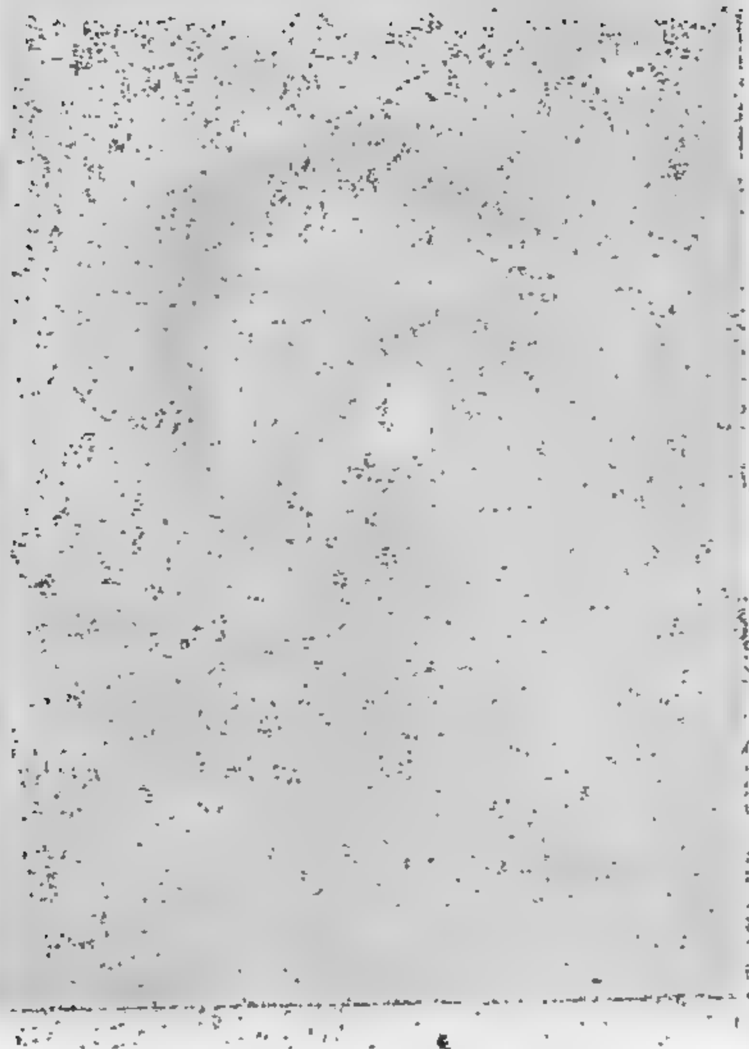


А. Миков („Костя“).



А. Пушкарев.

И. Глухих.



П. Ермаков.

У бисерских рабочих.

Ранней осенью 1906 года мы первый раз увидели товарища Артема. Он приехал к нам по поручению Пермского Окружного Комитета для организационной и пропагандистской работы.

Как сейчас помню плотную, выше среднего роста фигуру т. Артема, одет в желтоватое бобриковое полупальто. По внешнему виду товарищ Артем был похож скорее на рабочего, чем на интеллигента.

С каким вниманием слушали мы Артема! Он говорил без устали и давал нам раз'яснения на вопросы, которые нас давно волновали. А мы засыпали его все новыми и новыми—бесчисленное множество вопросов. Даже ночью не давали ему заснуть, все вопрошая:

— Товарищ Артем, раз'ясни нам, как так это? Почему?... и т. д.

Ни одним жестом или интонацией своего голоса товарищ Артем не высказал усталости и не дал нам понять, что вопросы наши были слишком наивными. Но что особенно ценное мы увидели в нем, это чуткая задушевность его обращения во время беседы.

Не даром после нескольких часов такой беседы мы чувствовали себя с ним старыми приятелями.

В первый день приезда мы бомбондировали его, забравшись для ночлега на сеновал (в моей квартире), и только заметив, что утро уже наступает, стали извиняться с Костаревым Петром (один из организаторов Бисерской ячейки, умер), что не дали ему отдохнуть с дороги. Но товарищ Артем нам горячо возразил:

— Я буду очень счастлив еще не поспать одну ночь, лишь бы беседовать с рабочими, которые ощупью, без всякого руководства, сами выбрались на дорогу великой классовой борьбы.

Правда, наша Бисерская ячейка организовалась как бы инстинктивно, так как не только не было руководства высшей организации или отдельных товарищей, но даже абсолютно отсутствовала революционная литература. Мысль о борьбе стала в нас гнездиться под влиянием чтения „Истории одного крестьянина“ Эркма Шатриана, „93 год“ В. Гюго.

Необходимо сознаться, что до приезда товарища Артема наше представление о всей революционной борьбе носило больше фейерверочный характер, „эффектный героизм личности“ манил нас к подражанию.

Только лишь Артем сумел указать нам правильные вехи классовой борьбы при непременном условии углубления классового самосознания среди широких рабочих масс.

Перед самым от‘ездом Артема нас уведомили, что полиция получила предписание арестовать приехавшего в Бисер агитатора. В виду этого я сам взялся везти Артема на станцию.

Выехав утром в пять часов, смотрим—по дороге впереди нас едет местный урядник. Что делать? Вернуться? Все равно путь на станцию один. Решили: „Э, была не была, в крайнем случае, урядник один, а нас двое (у Артема же было что-то вроде „Бульдога“), да ямщик. Кроме того, с урядником ехала какая-то дама. Подумали: „Если до станции доедем благополучно, то там уж успеем увернуться“...

Так и вышло.

Доехали до станции. Нас встречает урядник. Я иду к нему сам на встречу, а Артем направился в другую сторону в условленное место.

Действительно, урядник после глупого предисловия осведомился, кого я привез. Я без запинки отвечаю

— Земского статистика.

Урядник усомнился. Главное, видимо, его смутило, почему привез статистика я, а не земский ямщик.

Я ответил ему, что это мой знакомый, что окончательно привело урядника в сомнение: какой может быть у рудокопа знакомый земский служащий...

Но больше задавать вопросов он не стал. Молча пошли на станцию. Я попросил знакомого телеграфиста купить билет для Артема, что тот и выполнил. После третьего звонка Артем впрыгнул в вагон с другой стороны поезда. Но тут получалась комическая развязка всех наших опасений.

Артем очутился в одном купэ как раз с дамой, которая ехала с урядником. Дама оказалась очень недурненькой моloденькой барышней и через несколько минут у них с Артемом завязался оживленный разговор.

Перегона через два, хлоп—в вагон вваливается сам урядник. Остановился и с недоумением смотрит на Артема (он, оказалось, когда устроил свою даму, ушел в другой вагон, где ехал его „коллега").

Разумеется, Артему общество урядника не показалось приятным, поэтому, вспомнив мою рекомендацию —земский статистик,— он быстро стал приводить в порядок „свои статистические познания", в случае, если урядник вздумает осведомиться о результатах его трудов в Бисере.

Не успел Артем обдумать создавшееся положение (видимо урядник совсем не верил в „земского статистика") как дама его прервала неловкое молчание:

— Папа, позвольте вас познакомить с земским статистиком (я позабыл, какое липовое имя успел выдумать себе Артем).

Урядник не решился сконфузить свою дочь и ответил с кислой миной:

— Очень приятно.

Оказалось, что дама, дочь урядника, служила учительницей в каком-то селе и ехала к месту своей службы. Урядник проводил ее до Чусовой, где остался у своего начальства, станового пристава.

Конечно, любвеобильному папаше пришлось принять участие в разговоре. Он был любезен с „земским статистиком" и настолько любезен, что бегал за кипятком и молоком „для молодых людей".

Артем, убедившись, что никакой опасности со стороны „папаши“ не грозит, спокойным образом доехал до Перми, все еще чувствуя себя под охраной папаши с дочерью, так как их общество вполне гарантировало его от сюрприза услышать:

— Разрешите посмотреть ваши документы...

Впоследствии при встрече с товарищем Артемом (когда он приехал второй раз) мы от души смеялись „над ангелом хранителем“ товарища Артема—господином урядником, для которого товарищ Артем был очень хорошим кусочком, но в то же время нельзя было поставить в глупое положение свою дочь, которая в разговоре с Артемом об'явила себя симпатизирующей революционерам.

Вторично товарищ Артем приехал к нам во время предвыборной компании в II-ую Государственную Думу. Он приехал познакомить нас с тактикой при выборах и дать оценку другим партиям, особенно эс-эрам и кадетам. Несмотря на то, что в лесу нельзя было собираться, нам все же удалось устроить два собрания. Первое было в моей квартире, второе в квартире братьев В. и Ив. Махнутиных. Сейчас у меня в памяти яркая картина собрания у Махнутиных.

Глухая ночь, потрескивающая железная печка, в полумраке комнаты на табуретке сидит Артем... Кто на скамейке, а кто просто на полу расположились рабочие (горнорабочие) забойщики железно-бисерских рудников. Набралось человек сорок слишком. При абсолютной тишине слушали они плавную речь Артема об эс-эрах, самодержавии и о нашей великой классовой борьбе.

Артем дал нам тонкий анализ эс-эровской психологии „героев личности“. Говорил он нам и о партии Народной свободы, указывая на ее реакционность.

Сурово, не проронив ни звука, слушают закопченные рудной пылью и налетом динамитного дыма рабочие. Чем дальше льется речь Артема, тем суровее становятся лица, лишь в глазах начинают разгораться огоньки борьбы, и сжатые губы вот-вот

разожмутся и вылетит многоустное: долой самодержавие, долой его прихвостней.

После от'езда Артема я стал спрашивать рабочих:

—Ну, как вам понравился этот товарищ?,

И все единодушно отвечали:

—Этот всех лучше. Уж очень тонко все вывел. А эс-эры то, эс-эры то: мы думали они очень хорошие, а им лапоть надоть Нет, так нам не идет.

Да, умел Артем завораживать, ни после революции тысяча девятьсот пятого года, ни в тысяча девятьсот семнадцатом—девятнадцатом годах, не только кадеты, но даже эс-эры абсолютно не пользовались симпатией у рабочих Бисера При выборах же в Государственную Думу проходили исключительно товарищи, намеченные ячейкой.

Бисерские забойщики исполнили молчаливую клятву в дни великой борьбы *).

И теперь еще старики рабочие вспоминают Артема:

—Хороший был товарищ.

И, думается, не забудут рабочие Бисера память действительно дорогого для них товарища Артема.

4-го июня 1923 года.

---

*) В 1918 году 50% рабочих ушли добровольно на фронт. Ред.

З. Будрина.

Пермское Окружное Бюро Р.С.-Д.Р.П.

(Воспоминание).

В июле 1906 года, после крупного весеннего провала в Пермской организации („сели" два состава К-та один за другим во главе с „Михалычем", пропагандисты, техники и пр.), работа начала снова налаживаться лишь с приездом Артема. Было организовано Окружное Бюро. Ответственным организатором бюро сделали „Семку" или „Хохла" (Семченко); функции секретаря были поручены мне. „Семка" держал связь с ПК *), входя в его состав, на мою же обязанность легла переписка, рассылка литературы, касса и пр. ПК посылал нам пропагандистов, которых мы, в свою очередь, должны были направлять на места. Раз'ездными пропагандистами были сначала Аким (фамилии не знаю), „Роберт-Пашке, „Арсений"—Михайлов, „Анатолий"—Василий Денисов.

Связь с местами начала налаживаться довольно быстро, и в конце сентября была созвана в квартире Лихачевых, на Набережной, Окружная конференция. У Бюро имелись адреса Чусовой, Бисера, Очера, Пожвы, Лысьвы, Кусье-Александровска, Кизела, ж.-д. депо ст. Верещагинской, Добрянки, Кунгура, Красноуфимска и Осы, но кто именно был представлен на конференции— сейчас не помню. На конференции были доклады с мест, решались организационные вопросы, но как ни напрягаю память, не могу припомнить доклада по „текущему моменту". Если он и был (вероятно в связи с разгоном Думы), то во всяком случае прошел без всяких прений.

---

*) ПК—так назывался Пермский Комитет. *Ред.*

Постоянная явка окружников с мест была в Смышляевской биб-ке (Долматовская улица, между Торговой и Монастырской), где я служила и жила. Первичная—была у Седельникова в книжном магазине Петровской. Паролем служила фраза: „Дайте мне 5-й том „Капитала". Иные же, из неопытных, просто спрашивали: „Здесь Окружное Бюро?" Но дело обходилось. Раз'ездные пропагандисты, присланные ПК, приходили сюда же.

Словом, у меня был постоянный прием и читателей, и партийных товарищей. Немудрено, что я редко выглядывала из библиотеки, и об Артеме, как вообще о „Комитетских делах", знала только по-наслышке.

За ПК, конечно, оставалось общее руководство и материальное снабжение, но во внутренней своей текущей работе мы были, в сущности, совершенно автономны. Впервые личность Артема конкретизировалась для меня после одного случая.

Был тогда в Пермской организации некто Фома (Лебедев), которого наши местные городские партийцы подозревали (и как потом оказалось—совершенно правильно) после весеннего провала в провокаторстве. Произведено было даже следствие, но никаких улик тогда найти не могли. Все же Фома был отстранен от работы.

И вот этот Фома однажды приходил к нам на окружную явку от ПК, для того, чтобы мы его использовали в качестве раз'ездного пропагандиста. Он говорил, что Артем ему верит, и этого для него вполне достаточно.

Мы с ужасом представили себе физиономии кунгуряков (самой беспокойной и сварливой из всех организаций, находившихся в ведении Окр-Бюро) при виде приехавшего к ним Фомы. Хохол очень резко отослал Фому.

Этим дело кончилось.

Но доверчивость Артема, крупного революционера-профессионала, помню, меня тогда поразила. Это не могло быть следствием легкомыслия. Скорее этот штрих был признаком цельной,

нераздвоенной личности: если дело прекращено, и Фома оставлен в покое—значит... Артем поверил; а если поверил, так уже вполне. Иначе бы Фомы тут вообще не было.

После своего знакомства с Артемом, я убедилась в правильности последнего заключения.

Личная встреча с ним произошла у меня много позже, кажется, в конце октября или начале ноября—во всяком случае, перед началом предвыборной кампании во 2-ю Думу. Он пришел в биб-ку вечером с приехавшими вместе с ним из Харькова товарищами: „Марией Игнатьевной", „Сашкой Черным" и с кем то еще, не помню.

„Мария Игнатьевна" комически жаловалась, что Артем представил им Урал каким-то раем, а об уральских морозах предупредить забыл. Они все, действительно, приехали в очень легких одеяниях.

Артем хохотал и уверял, что ей скоро жарко будет от работы. Потом начал с серьезным видом рассказывать о каких-то невероятных приключениях Сашки в дороге. Тот пробовал сначала было протестовать, но кончил тем, что и сам начал хохотать. Было дружно и весело.

Вообще Артем обладал заразительной жизнерадостностью и какой-то особенной бодрой простотой. В то же время в нем чувствовалась недюжинная личность—крупная, сильная и решительная.

Наблюдая, я невольно в мыслях сближала его с Мыхалычем, которого узнала только в тюрьме, и думала: „Да, уж это настоящие, „не комнатные". (Михалыч пермских местных партийцев из интеллигенции называл „комнатными революционерами").

Их присутствие освежало. Оба они были „из одного теста"—революционеров-вождей. И это чувствовалось сразу.

Хохол скоро уехал, и Артем взял в свои руки Окружное Бюро. А так как в его руках была вообще вся работа, то с этих

пор Окрбюро, в сущности, утратило свой характер отдельной организации.

Все об'единилось вокруг Артема.

Стержнем всего сделалась предвыборная кампания. Действительно, стало „жарко“. Кампания проводилась с большим размахом и блеском. Наезжали еще новые товарищи. Из них я помню только Лядова. Но, кажется, приезжал и „Назар“—Накаряков. От нашей прежней „комнатной“ работы не осталось и следа. Она, действительно, приняла массовый характер и далеко вышла из всяких рамок конспирации. В биб-ке творилось что то невообразимое, особенно когда с'ехались в город выборщики.

Моя комната была полна нелегальной литературой, тут-же постоянно присутствует чуть ли не весь Комитет. Проводится инструктирование приходящих товарищей. А в это время литературу распределяют, завязывают и отдают выборщикам, которые вереницей проходят через читальный зал с чемоданами, сумками и просто свертками под мышкой.

Дым в комнате—непроницаемый. Все ходят в каких-то облаках, шутят: „так конспиративнее“. Самовар, непрерывно подогреваемый товарищем „Яковым“, сторожем биб-ки, каждый раз встречается громкими приветствиями.

Возбужденные разгоряченные работой товарищи снуют то и дело по библиотеке под перекрестным огнем шпиковских взглядов Один из вновь приехавших,—очевидно грузин в высокой серой смушковой шапке и красном галстуке,—блестит на всех глазами и зубами, привлекая общее внимание. Другой, красноуфимский реалист, выгнанный за неблагонадежность, шестнадцатилетний мальчик—по кличке Челн—окончательно опьянел от невиданного им размаха: бежит ко мне в абонемент и кричит во всю голову еще из другой комнаты:

— Товарищ Зоя, товарищ Зоя,—потом подбегает и, таинственно наклонясь, шепчет:

— Веревочку-бы.

В. Денисов прибежал туда же и сообщает во всеуслышание, что привел шпика:

— Вон сидит.

Я благодарю довольно сухо:

— И так их достаточно. Впрочем одним больше, одним меньше —не все ли теперь равно?

Либеральные члены Смышляевского К-та, очевидно, сбиты с толку. Большевистская компания, засевшая в биб-ке, им, конечно, не нравится, но невольно импонирует. Один из членов даже советует библиотекарям раскладывать прокламации на столах в читальной. Быть может это была ирония, но совет был выполнен буквально—раскладывали! Но когда те же библиотекари (из озорства) начали просить разрешения купить красного материала для флагов около биб-ки в день выборов, они испугались, и мягко, но отказали.

— Неудобно, знаете-ли. Биб-ка и так скомпрометирована.

Действительно. „скормпрометирована". Шпики были не только на улице, они были и в биб-ке. И то, что за всю эту зиму у нас не было ни одного обыска, между тем, как сразу же после кампании несколько товарищей „село" (в том числе и секретарь ПК, Маруся Загуменных, у которой в доме была другая штаб-квартира), можно об'яснить лишь какими-то „высшими" соображениями охранки. Вероятно, она оставляла биб ку в покое, как великолепный наблюдательный пункт.

Не думаю, чтобы наши товарищи этого не соображали. Но это был великолепный маневр: игра на все. И результаты оказались блестящие.

Надо, впрочем, заметить, что Артем умел оставаться незаметным. Я даже не помню, часто ли он бывал у нас в этот период. И, во всяком случае, суетящийся, бегающий „Челн", не говоря уже о грузине в красном галстуке, служили прекрасным отводом для всякого не совсем одаренного шпика

По окончании предвыборной кампании наступило сравнительное затишье. Произошли, как я уже упоминала выше, аресты. Кроме Загуменных, „сели“ — Василий Денисов, профессионал Остап, еще кто-то, не помню. Секретарство ПК перешло к Двиняниновой. Артем уехал по округу.

Начиналась подготовка к Лондонскому с‘езду. Литература была разослана раньше — с выборщиками.

Когда Артем возвратился, я была поражена возросшей численностью членов во всех местных организациях. У нас раньше цифры были очень скромные. Самое большее человек двадцать — тридцать. Теперь они всюду увеличились — где втрое, а где и в пять раз. В ответ на мое невольное (и несколько наивное) восклицание: „Как это вы сделали?“ Артем улыбался:

— Так уж с‘умел.

Потом серьезно добавил.

— Это же результаты предвыборной кампании.

Правда, это были результаты; но для меня было ясно также и то, что Артем „с‘умел“.

Тут же он несколько юмористически рассказал, как, приехав в одну „большевистскую“ организацию (боюсь быть неточной, а потому не назову, какую именно), он из разговоров с ее главарями убедился, что они стоят на чисто меньшевистской точке зрения, хотя и называются большевиками.

— Пришлось их разочаровывать.

— Но все же они остались большевиками?

— Конечно.

Теперь Артем чаще бывал в биб-ке, обычно по вечерам. Иногда ночевал. Спал он на кухне у сторожа — „товарища Якова“. Места было много везде; другие товарищи ночевали обычно в „комитетской“ (комната, где происходили заседания Смышляевского К-та). Но Артем не хотел почему то. Уверял, что ему у Якова отлично.

Вечерами мы делали с „Сашкой“, который у нас совершенно обжился, яичницу, варили даже какао — словом, по словам Артема,

„устраивали роскошь“. Он, по обычаю, подшучивал над „Сашкой“, находя, что мы его закормили, и он теперь похож больше на повара, чем на приличного большевика. Мы подтверждали, что у „Сашки“, действительно, несомненны кулинарные способности.

— И даже значительно больше, чем организаторские, — прибавлял Артем. (Сашка в то время был городским организатором, кажется, Заимского района).

Шутка довольно серьезная, но обижаться на Артема было немыслимо.

Доставалось мне и близкой к биб-ке учащейся молодежи за „философию“ Так Артем называл всякие отвлеченные и философские, и психологические, и этические рассуждения. Он их не терпел, хотя бы даже они были в духе несомненного марксизма. Особенно это ему не нравилось в „Челне“, в котором он ценил азарт и инициативность в работе:

— Ведь вот — хороший парень, а филистер. Смотрите, не доведет она (философия) вас всех до добра.

Это было верно. Никого не довела и „Челна“ больше всех: после своей ссылки он очень быстро эволюционировал до воинствующего кадета. Несмотря на „большевизм“, интеллигентской мягкости в нас было достаточно. Я ценила деликатность Артема. В мягких чисто товарищеских его нотациях по этому поводу не было надменности, хотя он имел на это полное право.

Однажды все-таки Артем возмутился так, что совершенно потерял свою обычную гармонию.

Он попросил какую-нибудь книжку из беллетристики. Я была занята в биб-ке, художественных вкусов Артема не знала (его просьба была для меня неожиданностью) и дала первую попавшуюся из новых. Была уже поздняя ночь.

Сижу, вожусь с карточками. Вдруг — широкие быстрые шаги. Вылетает Артем (он ночевал у Якова) и яростно швыряет мне через всю комнату книгу:

— К чему вы даете такую дрянь?

Повернулся и ушел.

Ошеломленная я поднимаю ее с полу. Оказывается новый альманах „Шиповника". Артему попались „Новые чары" Сологуба.

Библиотекарская совесть во мне сильно заговорила. Конечно, нехорошо было давать Артему эту гниль; а с другой стороны, что делать, если вся новая литература такова?

Когда на другой день мы начали об'яснять это нашему строгому читателю, он все еще недовольный, не поднимая на нас глаз, решил безаппеляционно:

— Ну и надо всю ее выбросить вон из библиотеки.

И это было верно.

В марте 1907 года Артема арестовали вместе с другими на собрании ПК. И я его больше никогда не видала.

Пермь 1924 г.

М. Загуменных.

Из воспоминаний об Артеме.

Массовки.

Как живой стоит передо мной Артем. Чуть выше среднего роста, коренастый, широкоплечий, не то в синей, не то в голубой косоворотке и в кэпи. Вечно смеющиеся добрые серые глаза, порой пускающие стрелы иронии и сарказма в сторону противника.

Встречать его стала в 1906 году в августе месяце.

Все широкие собрания, так называемые массовки, где-нибудь в лесу—за Камой, за Егошихой, проводил сам Артем.

Такие массовки были интересны тем, что на них присутствовали люди не только разных фракций, но и разных партий. В то время приходилось вести усиленную борьбу с эсерами и Артем сумел своими частыми обоснованными докладами, главным образом по аграрному вопросу, доказать всю несостоятельность эсеров.

Помню одну неудавшуюся.

Хороший летний день. Рано утром из города небольшими группами, или по одному, направо от нового кладбища, тянутся люди. На небольшом расстоянии от города в условном месте встречают пикет. Пикетчиков двое. Одного из них должны были узнать так: носовой платок должен лежать на плече, или же пикетчик будет сидеть с открытым черным зонтиком. Сказав пароль и получив путевку, дальше. Там второй пикет. Наконец, дошли до указанной поляны, где сидел уже Артем и оживленно беседовал с группой мотовилихинских рабочих. Но массовка не удалась. Не успел Артем сказать нескольких слов, как пикет

дал тревогу... Приближалась полиция... Все в панике бросились бежать. Артем своим зычным голосом призывал к спокойствию.

— Товарищи, не бегите куда попало. Узнаем прежде с какой стороны едут городовики, а то нарветесь прямо на них.

Но половина уже разбежалась, удержать было трудно. Артем ушел с последней группой.

Приближаясь к Сибирскому тракту, можно было видеть, как из леса отдельными группами выходили товарищи.

Нескольких полиция успела перехватить, многих встретила, но не арестовала. Артем избежал даже встречи. Не в первый раз приходилось ему уходить от полиции.

На работе.

Артем весь отдавался работе. У него, казалось, не было ни одной минуты, принадлежащей ему самому. Он весь был пропитан жизнью партии, жил только ею.

Убедившись, что сил в Пермской организации мало, Артем на одном из заседаний П. К. вносит предложение усилить кадр партийных работников „профессионалами" и указывает, что лично ему известен ряд товарищей, которые по конспиративным соображениям должны оставить Харьков и могут перебраться в другое место. Комитет поручает Артему поехать в Москву и Харьков за работниками.

Поездка Артема увенчалась успехом. Ему удалось привезти с собой нескольких „профессионалов": большевика „Игната"— Д. Бассалыго, „Сашу". Других имен и фамилий не помню.

Возвращение в Пермь не обошлось без приключений. Артем крайне скупой в расходовании партийных средств, взял на дорогу до Перми самую ничтожную сумму; денег, конечно, не хватило, поэтому Артем и Игнат почти от Вятки до Перми возвращались по образу пешего хождения. Надо добавить, что из Москвы они с собой взяли корзину с литературой, которую в виду такого затруднительного положения, пришлось где-то дорогой оставить. До Перми добрался Артем благополучно.

Возвратясь в тот день со службы домой, я увидела Артема. Сидит измученный, усталый, грязный, с какой-то листовкой в руках. Последняя была издана в его отсутствие и „видимо“ написана была слишком плохо, а может быть кем-нибудь из меньшевиков. Я не помню содержания ее, так как все свое внимание обратила на приезжих товарищей и на рассказ Артема, как они добрались. Артем с веселым смехом сообщает:

— Решили идти пешком, так как зайцами ехать—большой риск. Пошли. Холодно, одеженки теплой нет. Дорогу приходилось спрашивать. Как нас и в чем не заподозрили и не забрали, чорт его знает.

С его возвращением мы опять почувствовали живую струю в нашей работе.

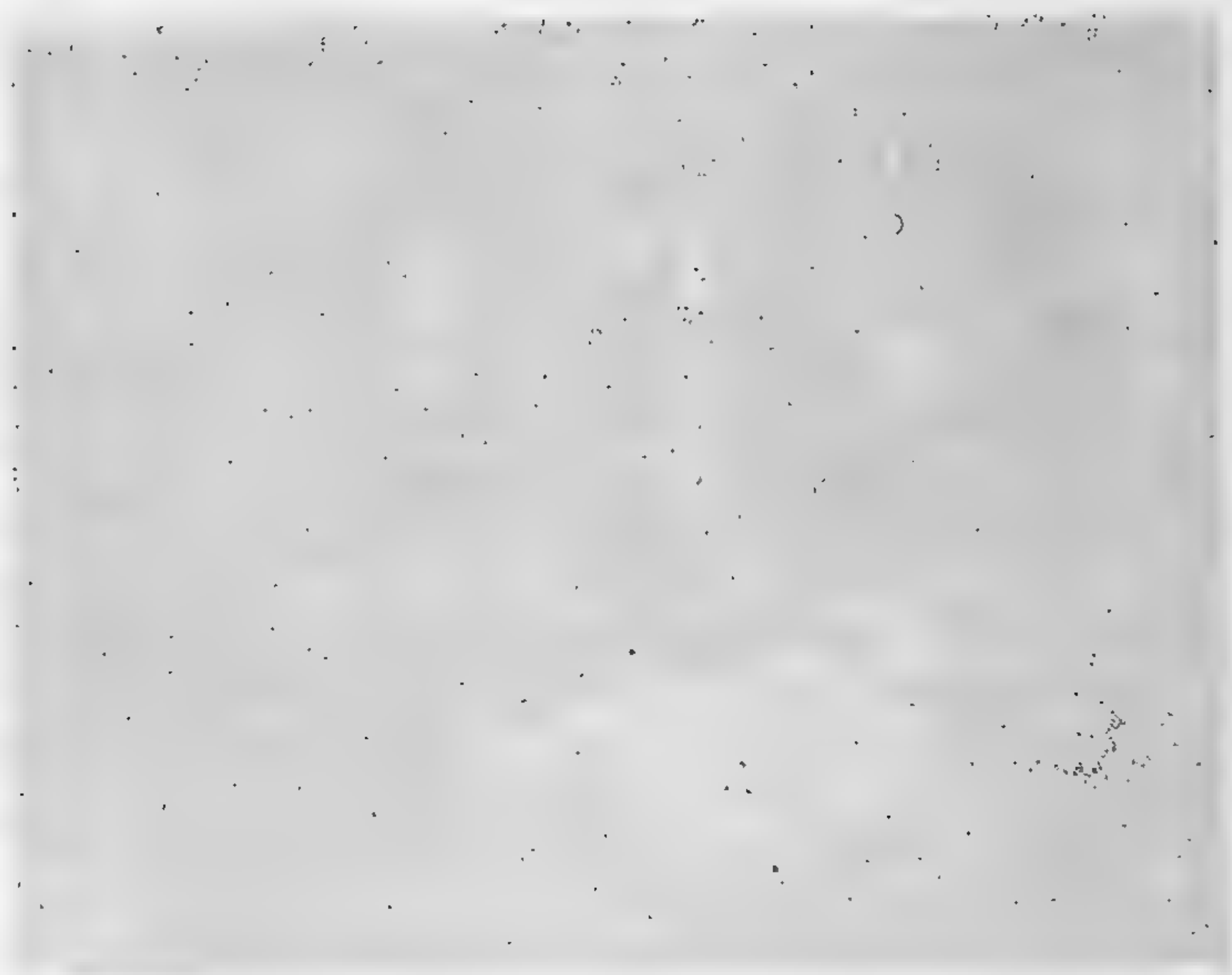
Вечером в тот же день состоялось заседание Пермского Комитета (Пермский к-т сокращенно называли ПК), где Артем сделал доклад о своей поездке и ее результатах. На этом же заседании были распределены работы. Вновь приехавший тов. Игнат был назначен ответственным пропагандистом; „Саша“— раз'ездным работником по губернии, главным образом, по заводам; Иван, брат Игната—военным организатором. О каждом вновь прибывшем товарище Артем дал отзыв, так как с этими товарищами он работал в Харькове и Симферополе, словом, в целом ряде организаций.

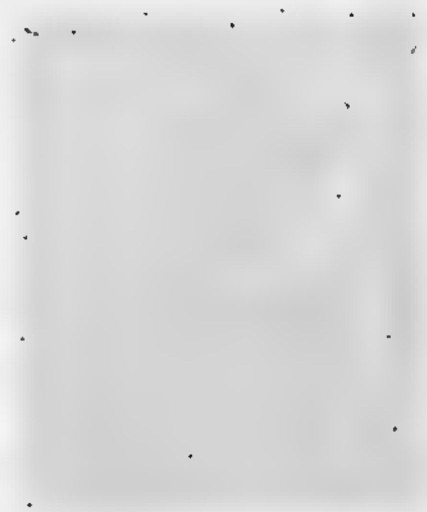
Какая работа была возложена на Артема трудно сказать. Он был все—мозг и сердце нашей организации, душа всех заседаний.

Интересно отметить влияние его на рабочих и всю любовь их к нему. За его короткое отсутствие они как бы стосковались по нем Особенно непосредственно проявлял себя тов. „Зеленый“ (В. Фролов) Помню одно заседание в маленькой, тесно заваленной комнате. Артем сидит на кровати. Он в центре. Его окружают все остальные и как будто стараются сесть поближе, чувствовать его, находиться рядом с ним. „Зеленый“ же хотел даже осязать его; подсел поближе и гладит рукой Артема. И

В. Т. Фролов—„Зеленый“ (сидит справа).

М. М. Загуменных
(„Маня“).





Артем отвечал ему полной симпатией. Это было не с одним „Зеленым“. Так влиял он на всех товарищей.

В домашней обстановке.

Артем, человек недюжинных способностей, обладающий большим умом и знаниями, человек все время по-горло занятый серьезной работой, в то же время был очень общителен. В свободные от своей работы минуты он охотно беседовал с моими родными. В этих беседах Артем, видимо, и для себя находил какое-то удовольствие. Мой дед интересовался аграрным вопросом. Артем на эту тему долго беседовал с ним, раз'ясняя разницу программы марксистов и народников по этому вопросу. Через некоторое время Артем пришел к заключению, что мой дед марксист.

Я всегда относилась к родным несколько скептически, не умела находить в них хороших сторон. За такое отношение к родным Артем меня журил. Помню случай. Однажды дело дошло до того, что моему отцу не осталось ни подушки, ни одеяла— на ночь все было отдано спавшим у меня товарищам. Отец сделал мне замечание, я разгорячилась на своих родителей. Артем отнесся очень серьезно к этому факту.

— Таких родителей, как ваши, надо поискать. Ведь они для нас отдали все, смотрите, как мать ваша относится к нам, она нам всем родная, отец же всегда с нами, мы им все вполне доверяем, вместе с тем крепко их эксплоатируем. Я живу у вас давно, но никогда даже тени неудовольствия не замечал.

Возващался Артем домой очень поздно. Прежде чем лечь спать он еще устраивал себе отдых—брал Шекспира и зачитывался им до зари. Бывало проснешься ночью от сдерживаемого смеха Артема, спросишь в чем дело. Тогда поймет он, что все равно разбудил спящих и кричит через стенку:

— Слушайте, слушайте. Нет, это невозможно, к чорту весь сон отлетел.

И начнет цитировать.

Так порой пробеседуешь с ним час, другой. Это был отдых его мозгам.

Артем энтузиаст, оптимист и вместе с тем всегда живущий действительностью. Он любил дело, дело за освобождение рабочего. 16 лет тому назад он уже твердо верил, что близок час, когда победит пролетариат. Помню, после одного из успешно проведенных предвыборных собраний, Артем, возбужденный и радостный, опьяненный успехом нашей партии, идя со мной на заседание Комитета по Екатерининской улице, сказал:

— Неужели мы с вами доживем до социализма?

— Я усомнилась. Артем же как бы подумал сам над своим вопросом и с уверенностью сказал:

— Безусловно доживем. Время это уже недалеко. Скоро мы торжественно отпразднуем свою победу.

Передать эту веру Артема в победу социализма, как это говорилось, невозможно. Настолько мне запомнились его слова, что будучи далеко отсюда—в Сибири, как только заходила речь об Артеме, я моментально вспоминала именно эти слова.

Кружки.

На утро Артем кипел в котле партийной работы. Шел куда-нибудь на завод, на свидание с товарищами или сидел дома и писал листовки, статьи в нелегальные газеты. Вечером шел на какое-нибудь заседание, собрание или проводил кружки. В то время теоретическую подготовку приходилось получать тоже через кружки. Прежде чем попасть в этот кружок, нужно было пройти несколько этапов, в смысле приобретения доверия. Прежде новичка, члена или только еще сочувствующего, использовали так: пользовались адресом для конспиративной переписки, хранили литературу, пользовались квартирой для явок, ночевок, собраний. Рассмотрев новичка с этой стороны, пускали на массовки, летучки, подбирали членами кружков. Товарищи посещали массовки и летучки, а оттуда уже почти все были известны кому-нибудь из ответственных членов партии и теоре-

тические знания их так же были известны. Кружки были высшего, среднего и низшего типа. Кружки низшего типа знакомили с азбукой, т. е. давали самые элементарные понятия о партии. Среднего – углубляли знания членов партии. Штудировалась политическая экономия, программа партии, писали рефераты на более легкие темы. Кружки высшего типа изучали К. Маркса, в них товарищи готовились к пропагандистской работе. Работой в кружках высшего типа руководил, главным образом, Артем. Методы работы в этих кружках были таковы: пропагандист читает лекцию, скажем, на тему: что такое капитализм, или просто возьмет одну из глав политической экономии Богданова и изложит слушателям—членам кружка, популярным, простым языком. Затем члены кружка задают докладчику вопросы. Если же слишком молчаливая публика в кружках, руководитель старается наводящими вопросами вызвать слушателей на разговор, заставит заинтересоваться и, таким образом, получше запомнить и понять только что прочитанную лекцию.

У Артема было несколько таких кружков в городе и Мотовилихе. Такой метод работы был в кружках Артема и его товарища Игната. Работали по определенной программе; так как новых работников подготовить нужно было наскоро, то программа была составлена на самый кратчайший срок. Привести текст программы сейчас не могу, не помню; при ней же был указан ряд пособий. Прежде чем идти на лекцию, мы просматривали, что нам будут читать; кто имел возможность, тот подчитывал что-нибудь. Артем (в нашем кружке читал Игнат), прочитав лекцию, всегда просил задавать вопросы, отвечал на них, а затем, как делалось со школьниками в классе, просил повторять, что говорилось. Этим дело не кончалось. Через несколько дней наиболее способные посылались в кружки низшего типа, где под руководством кого-нибудь из пропагандистов сами проводили беседу.

Состав кружков был очень текуч: едва только член кружка начинал проявлять себя, как его уже брали вообще на работу и заниматься в кружке уже не приходилось.

Предвыборная кампания.

Во время работы т Артема у нас Перми в 1906 и 1907 г. г. было проведено две серьезных кампании, которые потребовали много сил и времени.

В ноябре и декабре месяцах 1906 года наша партийная организация готовилась к выборам во II Государственную Думу. Комитет партии по инициативе т. Артема был обновлен, т. к., он и Игнат (их в то время трудно было разделить, они было близки как товарищи и удивительно единодушно работали) находили, что товарищи, давно сидящие в комитете, утратили энергию, надо их освежить, дать им отдохнуть. В новый состав комитета вошли: Иван Иванович Карякин („Петров"), «Зеленый», В. И. Петухов «Потапыч»), Артем, «Игнат» - (Д. Бассалыго), Иван, (брат Д. Бассалыго), М. Загуменных и еще несколько из привезенных Артемом и вызванных товарищей, но кто, именно - не помню.

Так как Артем был членом Областного Комитета Р.С.Д.Р.П (б), то, вероятно не без его участия нами была получена крупная сумма из Екатеринбурга для проведения предвыборной кампании. Привезли из Москвы и из Екатеринбурга очень много литературы, открыли книжный склад и отсюда литература раздавалась по районам и развозилась по губернии.

От имени Пермского Окружного Бюро рассылались товарищи с литературой и с отчетами о проделанной работе с 2-го ноября по 1-е декабря. Словом, производилась серьезная подготовка к выборам по губернии.

Артем в своей стихии... Он едет в область (Екатеринбург), об'езжает важнейшие фабричные пункты Пермской губернии.

Мотовилихинские рабочие все предвыборные собрания проводят с успехом. Бывало скажут:

— Артем, сегодня собрание, будут кадеты, ты должен дать сражение.

Артем же, заложив левую руку в карман, голову немного втянув в себя, правой рукой проведет по волосам, тряхнет головой, немножко лукаво, немножко добродушно улыбнется и скажет:

— Эх, да что там... Побьем... Вы только, товарищи, обставьте так, чтобы можно было пробраться и выбраться оттуда, о разоблачении же кадет уж будьте покойны, сумеем.

Вечером же, вернувшись домой, рассказывал, какой «мы»; не он—Артем,а «мы» успех одержали.

Характерной чертой Артема было то, что он слишком мало говорил о себе, слишком мало ценил себя.

Не будь бы у нас Артема, такой шири, такого размаха наша предвыборная кампания не приняла бы.

Были товарищи, очень крупные работники, но я считаю, что равных Артему было мало. Он был прост и вид у него был самого обыкновенного рабочего. Я была крайне удивлена, когда узнала, что он человек интеллигентный. Мало, конечно, внешнего вида, и по психологии он был близок чистокровному пролетарию. Поэтому он был так понятен, близок и дорог массам.

Артему наша Пермская губерния обязана многим. Он почти беспрерывно в течение восьми месяцев вел слишком интенсивную работу и поставил парторганизацию на правильные рельсы. Поэтому предвыборная кампания дала такие блестящие результаты и не только в Перми, но и на всем Урале.

Артем, по воспоминаниям очень многих товарищей, всегда удачно избегал арестов. Нисколько, конечно, не удивительно, что самый рядовой член партии мог продолжительное время держаться, мог не быть арестованным, но такой, как Артем, который каждую небольшую группу лиц старался использовать для посева своих идей, такой работник мог бы быть скорее изловленным. С Артемом происходило как раз обратное. В ряде городов до Перми он умел скрываться и не попасть под арест.

Так и в Перми. В разгар предвыборной кампании днем, т. е., часов до шести вечера, у меня в квартире было много товарищей; были: „Назар“ Ник. Никанорович (Накаряков), Игнат, Иван, Лядов, Артем и еще кто то.

Вечером было расширенное заседание Комитета. Артем и другие ушли на это заседание.

А часов в восемь вечера у меня был тщательный обыск во всей квартире; такой тщательный, что даже у моей матери все тесто в квашне переболтали. Когда же обыскивали комнату Артема, то кроме книг ничего не нашли. Книги приписали мне.

Артем жил так, что у него никогда не было видно вещей, никаких предметов „домашнего обихода". Я даже не помню, когда он пил и ел. Это делалось как-то между прочим.

И вот, когда в его комнате рылись жандармы, то, очевидно, даже и не подозревали, что роются в комнате того самого Артема, которого им так хочется поймать, и который причиняет так много беспокойства охранке.

С января 1907 года после широко раскинутой полулегальной работы по выборам во II-ю Думу, когда товарищу Артему приходилось открыто выступать на самых многолюдных собраниях и беспощадно критиковать и разоблачать кадетов в том, „насколько они преданы пролетариату", после того, когда многих товарищей, у которых мог Артем находить убежище, попрятали в тюрьмы, Артему пришлось замкнуться и уйти в свою раковину. Этим он мог продлить свое существование, во время отпарировать наступление охранки и тем самым продлить подпольную работу. Артем прекрасно понимал и чувствовал, что он нужен для дела, он обязан был себя хранить. И он это делал.

Предс'ездовская кампания и арест Артема.

Месяцы февраль и март 1907 г. были временем интенсивной работы партийной организации. Но работа уже была не такой массовой. Велась кампания по подготовке к Лондонскому с'езду партии, состоявшемуся в апреле месяце 1907 года. Эта кампания должна была иметь решающее значение и выявить наши разногласия с меньшевиками. В то время положение на Урале было тревожное. Фонды большевиков, блестяще проведших предвыборную кампанию, были очень высоки. Меньшевики же с их бледно-дрожащими лозунгами растворились в бурном потоке только что прошедшей работы. Влияние большевиков было большое. От Мото-

вилихи до Екатеринбурга включительно, рабочие массы были настроены по-большевистски, партийные организации были определенно большевистскими. Под влиянием выборов в Екатеринбурге Челябинская организация, настроенная меньшевистски, все-таки выбрала на партийный с'езд большевика. Звали его „Мишка-хулиган". Не знаю, была ли это кличка его, или товарищи звали его так в шутку: фамилия же его была – Михаил Исконицкий.

Почва для выборов на партийный с'езд была подготовлена предыдущей работой. Но все же об'езды по области и губернии были необходимы. Раз'яснялись принципиальные и тактические разногласия большевиков и меньшевиков.

Работа Областного Бюро по всему Уралу и Окружного Бюро – по Пермской губернии была большая. Артем состоял активным членом в том и другом Бюро. Стремясь создать единую Р.С.-Д.Р.П. (б), которая не тратила бы сил на внутрипартийную борьбу, а вела бы борьбу единым фронтом, — он положил много сил для этой работы.

Подробностей, как он вел эту работу, я не знаю, т. к, тогда была уже арестована.

Но знаю, что успех этой кампании был не менее блестящ, чем предыдущий: Урал дал на с'езд в большинстве своем большевиков.

Ц. К. партии, будучи меньшевистского состава, забил тревогу. Нужно было поправлять дело и избавиться от большевистского засилья на предстоящем с'езде. На Урал был командирован очень сильный меньшевик, член Ц. К., Леон Гольдман – „Аким", старый принципиальный враг Артема.

В начале марта 1907 г. в Пермь, как в губернский центр на Урале, кроме Гольдмана с'ехались многие делегаты партс'езда. До этого времени Артем некоторое время жил у секретаря Пермского Комитета О. И. Двиняниновой, но вскоре за ним появилась слежка; Артем стал перекочевывать с квартиры на квартиру—где день, где ночь.

Перед от'ездом на с'езд состоялось расширенное заседание Пермского Комитета с членами с'езда. По окончании собрания,

когда товарищи расходились по одиночке и по два, соблюдая все правила конспирации, несколько человек было арестовано. Среди них была перехвачена и я сама Часть товарищей еще до этого момента успели уйти: товарищ „Зеленый“, Петухов и другие.

Все члены с‘езда попали. Попал, наконец, и Артем в цепкие лапы охранки.

Так печально кончилась предс‘ездовская кампания.

При Артеме, конечно, ничего не было найдено —квартиры, где бы нужно было произвести обыск, у него не было, а потому он привлекался только, „как Артем“. Много было связано с этим именем у охранки.

Всех арестованных из полиции перевели в Пермскую губернскую тюрьму и посадили там в общую камеру: Артема, „Акима“, „Азария“. Степана Трефилова и еще кого-то, не помню.

В тюрьме.

С первых же дней в тюрьме для Артема начинается пытка сидения в одной камере с Гольдманом. Люди совершенно противоположных полюсов, принципиальные враги еще с первых с‘ездов. на которых Гольдман всячески старался „раз‘яснить“ Артема, как сильного противника. Дело в камере доходило до таких бурных споров, что тюремная администрация обратила внимание на их, „принципиальную ругню“ и, чтобы не нарушалась больше шумами и криками „тюремная дисциплина“, рассадила их по разным камерам. Тогда только Артем пришел в нормальное состояние, тогда только мог повести обыденную тюремную жизнь.

Первое время Артем был посажен в „новый корпус“. Так называлось одно из зданий Пермской губернской тюрьмы. Этот „каменный мешок“ был произведением последних лет и следовательно приближался к совершенству современной техники, какого добивались тюремщики для политических преступников. В общей камере этого корпуса Артем пробыл недолго, затем его пере-

Факсимеле Артема.

Господину Прокурору Пермскаго Окружнаго Суда,

~~[illegible] Прокурору Палаты [illegible] 102 ст.~~

Политическаго заключеннаго крестьянина Курской губ. Фатежскаго у. Сдобниковской вол. Федора Андреевича Сергѣева,

Заявленіе

Въ прошломъ мѣсяцѣ я подавалъ Вамъ заявленіе, въ которомъ просилъ обратить вниманіе на состояніе моего здоровья и дать мнѣ возможность принять необходимыя мѣры леченія. Отвѣтъ, который я отъ Васъ получилъ, меня немало изумилъ. Отъ 8-го апр. Вы меня извѣстили, что передали мое заявленіе въ Жанд. Управленіе; между тѣмъ еще отъ 31 марта Жанд. Управленіе извѣстило насъ, что наше дѣло передано Вамъ, и чтобы впредь мы со всѣми заявленіями обращались къ Вамъ, и уже не въ Жанд. Управленіе. Изъ того, что по сегодняшній день я еще не получилъ увѣдомленія о перечисленіи меня за Прокуроромъ Палаты, я заключаю, что съ нашимъ дѣломъ снова произошло какое-то недоразумѣніе, что, извѣстивъ насъ о передачѣ нашего дѣла Вамъ, Жанд. Уп. самаго дѣла Вамъ не переслало. Въ виду того, что въ леченіи я нуждаюсь настоятельно, а тюр. инспекція сдѣлала все, что было въ ея силахъ для ухудшенія и обостренія процесса болѣзни, лишивъ даже меня, несмотря на многократныя удостовѣренія тюр. врачей, возможности пригласить специалиста, я прошу назначенія комиссіи врачей для освидѣтельствованія. Я каждую минуту ожидаю или воспаленія надкостницы, или зараженія крови, которыя неминуемы при настоящемъ положеніи. У меня верхняя десна челюстей превратилась въ непрерывно гноящуюся многими [illegible], незакрывающимися язвами поверхность. Внутренность зараженныхъ полостей зубовъ также постоянный резервуаръ разлагающейся матеріи. Я уже давно не могу жевать; но пища все же не можетъ не засорять язвъ, постоянно открытыхъ; и пища неизбѣжно смѣшивается съ гноемъ. У меня уже давно врачъ констатировалъ катарръ желудка. Я давно писалъ и Вамъ и другимъ учрежденіямъ о предоставленіи мнѣ возможности леченія. Но на первое удостовѣреніе врача Перм. тюрьмы о томъ, что мнѣ нуженъ специалистъ, тюр. инспекторъ выслалъ меня сюда въ Николаевку, снабдивъ въ день отъѣзда разрѣшеніемъ пригласить специалиста, хотя онъ зналъ, что въ Николаевкѣ это невозможно. На освидѣтельствованіе мѣстн. тюр. врача, въ отвѣтъ на мое заявленіе Вамъ, тюр. инспекторъ отвѣтилъ, что перевести меня въ тюрьму мѣстности, гдѣ приглашеніе специалиста возможно, не можетъ, хотя врачъ въ удостовѣреніи писалъ объ очень скверномъ состояніи. Въ пріѣздъ тюр. инспектора сюда въ декабрѣ пр. года, мѣстн. врачъ свидѣтельствовалъ меня въ присутствіи тюр. инспектора; констатировалъ снова ухудшеніе; указалъ, что для леченія въ то время требовалось уже пребываніе въ больницѣ около 1½ мѣс. Тюр. инспекторъ заявилъ, у нихъ нѣтъ мѣста и возможности для такого рода леченія и онъ фактически отказалъ въ приглашеніи специалиста, потому что вопреки обѣщанію перевести въ Пермь „при первой возможности" до сихъ поръ не перевелъ. А постоянно прибывающіе изъ пермской тюрьмы заключенные постоянно утверждаютъ, что возможность помѣщенія еще нѣсколькихъ человѣкъ въ тюрьму въ Перми была всегда. Благодаря такому образу дѣйствій г. инспектора мое положеніе необычайно ухудшилось. Вы же и Жанд. Упр. постоянно откладывали вопросъ объ измѣненіи мѣры пресѣченія до перехода дѣла въ Суд. Палату. Однако, скоро 11 мѣс., какъ дѣло ведется, а все еще неизвѣстно, скоро-ли оно въ нее попадетъ. Между тѣмъ вызванъ былъ всего одинъ свидѣтель изъ [illegible] открыто въ нар. полиціи, даже послѣ окончанія слѣдствія — 5 дек. прошло около 5 мѣс. Между тѣмъ, никакими соображеніями нельзя оправдать на основаніи данныхъ слѣдственнаго матеріала Ваше постоянное нежеланіе измѣнить мѣру пресѣченія. Все, что добыло слѣдствіе, не пошло дальше моего собственнаго показанія, даннаго 4 іюля г. слѣдователю по II уч. Перм., именно, что я уклонившійся отъ воин. повинности и проживалъ по своему паспорту, а слѣдовательно и не подъ своимъ именемъ, потому что ни одно учрежденіе не выдало бы мнѣ паспорта на мое имя; жить же по одному паспорту, а называться другимъ именемъ — значитъ подводить постоянно и себя и другихъ. Но теперь мнѣ уклоняться отъ воин. повин. не нужно; у васъ есть удостовѣреніе врача роты, что даже къ ротамъ я не годенъ. Уклоняться же отъ суда, по дѣлу обо мнѣ возбужденному, могъ бы только психически-больной человѣкъ; слѣдств. матеріалъ у Васъ и Вамъ въ этомъ нетрудно убѣдиться. Я прошу Васъ снова пересмотрѣть вопросъ объ измѣненіи относительно меня мѣры пресѣченія; я нуждаюсь въ сложномъ оперативномъ леченіи съ 1½–2-мѣсячнымъ лежаніемъ въ больницѣ, специально приспособленной; въ тюрьмѣ необходимыхъ условій теперь достигнуть трудно. Если Вы сами измѣнить мѣру пресѣченія не найдете возможнымъ, какъ и назначеніе комиссіи врачей, чтобы провѣрить правильность діагноза мѣстн. врача роты, я прошу вмѣстѣ съ моимъ дѣломъ отослать это мое заявленіе, вмѣстѣ съ предыдущимъ заявленіемъ къ Вамъ по этому же вопросу и удостовѣреніями врачей — переслать г. Прокурору Палаты.

Затѣмъ, у васъ долженъ лежать, полученный Вами на мое имя заказной бандеролью около 15 марта с. г. II т. „Элем. высш. математики" Лоренца. Эта книга мнѣ очень нужна, и я прошу по возможности скорѣе ее мнѣ прислать. Федоръ Андреевичъ Сергѣевъ.

25 апрѣля 1908 г.

Николаевское Исправительное Отдѣленіе

Просмотрѣно. Николаевскимъ, Перм. губ., Исправит. арест. Отдѣленіемъ.

вели в т. н. башню—корпус, расположенный рядом с конторой тюрьмы.

Башня состояла преимущественно из одиночных камер, при ней был свой двор для прогулок. Из окон одиночек башни можно было наблюдать до некоторой степени за жизнью тюрьмы, т. к. вполне был виден двор, через который нужно было проходить из конторы корпуса тюрьмы и обратно. Сидеть в башне, по нашему мнению, значило перейти до некоторой степени в привилегированное положение, т. к. в одиночке не приходилось испытывать „прелестей“ общих камер.

Артема повели в одиночку вместе с товарищем Котовым. Первое время сидеть Артему было хорошо. Он как-будто отдыхал. Но отдых этот был, конечно, слишком ненормален.

С переводом Артема в башню с ним установила разговор женская половина тюрьмы. Окно нашей уборной выходило на совершенно изолированный двор башни, где гуляли товарищи. За прогулками следил только один надзиратель, а если попадал сносный—говорить можно было в течение всей прогулки. У нас в камере было расписание прогулок башенников, а потому, когда наступало время прогулки Артема, я была уж „на посту“ и подолгу беседовала с Артемом.

С этого же „поста“ мне пришлось увидеть Артема на прогулке в новом корпусе. Конечно, неизменная синяя косоворотка. Артем гологоловый с хохотом носился по двору, потому что кто-то целился в него мячем...

Артем рассказывал мне историю мяча.

— Раз попали сюда, то ведь нужно же на досуге и за гигиеной немного последить. Волосы на голове выросли длинные, стричь было некогда, а здесь благо,—цирюльник бесплатный. Обрил всех наголо. Теперь легко, а так как всегда нужно соединять приятное с полезным и добро зря не бросать, то наши богатые шевелюры пошли на мяч.

Из остриженых волос они сшили „мяч, который на прогулках доставлял не мало удовольствия.

Дальше его тюремная жизнь потекла так же, как и у всех. Прошел день—великолепно, ближе к развязке, скорее суд, который все-таки определит твое существование—не то в Сибирь, не то на каторгу, или в крепость года на три, на четыре...

Проработавши на воле порядочно времени, о других приговорах и думать не могли.

Артем как бы предчувствовал, что до суда придется ему долго гнить в тюрьме, и с первых же дней своего заключения он все время трясет следственные власти, настаивает на том, чтобы не тянули следствие.

Но с делом, конечно, не спешили,—знали, что Артем много поработал, будучи на свободе, а поэтому нужно было больше собрать материала, как об Артеме, так и о его сопроцессниках. Продержав Артема несколько месяцев в Пермской тюрьме, отправили его в знаменитые Николаевские роты, Верхотурского уезда. Эти роты в то время считались застенком. Там товарищей замораживали до смерти. Жилось там Артему, конечно, несравненно хуже, чем в башне.

У меня до сих пор сохранилась от него открытка от 25 января 1908 г. На открытке изображена „Аленушка" художника Васнецова. Она ярко передала тогда его настроение, его тоску по воле... Из-за мазков прокуратуры*) можно прочесть: „Привет. Ваши письма дошли рожки да ножки.... Из Москвы пол—Лоренца I ч. и I книга К. Фибих. Наслаждаюсь. Дело к маю не пойдет, еще не пред'явлен материал. Живем по-старому, через пень колоду: жиреем, физия из кадетски зеленой..... (мазок) это меня удручает больше, чем постигшее вас (мазок). Какими судьбами вы снова на хлебах. Обещали меня перевести в Пермь. Однако я думаю, это случится не раньше, как повезут на суд. К Николаевке привык (мазок). Не охота будет уезжать. Не люблю

*) Письма всех заключенных просматривались прокуратурой и ставился знак широкой полосой накрест желтой жидкостью, которая много слов скрывала.

в общей камере сидеть, а здесь обеспеченная одиночка. Привилегия же часто (мазок) как весь декабрь (мазок), благодарю за память. Привет друзьям. Ф. 25 января".

Чем дальше, тем скорбней и скорбней стала получать письма от Артема. Получала все больше нелегальные. Здоровье ухудшалось. Он чувствовал, что болеет серьезно, начал придумывать всяческие лазейки, которые помогли бы ему выбраться на волю. Он ведет усиленнейшую переписку с друзьями, настаивает, чтобы они хлопотали.

Когда же Артем совершенно разболелся (кажется, у него началось гангренозное воспаление верхней или нижней челюсти), а лечения в тюрьме, да особенно в Николаевке, не было никакого, он написал мне прямо ужасное письмо. Письма нет передо мною, но сущность его никогда не изгладится из памяти. Он писал буквально так: „Если вы, дорогой товарищ, захотите, то сделаете меня свободным. Вам ничего не стоит найти для меня залог. А под залог меня выпустят"...

И вот все в таком духе.

Меня он убил таким письмом. Найти залог было, конечно, очень трудно, тем более, что я крепко сидела. Кроме того для таких, как Артем, уж если нужен был залог, то колоссальной суммы. А, главное, вся сила в том, что его все равно не выпустили бы ни под какой залог. Но письмо было настолько удручающим, что я долгое время не знала, с чего начать свой ответ Артему. Так тяжело было его настроеиие.

Пообещала достать залог, если дадут согласие на это освобождение.

Прошло некоторое время. Артема привезли в Пермскую тюрьму. Он занялся немного лечением, успокоился и очевидно понял, что затея его несбыточна.

Терпеливо ждал суда.

После Николаевки его поместили в старом корпусе, здание которого выходит по направлению к кладбищу. В общей камере он занимался с товарищами, читал рефераты, беседовал.

С 1908 года начался ряд больших политических процессов, по которым много товарищей ушло на поселение в Сибирь. Артем мечтал о поселении, как о лучшем исходе.

Еще раз и в последний раз я встретилась с Артемом, когда его и нас водили перед судом читать следственный материал. Обвиняли Артема...

Обвинения были ничтожны по сравнению с тем, что он сделал. Если бы он не умел скрывать от охранки пути проделанной им работы, не ссылка ждала бы его, а нечто большее.

В 1909 году мне пришлось слышать от товарищей, сидящих с Артемом, что он как бы утратил ясность и логичность мысли:

— Ходит, ходит вокруг какого-нибудь вопроса, а до сути никак не доберется.

Настолько тяжела, настолько ужасна была тюрьма для такой широкой, свободной натуры, каким был Артем, что даже, видимо, отразилась на его мыслительных способностях. В 1909 году после судебного процесса в Перми Артем получил ссылку на поселение. Побывав еще на суде в Харькове, Артем, наконец, оказался в ссылке в Икрутской губернии. Оттуда он бежал осенью 1910 года.

Г. Пермь—1923.

Е. С. Чебынина.

Помощь тюрьме и ссылке.

В октябре 1903 года я была арестована вместе с организацией с.-д. и заключена в центральную тюрьму, откуда после медицинского освидетельствования через два с половиной месяца была освобождена.

Первой задачей по выходе из тюрьмы я поставила себе изыскание средств к установлению связи политической тюрьмы с волей.

Тюрьма нуждалась в денежной помощи, одежде, белье, она хотела читать газеты, хотела получать вести с воли о ходе революционной работы и т. п.

Все это необходимо было дать ей по мере возможности, и я принялась изыскивать нелегальные пути для этого рода передачи; приступила также и к изысканию денежных средств.

Служащие во многих учреждениях, а также рабочие периодически делали сборы среди своей публики, суммы эти передавались мне для заключенных. Все, что удавалось собрать за неделю—вещи, деньги, я уносила в дни передачи в тюрьму. Но помощь эта не носила организованного характера, была лишь случайной, неопределенной.

Так было в 1904 году.

Наступил 1905 год население политической тюрьмы растет. Производятся массовые аресты в городе, Мотовилихе, среди железно-дорожников, все это направляется в Пермский „каменный мешок“.

Помощь требовалась колоссальная и притом самой разнообразной формы. Кроме денег, белья, одежды, жизнь выдвигала иного характера потребности—снабжение литературой, организация защиты предаваемых суду товарищей, приискание квартир для освобожденных или бежавших из тюрьмы; кроме того, требовалась помощь семьям заключенных и высланным в далекие окраины.

Вот в это то время, после переговоров с Пермским комитетом с.-д., организация помощи была возложена на меня.

Денежная помощь.

Сбор денег, носивший вначале случайный характер, принимает уже форму регулярных ежемесячных взносов—все участники становятся как бы членами „организации помощи заключенным".

Во многих учреждениях ж.-д. мастерских, в некоторых цехах Мотовилихинского завода были уполномоченные по сбору денег, были такие сборы и среди учащихся старших классов, среди адвокатов, врачей и т. п.

Нередко удавалось делать отчисления нескольких процентов, правда, довольно скромных, от вечеров, концертов, спектаклей, лоттерей и пр.

Иногда необходимо было произвести сборы ударного характера, вызываемые какими-либо экстренными нуждами, как например: внезапная высылка кого-либо из заключенных в Сибирь, или др. окраину, или нужно кого-либо из освобожденных отправить скорей в центр, или освободить под залог.

В таких случаях я направлялась за денежной ссудой к кому нибудь из знакомых, на которых я вполне надеялась. Случаев отказа не помню. Всегда получала нужную мне сумму или взаимообразно, или, чаще, как безвозвратную ссуду.

Все суммы обычно хранились у меня, причем документы в виде записей, смет и т. п. приходилось тщательно прятать, ибо меня частенько навещала пермская жандармерия.

Распределение средств происходило по указаниям заключенных через родственников или партийных товарищей, передача денег в тюрьму производилась мной непосредственно—я обычно являлась к кому-нибудь на свидание, или же передавала через родственников заключенных.

Передача книг происходила легально.

Помощь платьем, бельем и пр.

Тюрьма была переполнена. Наступило холодное время. Среди заключенных появились заболевания. Нужно было принять все

меры, чтобы снабдить товарищей бельем, одеждой, обувью, в особенности тех, кого ожидала ссылка, или перевод в Николаевку (каторжная тюрьма близ г. Верхотурья Пермской губ.).

Удовлетворить этого рода нужду было, пожалуй, труднее, чем добыть денег.

В большинстве случаев одежда, белье поступало требующими ремонта, нужно было привести их в состояние годности, не затрачивая средств. Тут мне на помощь приходили некоторые семьи и работа шла успешно.

Нужда была велика, надо было подумать об изготовлении новых вещей, и вот, на одном собрании нашей „организации помощи“ было постановлено обратиться к мануфактуристам об отпуске нам материалов со скидкой.

Здесь я не могу обойти молчанием имени владельца крупного мануфактурного магазина П. С. Досманова, который дал нам несколько кусков бесплатно, а позднее, когда он был только пайщиком Т-ва, отпускал с большой скидкой.

Несколько раз от него получалось белье, платье целыми узлами и весьма хорошего качества. Вся мануфактура силами привлеченного женского персонала многих семей быстро превращалась в разные предметы обмундирования, которое распределялось по тюрьмам.

Поступали, как пожертвование, вещи, совершенно не отвечающие потребностям тюрьмы. В таких случаях вещи эти были реализованы путем обращения их в денежные знаки, а такие вещи, как принадлежности женского и детского обихода, передавались нуждающимся семьям заключенных.

Помню, как то осенью 1906 года я со своей сотрудницей по работе Т. Д. Шпыновой привезла к тюрьме в день передачи целый воз белья, верхнего платья и обуви (ожидалась, помнится, массовая отправка и был устроен ударный сбор вещей).

Когда я вызвала старшего надзирателя, вышел Федоров — гроза всей политической тюрьмы, встретивший меня словами:

— Ну, Чебыкина, весь толкучий рынок собрала?

— Ваше дело доложить помошнику,—сказала я ему в ответ и была пропущена с вещами в контору, куда были вызваны старосты камер для приема от меня вещей по списку.

Надо сознаться, что нужда была велика, и помощь в тех размерах, в каких она проявлялась, мне думается, была лишь каплей в море.

Снабжение продуктами питания не носило регулярного постоянного характера. Из средств организации на эту статью не было ассигнований, т. к. находили более целесообразным передавать в тюрьму деньги. Исключением были только случаи, когда требовалось для больных улучшенное питание: тогда доставлялось молоко, яйца, белый хлеб.

Связь тюрьмы с волей.

Каждый, попав в тюрьму, прежде всего хочет получать вести с воли—в виде писем, нелегальной литературы, газет, откуда бы можно было следить за революционной работой и ходом политических событий.

При передаче такого рода приходилось всячески изощряться, изыскивая ловкие безопасные пути.

Письма и даже заграничные издания, как „Искра“, „Социал-демократ“, удавалось ловко пересылать в передаче, до тех пор, разумеется, пока „почтовые ящики“ не бывали обнаружены тюремной администрацией. Но если проваливался один способ, у нас был готов новый. Надо сказать, что некоторые способы переписки не были обнаружены до самого момента падения царской тюрьмы.

В установлении регулярной постоянной связи с тюрьмой нельзя было обойтись без помощи низшего тюремного персонала, труд которого должен был оплачиваться; мне приходилось тратить на это, порой, порядочные суммы. Но поэтому я могла довольно часто высылать и получать из тюрьмы „спешную почту“.

Почта эта каждый раз приносила целый ряд самых разнообразных поручений: доставить письма по адресам, передать

что-нибудь комитету, сделать какие-нибудь покупки, разузнать о чем-нибудь и сообщить в тюрьму и т. д.

Таким образом, поддерживалась, быть может с некоторыми перебоями, связь воли с тюрьмой, и я не помню случаев значительного провала с серьезными последствиями.

Организация защиты.

В период реакции, начиная с тысяча девятьсот шестого года, возникает целый ряд судебных политических процессов. В это время ко мне начали поступать от заключенных товарищей просьбы организовать защиту.

Пришлось завязать связи с адвокатурой.

Первый, к кому я обратилась, был тогда еще новый присяжный поверенный А. А. Насальчук. На первую мою просьбу взять на себя защиту (не помню по какому делу), он горячо отозвался и провел дело успешно. С тех пор я часто обращалась к нему и каждый раз встречала в высшей степени отзывчивое отношение.

В некоторых случаях он входил в переписку со столичной адвокатурой, сюда выезжали Соколов и, кажется, Мандельштам.

Кроме Насальчука из пермской адвокатуры выступали также Вармунд, Наговицын. Само-собой, защищали не получая гонорара, за исключением тех случаев, когда внести его предлагали родственники заключенных.

Приискание квартир.

Некоторым из заключенных товарищей, или за отсутствием улик, или по какой либо счастливой случайности, удавалось вырваться на волю. Среди них часто бывали такие, которые не имели никого в городе, где бы можно было найти приют или хотя бы ночевку.

В таких случаях чаще всего выручали рабочие, предоставляя свои квартиры.

Здесь я не могу умолчать еще об именах д-ра Шрейбера, Л. Д. Вологдиной, М. А. Грибель, предоставлявших свои квартиры.

В особенности часто пользовались квартирой Вологдиной в Разгуляе близ тюрьмы; она предоставляла нам свою квартиру в любой момент, но лишь при условии строгой конспирации, за которую я должна была ручаться.

Эти квартиры у меня считались самыми „чистыми“, а потому были оставлены для „самых солидных жильцов“.

Воскрешая в памяти эти лица, я вспоминаю то чувство благодарности, какое было у меня к ним в те времена, когда они давали приют товарищам, выручая меня из трудного положения.

Невеста на час.

Я уже говорила, что просьбы со стороны заключенных товарищей были самые разнообразные.

Здесь я хочу рассказать, как, однажды, нам удалось провести представителя высшей губернской администрации.

Как-то—не помню к какому периоду это относится—на пароходе, или в поезде проездом в Петроград был в числе других арестован, видимо, один из профессионалов под фамилией Часовникова. „Сел“ он с незначительными уликами, но зато со „значительным“ прошлым. Поэтому требовались экстренные меры к его освобождению.

Такое то вот задание я и получила из тюрьмы.

Приступить к этому было нелегко, т. к. у т. Часовникова в Перми не было никаких родственников, которые могли бы взять его на поруки, или под залог.

Оставалось одно средство—найти невесту.

Один из партийных студентов (Володя Соловский) помог мне в этом; знакомая курсистка согласилась взять роль невесты и, надо сказать, блестящее ее провела.

Получив от меня самую подробную инструкцию, она надела обручальное кольцо и отправилась к губернатору. Там она, видимо, говорила очень убедительно, заявив, что ей и ее жениху необходимо спешить в Петербург*), т. к. сроки экзаменов кон-

---

*) В Ленинград. Ред.

чаются, а тут какая-то нелепая случайность—и ее жених оказался в тюрьме. В результате было получено разрешение на освобождение под залог в триста рублей, сумма по тому времени довольно солидная.

Однако с помощью студента Миши Бернштейна я эту сумму смогла достать у прис. поверен. Вармунда. Залог внесен; имеется распоряжение полицеймейстеру освободить немедленно Часовникова.

Но тут случилось нечто, нами совершенно не предусмотренное, чуть было не провалившее весь наш план.

Полицеймейстер настаивал, чтобы невеста наша поехала в тюрьму вместе с ним освобождать, он строил перспективы радостной встречи, и едва-едва ей удалось под разными предлогами отказаться от этой „радостной встречи“.

Она предпочла ждать жениха на крыльце одного соседнего дома до вечера под дождем с ключем от квартиры, где должен был ночевать освобожденный (мне самой не пришлось присутствовать там).

На следующий день пришли ко мне жених и „невеста на час“, много смеялись и ликовали—что так „ловко провели пермского помпадура“.

Тов. Часовников с первым же отходящим поездом уехал в Петербург*), откуда по телеграфу была выслана им сумма, взятая у Вармунда.

Помощь гауптвахте, ссылке и семьям заключенных.

В 1908 году, когда на гауптвахту была привезена группа солдат, обвинявшихся в принадлежности к военной организации с.-д. (кажется, в числе пяти человек), приходилось часть средств уделять и туда и, вообще, взять на себя заботу о них.

Нашлась одна девица—кажется портниха,—которая, назвавшись двоюродной сестрой одного из заключенных, получила разрешение на свидание с ним. Через нее я передавала туда с‘естные продукты, а вместе с ними книги, брошюры, газеты и письма.

*) В Ленинград. Ред.

Из имеющихся средств выделялось и на долю товарищей, отправлявшихся в ссылку и, правда, небольшие суммы направлялись также и в места ссылки. Ограниченность средств и огромная нужда не давали возможности уделять больше.

Переполнение тюрьмы вынуждало администрацию, которая, быть может, руководилась еще и иными соображениями, производить разгрузку, отправляя часть заключенных в „Пересылку“ и „Николаевку“. Жизнь в этих тюрьмах была несравненно тяжелей, чем в центральной. Но о ней пусть расскажут те товарищи, которые перенесли весь ужас каторжного режима „Николаевки“.

Недаром же этим режимом заключенные в Николаевке были доведены до голодовки, продолжавшейся девять дней; об этой голодовке мной было получено письмо—дневник Миши Туркина, куда он вносил все переживания этих и последующих дней, примешивая туда достаточно юмора.

В заключение я должна сказать, что помощь, оказываемая тюрьме, была далеко не на высоте, в особенности, если учесть ту нужду, которая так остро сказывалась в некоторые периоды. Но наша „организация помощи“ принимала все меры, какие были возможны в то время, чтобы влить в нее побольше средств, завязывая связи с торговым миром через сочувствующих движению и нередко таким путем удавалось собирать солидные суммы.

Я забыла упомянуть еще, что периодически мы собирались у кого-либо из „благонадежного“ элемента для обсуждения разных вопросов—давался отчет в израсходованных суммах, составлялись сметы, намечались пути к изысканию средств и т. д.

Так шла жизнь „организации помощи заключенным“, а жандармам в продолжение целого ряда лет не удалось напасть на ее следы, чтобы раздавить ее.

В. Фролов,

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Уроженец Чермозского завода Соликамского (ныне Усольского) уезда я родился 30-го января 1884 года в семье бедных родителей. Отец плотник имел многочисленное семейство (из 8 членов семья не выходила), был слаб здоровьем, сильно хромал на больную, вечно распухшую ногу и в 1895 году умер от воспаления легких. В семье отец был суров, раздражителен (возможно по причине болезни). Из детей (нас было пять сестер и я) никто, пожалуй, не помнит, что такое отцовская или материнская ласка, так как работа по хозяйству не давала ни времени, ни средств с нами нянчиться. Бедность, тяжелая, суровая бедность по рубищам холщевых рубах, голодному брюху и холоду—слишком известная мне... Это делало меня и без того молчаливым, угрюмым, замкнутым и страшно необщительным. Раннее детство, наконец, миновало. Наступила учеба. Учился в школе хорошо и с большим успехом, кроме закона божия и русского языка, знанием которого не отличаюсь и теперь. Кончил двухклассное училище, поступил учеником в чертежную Чермозского завода, где бедность попрежнему была моим спутником. (Заработок мой был десять коп. в день при одиннадцати с лишним часовом рабочем дне). Каким нравственным пыткам подвергали меня старшие чертежники, в особенности Костя Михалев, за мой рваный и бедный костюм. Я отделывался молчанием. Таково было мое отрочество.

С пятилетнего возраста я пристрастился к церкви, где хоровое пение завладело всем моим существом, и я отдавался весь и уносился ввысь, экзальтировался и с годами становился фанатиком. Таким я оставался до пятнадцати—шестнадцати лет.

В развлечениях—танцах, светской музыке, пении я видел только навождение и проявление сил нечистого, дьявола. Помню

наш заводский театр без окон, старый какой-то амбар, он на меня наводил невольный страх своим мрачным видом, где, мне думалось, люди отдают свою душу чорту и общаются с ним. Но что он творит с этими людьми я ясно не представлял.

На ряду с этим уже в школьном возрасте, убегая от горькой действительности, я отдавался литературе: Григорович, А. Печерский, Аксаков, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой уносили меня в какой-то сказочный недосягаемый, заоблачный мир, о котором можно было только мечтать, но не больше.

Наконец, в 1900 году к нам в чертежную прибывают совершенно необыкновенные люди. Это техники кунгурского технического училища Г. М. Тарасов и И. Г. Кабаков, которые перевернули все мои взгляды, как на людей, на старших, на начальство, так и на отношения их, на религию и т. п.

В них была необычная для нашей среды, для наших условий, смелость и независимость обращения с начальниками, не было стремления подслуживаться, и последний из них—Кабаков имел дерзость осмеивать вслух, в анекдотическом рассказе, сотворение мира, первого человека Адама, Ноя с его ковчегом и т. п. Но самое главное смел заявить, что и бога нет. О... какое это оружие было дано мне тогда! Война... Упорная, настойчивая война, скрытая под оболочкой молчания!

Вот тогда-то началось искание путей, идейного оружия, как бороться, за что бороться, презрение ко всему раболепному, гнусному, лживому, лицемерному.

Такая молчаливая война тянулась в одиночку со всем окружающим миром людей, мыслей пошлых, отношений—два с лишним года.

Наконец, в 1901 году из чертежной, несмотря на мои способности, переводят меня в табельщики строительного цеха (то было понижение) и, наконец, в 1902 году я, как непонятный и опасный враг, совсем уволен из завода.

В постановлении Управления от 10 июня 1902 года значится, что В. Т. Фролов увольняется для пользы службы. Как

для увольняющих, так и для авторов постановления, было неясно, за что же я увольняюсь.

Прошло два месяца безработицы. Поступаю в Пожевской завод к ханже—князю Львову чертежником. Знакомлюсь вскоре с В. А. Волковым, который был идейным руководителем подпольного кружка с.-д.

Здесь я впервые знакомлюсь с М. Горьким, с его „Весенними Мелодиями“, „Буревестником“, „Писателем, который зазнался“ (последнее произведение я больше не встречал нигде), и легальными его произведениями.

Горький окончательно поставил меня по ту сторону старых условностей, традиций старого мира, и вместе с тем я хотел быть чем-то иным, чем все и все окружающее.

Среда служащих, в которой я вращался целых пять лет, угнетала меня, и я захотел бежать из нее.

То было в начале 1903 года. В феврале 1903 года златоустовские рабочие забастовали. Нашли в себе силу и смелость бросить старому миру вызов и заявить право на жизнь, на свободу. За эту попытку дорого заплатили златоустовцы. В том же году вспыхнула забастовка рабочих в Мотовилихе, но неудачно. Руководители и участники были арестованы и административно сосланы. Кто эти забастовщики?—рабочие. Бросаю служащих и иду к рабочим. Прибываю в Мотовилиху, поступаю учеником токаря Филиппа Семова в орудийный цех № 1. Мой учитель до мозга костей черносотенец—монархист. Человек полуобразованный, он с первого раза определил, что я „политикан“ и был со мной ужасно груб. Искомого в среде рабочих я не находил, несмотря на страстное желание вступить в подполку, учиться бороться за новую жизнь. Правда, встретился с неким Еф. Матвеевым, участником забастовки, освобожденным вскоре из тюрьмы, но он предавался пьянству, доходившему до хмельников, и я боялся сближения с ним. Случайно попадали мне Женевские издания о программе рабочей партии, но оправдания этой литературе я не находил. Мне виделось в них только одно требование уве-

личения зарплаты, увеличения материального благополучия и только. Мне этого было мало; да и самое удовлетворение экономических требований возможно ли при том уровне техники, на котором находилась наша промышленность, а увеличение зарплаты не вызовет ли обратного результата, не вызовет ли в такой же пропорции повышения цен на продукты потребления рабочего... Вот вопросы, вставшие перед мной при чтении подобной литературы. Их я отчасти разрешил лишь в 1905 году при помощи книг. „Заработная плата, цена и прибыль“ К. Маркса и „Экономическое учение К. Маркса“ К. Каутского.

Наконец, осенью уезжаю на Сосьвинский завод Богословского Горного Округа на котельные работы разметчиком, на постройку мартэновского здания. Проработал там зиму. Познакомился с участниками подпольного кружка—с Исааком Котельниковым, с К. Бобровым, но активного участия в нем не принимал; да и сам кружок был слишком бездеятелен. Весной 1904 г. прибываю опять в Мотовилиху. Искание подпольных организаций не приводит к желательным результатам и я последним пароходом бросаюсь с товарищем М. Радостевым (который в 1906 году входил в Пермскую организацию с.-д. под кличкой „Кадет“) на юг.

Прибываем в Самару. Я поступаю на работу в механическую мастерскую Дикушина, а мой товарищ—в жестяную мастерскую. Но проработав недолго, едем дальше без денег, без средств; садимся зайцами на пароход Восточного Общества. Но по дороге в одном из темных углов нас открывают и капитан в нерешительности, дать ли нам „шейной мази“, или ссадить на пустынном месте. (Пароход пассажиров не брал, делал последний рейс вниз и без остановки шел до Саратова). Но наш внешний вид показывал, что мы, пожалуй, не жулики, хотя быть может и пьяницы, не воры, а рабочие (одежда в краске, в олифе, в железной окалине), а поэтому ни бить, ни ссаживать не стал, а велел накормить и дать работу на кухне и по чистке палубы. Так и довез до Саратова.

В Саратове распродали кто одеяло, кто подушку, кто рубашку и доехали до Царицына, где и застряли. Я поступаю в кровельную, товарищ—в жестянную. Недели через две за сокращением штата увольняюсь и поступаю в кузнечные ряды молотобойцем в кузницу Федорова. Что такое эксплоатация рабочего, что такое тянуть сок и жилы из рабочего,—я почувствовал только в царицынских кузницах, где пятнадцать—шестнадцать часов каторжного, нечеловеческого труда в день оплачиваются двадцатью—сорока копейками. Ужаснее царицынских условий труда я не мог себе представить. Сто шестьдесят, сто восемьдесят штук подков на одно горно, тогда как у нас на Николаевском заводе, *) при советских условиях, норма выработки на горно установлена в тридцать штук при механическом дутье ..

Бессердечие, нечеловеческая жадность к наживе скупость в надежде разбогатеть, пожалуй нигде так ярко и сильно не выражена, как у царицынского кустаря-хозяйчика, этого маленького паука кровососа, конкурирующего дешовой ценой работы со своим противником соседом.

Проработав месяца полтора, сваливаюсь больной ревматизмом, вследствие чрезмерного истощения и переутомления. Хозяин поспешно выгоняет на улицу, грозя избить. Материальной поддержки товарищ мой оказать мне не в силах, в больницу без денег не принимают, а заработок мой ушел на пищу. Ложись на улицу и умирай .. Ни продать, ни заложить... Куда идти?.. Иду в дом босяков, где квартира бесплатная... Этот притон мелких жуликов, воришек, нищих, бродяг, жалких оборванцев, которые утром выгоняются на улицу и только на ночь впускаются туда—стал моим пристанищем. Вот где я нашел все „смелое, сильное, гордое"... Здесь каждый вечер можно было видеть смотрителя ночлежки, обходящего камеры дома, бывшей тюрьмы, и наводящего порядок. Если кто, случайно, поднимал скандал, страшная нагайка смотрителя высекала из несчастной жертвы кровь на тряпье лохмотьев, и жертва, как собака, воя, летела под нары.

*) В Сибири, в Ново-Николаевске. *Ред.*

Протестов тут быть не могло. Это не тюрьма. И тогда все замирало, водворялся порядок.

Старожилы ночлежки и аристократы—босяки устраивались на нарах, а новички и плебеи на полу под нарами. Вонь, паразиты, грязь. Ужас...

Но вот грянуло 9 января 1905 года. Газеты, разговоры, проклятия, возмущения против бунтовщиков - все смешалось в общем хаосе. Ночлежка не осталась безучастной к событиям. Как шакалы защелкала она. Знаменитость царицынской ночлежки Яшка Харчевский, тип Кувалды из бывших людей Максима Горького, принес газету и прочитал о событиях в Петербурге (Ленинграде) и обращение рабочих к царю. Глухо зашипела и застонала ночлежка, но, пока не высказался Яшка, никто не решался ни осудить, ни оправдать бунтовщиков. Какой-то случайно попавший в ночлежку крестьянин пензяк выругался против бунтовщиков. Яшка чуть не избил его, и это послужило сигналом для всей ночлежки примкнуть к Яшке и выгнать бедного бродягу на улицу.

Яшка за бунт, за революцию - и людская рвань готова пойти за ним в эту минуту на какое угодно преступление.

К тому времени я, нищенствуя (стыдно писать), кой-как поправляюсь здоровьем, набираюсь смелости и ударяюсь на Урал. Взрыв 9-го января не прошел для Урала даром. Спешу туда... зайцем на поезде.

Арестуюсь полицейской частью на предмет отправки этапом на Урал и в марте—в Чермозе. Из Чермоза опять в Мотовилиху,—эту Мекку, старый рабочий центр Прикамья—поступаю на завод и через пять дней бастуем. Но в партии еще не состою, да и, казалось, не было в этом необходимости. Литературы революционной достаточно. Читаю, читаю и читаю без конца. Заработок уходит весь на литературу. Во всем себе отказываю. Митинги об'единяют, организуют, связывают прочитанное, вкладываются новые политические образы. Лихорадочно поглощаю и перевариваю. Майская забастовка оказалась в значительной части неудачной. Вспыхнула вторая, июльская забастовка, кото-

рая организовала массы; и в заключении забастовки — жертва: отец А. Борчанинова был зарублен пьяным казаком на Вышке. Наконец, в сентябре завод закрыли, вследствие возбужденного настроения рабочих.

С приобретенным идейным багажом я и Дмитрий Кисляков едем в Чермозской завод и сами, как рекруты, организуем демонстрацию из рабочих, рекрутов Чермозского, Пожевского и Майкорского заводов, с пением революционных песен, что совпало с 17-ым октября. Масса рабочих Чермозского завода готова была выйти против нас с ломиками, поджигаемая черносотенцами мастерами, если бы мы дошли до ворот завода, от чего мы воздержались. По окончании набора навобранцев выезжаю в Мотовилиху. Завод уже работал. Иду работать в снарядный цех №2. В одном со мной десятке работал Ганька Мясников (по кличке нашей „Гражданин"), который в то время увлекался эс-эрами. После небольших дискуссий он становится на нашу сторону. В декабрьском восстании активного участия я не принимал, „Гражданин" же принимал и был ранен в голову: тогда я подобрал его на улице и свел в заводскую больницу.

Масса арестов терроризовала рабочих и парторганизация была сведена на-нет. В январе 1906 года приезжают в Мотовилиху — Чугурин (Петр) и Савин (Никита) из Сормова и случайно останавливаются на квартире со мной. Марксистская литература обращает их внимание и я подвергаюсь экзамену. Выдерживаю и вскоре приглашаюсь на квартиру Ив. Борисова на лекцию т. Преображенского („Леонида"), собрался кружок высшего типа. Читается утопический и научный социализм. Задает подготовиться к следующему разу и изложить прослушанную лекцию; но этому не суждено было осуществиться. „Петр", „Никита" и впоследствии „Леонид" были арестованы. Чугурин во время ареста был порядочно помят, с ними арестован был и Борисов.

Перед арестом „Леонид" читал в лесу на снегу доклад о предстоящем Стокгольмск. с'езде, куда была назначена делегатом «Ольга» (Клавдия Новгородцева), которую я впервые увидал за деревней

Суханками, за Пермью. Нас, мотовилихинцев и пермяков было человек тридцать—сорок. «Леонид» был нужен на месте, а поэтому на с'езд нами не выставлялся.

Аресты расстроили наши начавшие строиться ряды. Но „Михалыч" быстро и энергично начал связывать и собирать то, что можно было собрать. «Гражданин» был к этому времени уже втянут в активную работу. В начале июня—огромный провал, поглотивший Гражданина, Попова, Степана, Ольгу, Михалыча, Зайчика, типографию и других товарищей, расстроил нашу работу.

Упустил, было, следующее: во время поездки Ольги на 4-ый с'езд в конце апреля, или в начале мая возник вопрос об экспроприации сборщика казенных денег, эту работу взяли на себя товарищи: Меньшиков, Трофимов, Глухих и др. Яшка Вотинов, рабочий Мотовилихи, боевик и участник мотовилихинского восстания 1905 года, был в курсе этого дела, и он не только предал, но, как потом мы были глубоко уверены, и спровоцировал на эту экспроприацию названных товарищей. За эту экспроприацию, на что мною было дано бессознательное согласие, я не могу простить себя и до сих пор, так как люди поймали многолетнюю каторгу.

К моменту арестов упомянутых выше товарищей Мотовилихинская райорганизация, ставшая моим детищем, возросла от ста пятидесяти до двухсот человек. В то время «Валерьян» (Смирнов Дмитрий, мещанин Жиздринского уезда) повел компанию против Михалыча, Ольги, Ерша и других руководителей большевистского течения. Для меня даже и теперь непонятны побуждения, руководившие Валерьяном. Компания повела к чрезвычайно неприятным результатам. Мещанский элемент города принял сторону «Валерьяна», Сашка Попов увлекся тоже, а с ним и значительная часть мотовилихинцев.

Проведенные в комитет большевики бойкотировали комитет. Я же не считал себя в праве бойкотировать его и, будучи проведен, остался в нем. Бойкотом комитета «Ольга», «Ерш» и другие большевики дискредитировали и себя, и других.

Михалыча в это время не было в Перми. Но, вот, комитет, за исключением меня, в полном своем составе возглавляемый Валерьяном, „сел“.

В то время я к крупной самостоятельной работе был еще неспособен. Создать прочную организацию, об'единить Мотовилиху и Пермь был не в силах. Но вот появляется в наших рядах Артем.

Это было в конце июля месяца 1906 г. Явился незаметным, маленьким без помпы.

Я встретил его с недоверием и отчасти недружелюбно. Опасался, что он будет продолжать ту же политику отталкивания масс от большевиков в сторону меньшевиков и будет раздирать организацию фракционными спорами, тогда как вопрос дня, по моему, заключался не в меньшевиках и большевиках, а в развитии политического и экономического сознания. Необходимо было расковать сознание рабочего от пут монархических предрассудков, создать из него политического борца, руководителя, дать ему возможность уяснить политическую обстановку, научить пользоваться знанием политического оружия.

Работа предстояла огромная. Поле деятельности—необ'ятное. Глубина неисчерпаемая.

Для такой то работы и пригодился Артем. Неоценима заслуга его перед рабочими не только Мотовилихи, но и всего Урала.

С появлением Артема распри исчезли. Без треску, скромно, но неутомимо начал Артем подбирать ряды людей. Собрания, кружки, массовки не обходились без Артема.

В то же время освободился тов. Обросов (кажется, „Дядя Рыжий“) и вошел в состав Комитета, а также новые члены со значительной теоретической подготовкой — И. И. Карякин („Петров“) масленщик паровой машины из прессового цеха, и В. И. Петухов скромный, честный, аккуратный работник, служащий ж.-д. О-ва потребителей.

То, что нам требовалось, мы нашли в Артеме. Из нас создал Артем кружок высшего типа и занимался с нами по Бог-

данову. До мельчайших деталей разбирали первые главы. Каждое слово, каждое выражение перелагалось на родной язык, выучивались не только положение, абзац, но и каждое слово и понятие, заключающееся в нем. Причинность возникновения новых форм, их изменений излагалась товарищем Артемом необыкновенно ярко, живо, образно.

Богданов был для нас ключем для понимания современной действительности. В Богданове же был метод, которым мы потом пользовались в своей практической работе.

Между тем интеллигенция начала дезертировать. Кружки низшего типа стали посещаться пропагандистами неаккуратно. Нам, самим рабочим, пришлось проводить занятия в этих кружках. Ежедневно по четыре—пять кружков в разных местах назначались мной; из них два—три посетят городские пропагандисты, а остальные проводил или Артем, или я своими силами.

Мотовилиха была разбита к концу 1906 года на пять подрайонов, возглавляемых Подрайонными Комитетами, связанными с Районным Комитетом. Я был организатором Мотовилихи и райкома (теперь назвали бы секретарем), постоянным членом Пермского Комитета. Всю деловую организационную работу: распределение литературы, организацию кружков, лекций я проводил через подрайкомитеты. Мотовилиха загружалась литературой исключительно моими усилиями, в особенности легальной литературой применительно к лекциям, проводимым в низших и средних кружках. Без литературы наши усилия по части лекций свелись бы к нулю.

Количество членов Мотовилихинской организации достигло к концу 1906 года шестисот человек.

Тогда-то началась славная избирательная кампания, отдавшая в наши руки (социал-демократов) чуть не весь рабочий Урал.

Через посредство своих организаций мы дали всем уполномоченным от заводов, которые должны были с'ехаться в Пермь, адреса в Мотовилихе (где они могли бы остановиться на все

время выборов), которые по благонадежности и по неприкосновенности полиции были благополучны.

Подыскание квартир, где могли бы остановиться и собраться уполномоченные, было дело моих рук. К моменту приезда организованы были бригады для уловления приезжающих уполномоченных, которые предупредительно встречались и препровождались на назначенные квартиры. Там были или Артем или Шпагин, уполномоченный Пермских ж.-д мастерских. Наши Мотовилихинские уполномоченные тоже помогли не мало. Собрать в одной квартире уполномоченных, назначить время, притащить во время Артема или Шпагина, собрать райком, наметить кандидатов, отпечатать на гектографе листки избирательной платформы, двинуть список кандидатов через партийных уполномоченных в среду остальных— это дело было уже не мое.

Кампания избирательная окончена; получены прочные связи с самими широкими рабочими массами. Нужно наметить пути работы, ковать новое политическое миросозерцание. Чтобы пойти дальше, готовимся к V-му с'езду партии. На IV с'езде было два—три делегата с Урала, а к 1907 году мы уже сила в двадцать с небольшим делегатов на V с'езд. А сила имеет право.

Созываем конференцию в марте в Екатеринбурге, где присутствуют рабочие Урала и утверждаются организации. Выясняются силы партии, намечается количество могущих быть посланными делегатов.

Мы в это время не чувствовали, есть ли меньшевики, кто они, мы их просто игнорировали. Меньшевик в наших глазах в то время достоин был только жалости, но видеть в нем какого-то противника мы не могли. Пермь и Мотовилиха благодаря Артему „зажили" меньшевиков незаметно, безболезненно: они изчесли, как весенняя роса при ярком утреннем солнце.

* * *

Эх, товарищ, не знал ты Артема. А благодаря Артему в избирательной кампании в декабре 1906 года мы захватили в свои руки весь рабочий Урал. Мы не гнались за городским мещанством, за такое упущение нас когда-то упрекал Назар. Это была не наша среда, не наша атмосфера. Наша стихия—это рабочий с крепкой руганью, от которой захватывает дух, но с прямой открытой душой; то был готовый мягкий воск, из которого быстро лепился творец новой жизни, нового строя.

Ни Преображенский, этот чудный пропагандист, ни Назар, ни Лядов, прибывший на Урал в 1907 году, не дали нам таких политических образов, формул, ярких слов и мыслей, какие дал Артем в нашей повседневной работе. Многим обязан Артему рабочий Урала, его новый мир слагался посредством наших усилий, благодаря Артему *).

---

*) Отрывок из письма „Зеленого" Фролова. Ред.

А. Н. Ягодникова (в середине).

Смирнов („Валериан").

А. Минов.

Пристав Коссецкий.

Имя пристава Мотовилихинского завода Коссецкого впервые стало известно рабочим этого завода в дни забастовки 1905 г. В то время он был простым околодочным надзирателем, а ранее служил, если не ошибаюсь, в охранном отделении г. Перми. Перед забастовкой начальство командировало его в Мотовилиху для ликвидации подпольных организаций, и в момент забастовки Коссецкий нес охрану завода.

Впервые я увидал его во время собрания рабочих около здания Управления завода, когда решался вопрос о прекращении забастовки. Коссецкий налетел на собрание с ингушами и целой сворой конных полицейских с нагайками в руках и разогнал собрание, арестовав несколько десятков человек, часть из которых оказались впоследствии в тюрьме.

Обстоятельство это взбудоражило рабочих и затянуло забастовку. В организации был решен вопрос о продолжении ее.

Мы, рядовые члены организации, добровольно взяли на себя работу не пускать никого в завод, в особенности штрейкбрехеров, пошедших на льстивые предложения заводского начальства приступить к работе с гарантией первым, приступившим к работе, увеличенного заработка и неприкосновенности.

Карауля с каменьями в руках этих рабочих, тайком пробиравшихся с узелками под мышкой рано по утру к заводским воротам, мы были свидетелями, как под руководством того же Коссецкого организованная им охрана экспортировала каждого

штрейкбрехера под конвоем к заводу, „прошвикиваясь" через проходные ворота.

При этой забастовке, а также и в последующее время обращало на себя внимание то обстоятельство, что производившиеся в связи с забастовкой обыски и аресты рабочих не носили уже характера, как это наблюдалось ранее, беспорядочного метания полицейских по розыску виновных. Они носили вполне организованный характер, выхватывая именно тех, кого следует, и делалось это с полным расчетом на то, что с арестом „закоперщиков" забастовка, а вместе с ней и организация будут ликвидированы.

Во время забастовки и после нее, благодаря шпиковским талантам Коссецкого, Мотовилихинский завод стал представлять из себя сплошную охранку, кишмя кишевшую агентами и провокаторами.

Достигалось это личными особенными способностями Коссецкого, получившего за ликвидацию забастовки чин пристава Мотовилихинского завода. Коссецкий умело вербовал силы из среды малодушных рабочих, где льстивым увещанием и разными посулами, где просто угрозой ареста и высылкой и т. д.

Из числа их впоследствии выработались такие провокаторы—звери, как Бажин, Анферов и масса других хорошо знакомых рабочим и по настоящее время по тем следам и знакам, которые до сих пор еще не зажили на их спинах.

Успешно проводилась Коссецким и ликвидация подпольных организаций. Если проследить число произведенных им арестов и приглядеться к характеру и свойству его работы в этой области, то бесспорно следует заключить, что в лице Коссецкого начальство имело опытного и желательного ликвидатора, как их называли в охранках.

Сами же рабочие в лице Коссецкого имели опасного врага. Мне неоднократно приходилось слышать о нем отзывы самих рабочих, которые называли его „чортом". Мысль убрать этого „чорта" впервые явилась у нас, группы мотовилихинских бое-

виков, в конце августа или начале сентября, и вопрос этот мы внесли на одном из наших собраний. Наша группа была уже немногочисленна—десять—двенадцать человек.

Представитель Пермского Комитета партии покойничек Патлых высказал свое принципиальное отрицательное отношение к нашей затее. На наше заявление, что мы все же его уберем, стал угрожать нам разными карами, вплоть до исключения из партии. Патлых было заявлено, что решение наше будет приведено в исполнение, что он и обещал доложить в Комитет.

В последующие дни я лично беседовал по поводу этого с членами Комитета и каждый из них высказывался лично за это, а принципиально против.

В то время*) у нас уже были первые подозрения относительно провокатора Фомы Лебедева, бывшего в Комитете; это обстоятельство до некоторой степени ставило нас в открытую оппозицию к Комитету, доверявшему ему.

На этом же собрании и в последующих был вопрос и о Фоме, приводивший нас в столкновение с Комитетом.

Первое покушение на Коссецкого должно было быть совершено нами в конце сентября вскоре же после нашего собрания.

Совершить убийство взялись мы трое: Попочкин, Кожин и я. Для этой цели мы трое организовали целую охоту за Коссецким, решив убить его открыто где-либо на улице, или в другом месте, на глазах рабочих.

Вследствие того, что Коссецкий во время был предупрежден о готовящемся на него покушении, или просто по его осторожности, намерение наше не могло быть приведено в исполнение при этой обстановке. Дело выполнения убийства совпало как раз с намерением выполнить то же и со стороны соц.-революционеров, с которыми мы и встретились в театре, предоставив им по их просьбе инициативу акта убийства, выполненную ими неудачно.

Вскоре представился другой такой же случай, также в театре, которым мы и воспользовались.

*) Это происходило в конце второй половины 1906 г. Ред.

Воспользовались происходившим в театре каким-то шумом, поднятым пьяными: в Коссецкого был сделан в упор выстрел в голову из браунинга,* от которого он и умер на другой день.

По оплошности нашей близ театра, в церковной ограде, была оставлена трехдюймовая бомба, положенная нами с тем, чтобы воспользоваться ею во время сбора полиции, в которую мы намерены были запустить бомбу. Но ввиду того, что полиции собралось немного, мысль эту оставили и бомбу решили взять днем. Утром ее заметила какая-то проходившая женщина и вытащила. Произошел взрыв. Женщина взрывом была убита на месте.

Почему произошел взрыв бомбы хорошо мне неизвестно. Клавший ее Кожин впоследствии об'яснял, что запал он клал от бомбы отдельно.

Вот и все, что я могу рассказать об этом случае.

Ив. Берестнев.

Провокатор.

Летом 1907 года, в момент все еще развивающейся черной реакции, на одной из конференций Мотовилихинская организация Р. С.-Д. Р. П.(б) избрала новый комитет, куда вошли Соловьев Н. И. (меньшевик), Орлов И. В.—ныне беспартийный, Захаров Ф., И П. Берестнев и Дмитрий Бажин—„Белый". Бажин после первого организационного заседания Комитета был избран секретарем, председателем Соловьев.

Надо признаться, что я лично, а пожалуй, и мои товарищи по комитету не знали фамилии Бажина, а знали только его кличку „Белый" и то, что он действительно был рабочим орудийного цеха.

И так, новый комитет постепенно начал развивать свою работу вплоть до октября месяца 1907 года. В октябре месяце комитет серьезно приступил к обсуждению вопроса по проведению однодневной стачки протеста в день 17 октября в память второй годовщины, 17 октября 1905 года, (когда пролетариат России силой вырвал у царского правительства манифест некоторых свобод), что бы показать царским опричникам, что, несмотря на весь произвол черной реакции, пролетариат России не потерял веру в завоевание своих попранных прав и не потеряет ее и, наконец, добьется желанных результатов: свержения царя и его правительства, вплоть до свержения капитала.

Но при взвешивании всех обстоятельств Комитет пришел к заключению, что силы Мотовилихинской организации слабы. Приняв во внимание систематический разгром в продолжении двух лет, было постановлено ограничиться отчислением одновременного заработка со всех членов партии и членов профессионального союза (нелегального) и одновременно выпустить подписные листы для всех остальных категорий рабочих. Весь

полученный сбор обратить в фонд помощи пострадавшим от черной реакции после восстания 1905 года и арестованным в последующие годы.

Кампания сбора прошла удачно и могла бы быть еще лучшей, если бы не помешал один печальный случай, происшедший среди нашего комитета. Я, как заведующий всеми финансовыми делами комитета, уже приступил к сбору выпущенных подписных листов и чековых книжек, получил уже порядочную сумму и в это самое время обратил внимание на члена комитета Бажина, который медлил подавать свой подписной лист.

На заседании комитета в электрическом цехе я предупредил „Белого", что он очень долго не сдает свой подписной лист. Он мне заявил, что сейчас при нем подписного листа нет, а если я зайду к нему, „Белому", завтра в орудийный цех в два часа дня, тогда он мне и деньги и подписной листь сдаст, между прочим, сообщил, что у него собрано сорок пять рублей.

На другой день в указанное время я прихожу к станку „Белого", но самого „Белого" у станка нет, а стоит у станка его Хвалынский Василий (потом, кажется, оказался провокатором); поскольку Хвалынского принимали за члена партии, я спрашиваю: „а где „Белый"?—Мне Хвалынский ответил, что „Белый" арестован. Меня такое сообщение покоробило и невольно тут же вырвалось „Странно арестован, не позже не раньше, когда появились на руках партийные деньги". Конечно, я, может быть был не прав, сделав такое замечание, потому что в подпольной жизни было немало арестов с более крупными суммами, чем были на руках у „Белого", но я помню этот день хорошо и кажется не ошибаюсь, что мне мое чутье говорило правильно Я не ошибся и что здесь дело нечисто, а потому сейчас же пошел и предупредил своих товарищей и рассказал обо всем случившемся. Все члены комитета вполне разделяли мое мнение, но решили выждать несколько дней для выявления правильного мнения.

Дня три наш комитет не собирался, и в то же время мы не имели никаких сведений в подтверждение ареста Бажина. Потому решили созвать заседание и обсудить создавшееся положение. Оповестив всех членов Комитета, назначили заседание в машинном отделении электрического цеха у члена комитета—Соловьева. В этот же день член комитета Федор Захаров, идя на заседание комитета, встретил Бажина, вместе с которым и пришел на заседание. При открытии заседания Бажин заявил, что необходимо обсудить вопрос об его аресте.

Комитетом заявление Бажина было принято и Бажин об'яснил свой арест в следующем виде: работая с двух часов дня до десяти часов вечера (в тот день, когда я его предупредил о сдаче подписного листа), он, Бажин, не захотел работать до десяти час. вечера, а проработал только до 6 часов и ушел в театр. Когда вернулся ночью из театра, он якобы заявил своей матери и хозяйке квартиры, что если прийдет полиция с обыском и обнаружит у него подписной лист с партийной печатью, в котором значится сумма 45 руб., она должны заявить, что этот лист он нашел на дороге, идя из театра. Когда поужинал, продолжал Бажин, и лег спать—раздался стук в дверь, то была полиция, пришедшая с обыском.

При обыске действительно нашли подписной лист и сумма денег, указанная в подписном листе, была арестована. После обыска был арестован и сам Бажин, но когда допросили его мать и хозяйку, то жандармерия оказалась будто бы настолько наивной—поверила его рассказу и подтверждению свидетелей и на третий день его освободили, не признав виновным.

После такого рассказа у нас всех появилось полное недоверие к Бажину; сначала мы задали ему несколько вопросов, на которые получили уклончивые ответы, после чего было пущено несколько реплик по адресу Бажина и принято решение, предложить Бажину, если действительно он признан невиновным полицией, представить в Комитет копию протокола обыска, после чего может быть принято какое нибудь решение, как от-

носительно самого Бажина, так и в отношении арестованной суммы.

Бажин с таким решением вопроса вполне согласился и обещал представить копию протокола на другой же день. На другой день, действительно, бумажка была представлена, но только не копия протокола, а как бы в виде сообщения неизвестно кому (без адреса), что действительно при обыске у Бажина обнаружен и арестован подписной лист с суммой денег в 45 рублей. Подписи: пристав и письмоводитель оказались подписаны одной рукой. Эту бумажку передал Бажин Федору Захарову, но сам Бажин на заседание не пришел.

Комитет, обсудив, признал, что бумажка, представленная Бажиным, как удостоверение, фальшивая, а потому решили дать задание боевой дружине (в то время существовала маленькая ячейка), расправиться с Бажиным, как с провокатором. Боевая дружина по три ночи являлась в квартиру Бажина но его в квартире обнаружить не могла.

И так прошло дней пять—сам Бажин явился на свет в Мотовилихе под охраной полиции. Решение Комитета было правильное, но не смогла боевая дружина проследить, где укрывался Бажин...

Вся партийная публика всполошилась, особенно те, кто имел те или иные отношения по партийной работе с Бажиным, стали раз'езжаться и, таким образом, Бажин никого еще не успел посадить. Но наша организация была обессилена работниками и работа стала хиреть, вследствие от'езда некоторых товарищей, с одной стороны, и отошедших на время от работы—с другой.

После такого происшествия в нашей Мотовилихинской организации осталось очень немного товарищей, которые могли бы совершенно безопасно для организации и себя продолжать работу.

Бажин же с мотовилихинским приставом Буровым (расстрелян в Мотовилихе в 1917 году летом) принял тактику такую, что мы, мол, никого не трогаем, напрасно переполошились на са-

мом же деле тактика была такова: была установлена за всеми усиленная негласная слежка.

В начале 1907 года (февраль—март) был прослежен Пермский Городской Комитет (П. К., как тогда мы выражались), были арестованы тов. Петухов В. И., Артем-Сергеев (погиб с электропоездом), тов. Накоряков—„Назар“, Фролов—„Зеленый“ и, наконец, ценный для нас в подполье работник и авторитет, работающий среди нас на заводе тов. Карякин, по кличке „Петров“. Арестовывается в марте м-це. Последний продержан был под арестом три пять дней, был сильно избит, после чего освобожден. Тов. Карякин после его освобождения мне сообщил, что меня усиленно разыскивают и предложил мне бросить пока работу и уехать из Мотовилихи. Не знаю почему, но полиции было кое-что известно из работы нашей небольшой организации. Считаясь с безработицей и не имея ни копейки при себе, я выехать из Мотовилихи не имел никакой возможности.

Тов. Быков Пантелеймон, работая рядом со мной в заводе предложил мне поехать во Владивосток, и обещал дать телеграмму своему дяде, живущему во Владивостоке, который может обоих нас устроить на работу (ему не угрожало в то время ничего). Я дал ему свое согласие и стал принимать меры занять где нибудь денег для выезда; в то же время Быков предложил мне добиться трехмесячного отпуска. Когда с моей стороны все это было проделано, т. е. деньги я нашел и отпуска добился—Быков ставит меня в известность, что пришла телеграмма от его дяди в ответ на запрос—„мест нет“. Что мне после этого оставалось делать я не знал и решил хотя бы избавиться от предстоящего застенка пристава Бурова, его помощника Казьюрова и провокатора Бажина. Чтобы не быть арестованным в Мотовилихе, переехал в Пермь Не прописываясь в полиции поступил на работу в механическую мастерскую Коровина А. А. (э-сэр), который меня знал отлично, как бывшего своего ученика в Мотовилихинском заводе, с которого он был уволен во время реакции

1907 года Коровин принял меня на работу с большим удовольствием, предоставив мне работу по никелированию самоваров. Коровин по моему мнению сразу же взял конспиративную линию и звал меня вместо Ивана „Николаем“, дабы не раскрыть меня перед другими рабочими. После недели работы в мастерской Коровина зашел в мастерскую хорошо знакомый мне товарищ, а точно также и знакомый Коровину (фамилию товарища сейчас припомнить не могу, по некоторым сведениям этот товарищ сейчас работает в Шпагинских мастерских), увидав меня, он спрашивает, зачем я работаю здесь, я ему сообщил все подробно. Ему я доверял, ибо он принимал в нашей организации участие в работе. После моего сообщения товарищ мне заявил, что от чего я ушел с Мотовилихинского завода, к тому же и пришел, т. е. проще сказать, он мне сообщил, что Коровин провокатор. Я настолько этим сообщением был ошеломлен, что положительно не знал, что мне делать только потому, что я, зная, что Коровин партийный товарищ (правда эс-сэр, но во всяком случае в подпольи эс-сэры эсдэков и обратно из-за политических расхождений не садили друг друга) открылся ему, почему я ушел с работы Мотовилихинского завода. Мне же этот товарищ категорически предложил, пока еще меня не посадили, уйти с работы из этой мастерской. На другой день после этой встречи явился в мастерскую околодочный надзиратель, сел за письменный стол Коровина и стал разбирать бумаги из своего портфеля, при этом выбросил в сторону на стол одну из них, после чего Коровин подошел к верстаку, где я работал и вполголоса сообщил мне, чтобы я удалился из мастерской. Я удалился вниз его же мастерской, пробыв там некоторое время и расчитывая, что околодочного уже нет, поднялся вверх, но околодочный был еще в мастерской. Тогда Коровин сделал мне знак, чтобы я ушел из мастерской совсем. Время было обеденное, я под видом этого из мастерской ушел к себе на квартиру. После обеда пришел в мастерскую Коровина, тот стал объяснять, почему он мне предлагал удалиться, следующим образом: когда околодочный

выбросил в сторону бумажку, в которой разыскивался Николай Берестов, зная что меня зовут Николаем, но фамилии не дочитал и предложил мне удалиться (тогда как Коровин отлично знал мое имя и фамилию, а точно также знал, что зовут Николаем моего брата, с которым он был хорошо знаком). После этого случая я понял окончательно, что Коровин видимо меня просто знакомит с агентом охранки, и я решил из его мастерской уйти. Получив расчет, я переехал снова в Мотовилиху и хотел поступить в завод на прежнее место работы, но мастер снарядного цеха № 3 Ильин Павел Иванович, зловреднейший человек для рабочих, меня не допустил до работы, якобы вследствие неоконченного моего отпуска. Знал-ли он чутьем, почему я брал отпуск, или он имел связь с охранкой, я этого твердо сказать не могу, но, по крайней мере, мне он тогда, возвращая мой рабочий номер, говорил так, как будьто-бы он знает, почему я брал отпуск. Таким образом прогуляв остальные два месяца я, наконец, был принят обратно на работу. Это было летом 1908 г. Попутно необходимо отметить, что после моего отпуска и ухода с Мотовилихинского завода весной 1908 года Быков, работающий рядом со мной, исполняя поручения партийных товарищей, был арестован, у него была обнаружена партийная библиотека. Быков просидел три—пять дней, был выпущен, при чем сообщил, что при допросах приставом был незначительно избит.

Проработал я с неделю в Мотовилихинском заводе после трех-месячного отпуска. Мотовилихинской организацией эсдэков большевиков была созвана партконференция, на которой я был избран членом-секретарем Мотовилихинского комитета. Конференция была очень немноголюдна, (до 10 представителей, при норме один представитель избирался на конференцию от 10 членов партии).

Принимая вновь на себя партийную работу, я, конечно, не забыл подбоком живущего провокатора Бажина и инквизитора Бурова и принимал все меры предосторожности в работе и посещениях различных собраний и даже больше, видел, что за мной есть

слежка охранки. Но все это молодого пылкого в работе революционера не останавливало, тем более после того, как из наших рядов вышел провокатор и хотелось доказать малосознательным товарищам, которые при первой возможности указывали на этот факт и говорили: „вот иди к вам в партию и союз, а не успеешь вступить как оказался в тюрьме“. И хотелось доказать, что отдельные провокаторы, будь то идейные или по слабому характеру купленные охранкой, нам не страшны, ибо нашу идею никакими ухищрениями и подкупами отдельных лиц и различных изобретений чисто технического подхода по раскрытию наших подпольных организаций не задушить—правда восторжествует. Мы, чумазые рабочие, если не имели образования и имели очень немного опыта, то наше чутье нас не обманывало.

В таких условиях я начал снова свою работу и продолжал ее до 2 го ноября 1908 года.

В шесть час. веч. второго ноября 1908 г. приходит ко мне на квартиру мой сосед по работе Быков П., посидел очень немного у меня, говорит: „выйди, проводи меня“. Когда я вышел с ним в ограду, то он мне заявил, что при нем ингушский кинжал, а он идет сейчас на технические курсы при министерском училище и кто-нибудь может вместо своего кармана попасть в его карман, кинжал могут обнаружить и арестовать его. Потому он просит согласиться оставить кинжал у меня. Я согласился и предложил ему просто положить его в снег, где мы стояли у ворот, после чего Быков от меня ушел; кинжал же я перепрятал в другое место, после чего и сам ушел проветриться на свежем воздухе.

Прийдя домой часов в 10 вечера, я чувствовал себя нехорошо, наскоро поужинал, лег спать. Не успел уснуть, как слышу сильный стук в сенные двери—точно взломать кто хочет. Мне в голову ударило,—это полиция, и при этом мне сразу пришло на память, что у меня с некоторыми материалами не все благополучно, т. е. в полупальто есть ручка от домашней типографии для набора шрифта, два № газеты „Вперед“, на

шкафу в бумагах чертеж „мимиографа“ и черновики угрожающего письма старшему браковщику Сюзеву Ф. И (ныне убитому). Оглядываясь на окна (с мыслью нельзя ли припрятать) я видел в каждом из них бритую полицейскую рожу, после чего мне, конечно, ничего не оставалось делать, как только идти и отворять двери, или инквизитор Казьюров (пом. пристава Бурова) разобьет дверь. Отворил дверь, на меня были наставлены два нагана с предложением провести к своей постели. Я указал свою постель, которую сейчас же перевернули, обыскав до ниточки. После чего я был посажен под конвой двух ингушей.

Обыск явился во главе с Казьюровым и провокатором Бажиным. Казьюров заявил мне, что по поручению Пермского Жандармского Управления должен произвести у меня обыск. Я предложил найти ему понятых, понятым сделали моего зятя Мусатова Михаила, на что я согласился. Бажин старался мне в глаза не смотреть.—Обыск начался. Обыскали кухню и не нашли, ни газету „Вперед“, ни ручку от типографии; при обнаружении чертежа мимиографа понятой заявил, что это заводский чертеж, и он бы оставлен. Только обнаружили черновик угрожающего письма на имя Сюзева. После окончания обыска в комнате, Бажин выскакивает в кухню и спрашивает: „все обыскали?“ Показывая при этом на висячую одежду, полицейские отвечают: „Все“.—Ничего не нашли?—„Нет“, отвечают те.—„А ну ка я сам обыщу“, и начинает с того злополучного пальто, в котором была ручка от типографии и газета „Вперед“ и, конечно, обнаружил все.

После производства обыска Казьюров говорит: „Сознайся, легче будет и скажи, где у тебя что спрятано“, ведь мы все равно найдем, что у тебя есть“.

Ударило в голову и пролетела мысль, „ а кто предал“, но тут же мелкнула другая мысль, „берет на пушку“ и совершенно спокойно заявил, что у меня больше ничего нет кроме того, что нашли. После этого мне скомандовали одеваться, я оделся и меня два полицейских повели к приставу Бурову.

Явился пред „светлые очи“ главного инквизитора Мотовилихи и Перми (из Перми Жандармское Управление тоже направляло к нему в застенки). Он усадил меня на место против себя за свой письменный стол рядом с дверью, у которой стоял в ожидании распоряжений здоровенный детина, околодочный надзиратель.

Начался допрос с того, что у меня осталось дома необнаруженного при обыске. Я категорически заявил, что у меня дома, кроме того что нашли, ничего нет. Тогда дается знак, и здоровенный кулак околодочного своими позвонками впивается в подглазницы, и так это, если не ошибаюсь, продолжалось с час, после чего приказано мне выйти в другую комнату, называемую полицейской.

Не успел в этой комнате я просидеть и пятнадцати минут, как возвращается обыск во главе с Бажиным, который несет все мои коробочки, заиневевшие от мороза и улыбается во всю свою отвратительную рожу. После чего меня снова вызывают и показывают все, якобы у меня в бане обнаруженное. Допрос сейчас стали производить без околодочного в присутствии Бажина и Казьюрова. Я категорически стал отрицать принадлежность этих вещей мне, мотивируя тем, что они, по их заявлению, найдены в бане, за которую я отвечать не могу, ибо она стоит и в нее может любой человек войти и что—угодно положить, тем более, что она никогда не затворялась. После такого заявления меня стаскивают со стула, насильно раздевают и начинают бить... сначала чем попало: ногами, кулаками, револьверами и, наконец, резиной, так продолжали бить до 5 час. утра. После избиения меня выдержали в арестной Мотовилихи, не помню уже точно, две или полторы недели и отправили в тюрьму.

Процесс по данному делу охранка с‘умела составить из пяти человек: меня, Фролова, Соколова Н. Ф., Колошницина И. (умер), Михайловой Вали. По суду получили: тов. Фролов ссылку на поселение, я и все остальные получили по одному году крепости.

И. Берестнев.

И. Ширинкин.

КАЗНЬ.

Сидел я в тюрьме с 1905 года, отбывая наказание за участие в вооруженном восстании в заводе Мотовилихе. Просидел я уже много времени, когда тюремная администрация задумала использовать нас, как мастеровых в тюремных мастерских. В то время начальником тюрьмы был Высоцкий, которому взбрело на ум водить арестованных в церковь. Но для этого нужно было изолировать нас так, чтобы никто не мог с нами „моргаться“ из приходящей вольной публики. Поэтому Высоцкий задумал сделать железо-бетонные хоры для арестованных. На эту работу он разрешил взять осужденных политических мастеровых. В эту работу попали Полчин, Карякин, Ширинкин, Орлов, Ощепков. Работа продолжалась несколько месяцев. В то время в камере № 5 сидели „Сибиряк,“ „Уралец“, „Сорока“ и кто-то четвертый—кличку забыл. Они были приговорены к смертной казни и срок им истекал двадцать первого мая, т. е. в ночь с двадцать первого на двадцать второе мая, их должны были казнить через повешение. Но роковой день почему то настал для них на два дня раньше, и казнь была произведена в ночь с девятнадцатого на двадцатое мая. Эта ночь прошла у нас в камере замеченной, но мы не знали в чем дело. Утром 20-го мая я работал—сверлил дыры на винтовой железной лестнице, ведущей на хоры в церковь—и работал один, меня отрядили в мастерскую за инструментами, а также и в кузницу. Когда я шел в мастерскую, то заметил, что асфальтовый пол в коридоре моют арестованные.

Вдруг я увидел кровь...

Спрашиваю:

—Чья это, ребята, кровь, которую вы замываете?

Ответ был прост:

—Нет уж товарищей, сидевших в камере № 5, их уничтожили слуги самодержавия, верные псы капитала.

Содрогнулось все во мне. Но нужно было узнать, как эта казнь произошла, и почему так много крови? По всем панелям — от каменного корпуса полуроток к конторе, и сзади каменного корпуса до бани, и от бани к цейхгаузу, и в самом цейхгаузе на деревянном полу—все кровь товарищей из камеры № 5. Прихожу в мастерскую, мне передают матросы (в то время сидели в полуротке около трехсот человек матросов Балтийского флота, приговоренных за вооруженное восстание в Свеаборге на разные сроки), что сегодня ночью в камере № 5 казнили товарищей. Так как принимали участие надзиратели, то надо кого-нибудь из них подкупить, чтобы узнать подробности казни. В то же время один матрос передает записку, найденную в тужурке Сибиряка и адресованную на имя его сестры; записка была передана по адресу в первое же свидание.

Я обошел все панели, дошел до кузницы, где работал тов. Орлов—молотобоец. Ему уже удалось узнать от надзирателя, который находился с ними в кузнице (за шкалик спирту) все, что происходило в эту кошмарную ночь.

Этот самый надзиратель принимал участие в казни—копал могилу и зарывал товарищей из камеры № 5. Повидимому, было слишком много приготовлений к уничтожению их, так как вся администрация тюрьмы боялась „этих революционеров".

Вот что он рассказал.

Вечером 19 мая—после девятичасовой поверки—всех надзирателей задержали. Их известили втихомолку, что сегодня ночью необходимо казнить четырех человек, находящихся в камере № 5. Начальник тюрьмы Высоцкий в то время куда-то выезжал из г. Перми, заменять же его остался помощник его Смирнов, которому и нужно было приводить приговор в исполнение.

У камеры № 5 стоял отдельный часовой, надзиратель—старик, фамилии не помню. Он все время наблюдал за волчком, что делают в камере № 5, все время снаружи тоже был часовой, который также все время наблюдал за окном камеры № 5.

Часов в двенадцать ночи прибыл наряд полицейских и, кроме того, отряд ингушей для совершения казни. Все было приготовлено—поп, прокурор, саваны и виселицы. Теперь уже нужно было приступать к камере, брать приговоренных и вести на эшафот... Вся бригада палачей пошла к камере № 5 У всех „пять да шесть“, но нужно было выполнять приказ... Начальник тюрьмы Смирнов приказал часовому старику—надзирателю отворить камеру.

Отворили... Смирнов стал входить в камеру, чтобы об‘явить заключенным, что сегодня над ними приведут приговор в исполнение.

Да не так-то легко пришлось ему это сказать.

Как только застучал замок первым пробудился „Сибиряк“. Ручные кандалы у него были сняты. Он сразу понял в чем дело... У него лежал мешок с сахаром, в нем было фунтов десять, Сибиряк схватил мешок и этим сахаром ударил первого входящего - Смирнова, вывернул ему большой палец на руке. В это время соскочили с коек все остальные товарищи и стали защищаться от палачей. Старший надзиратель Комаров дал из-за спины Смирнова два выстрела... Одна пуля попала в живот Сибиряку, другая в голову... Ингуши изрубили „Уральца“... Других товарищей ранили выстрелами или шашками. Над убитыми искалеченными стали приводить приговор... Потащили на эшафот в цейхгауз всех четырех. На всех надели петли, даже на мертвых... Они не верили, что они мертвы. Самое мучительное показалось надзирателям, что нужно было надевать петлю на шею т. Александрову („Уральцу“), шея которого была перерублена и кровь хлестала с страшной силой. Но по команде все было сделано... Казнь была совершена.

Теперь нужно было вести на кладбище хоронить трупы, там уже были готовы могилы. Похоронная процессия была сформирована тоже по команде. Отряд полиции и надзирателей был готов. Две тюремные лошади были запряжены, и на каждой повозке лежало по два трупа казненных. Похоронная процессия

двинулась к кладбищу. Но не суждено было ей дойти до места, где были выкопаны могилы. Приехали в Слободку, там вдруг раздались выстрелы, один, затем другой, третий... эти выстрелы заставили вампиров призадуматься, не Лбов-ли со своей шайкой лесных братьев идет отбирать у них эти трупы „казненных?“ Волосы у них поднялись „шишом“. Трепеща за свою жизнь, надзиратели и полицейские от страха не могли двинуться к месту выкопанных могил и постепенно воротились обратно в тюрьму со своими жертвами. Но заря уже просыпалась Начинало светать, и трупы казненных надо было куда то девать. Держать день на поверхности нельзя—нужно во что бы то ни стало спрятать их в землю.

Много гадала администрация и нашла новое место для трупов, только нужно было рыть могилу.—Решили похоронить во дворе тюремных квартир надзирателей и администрации, где жили свиньи, т. е. под свинарником. Надзиратели выворотили пол свинарника, вырыли яму, но не очень глубокую, потому что уж светало,—время у них бежало быстро. „Встанет народ и узнают, тогда не покажись никуда“.—Все усилия употребили они, чтобы из „вольных“ никто не видел. Сбросили трупы в яму, залили известью и заровняли *).

За это надзиратели, принимавшие участие в казни четырех товарищей, получили по три рубля награды, а старику часовому, который охранял волчок, дали, кроме трех рублей, неделю отпуска за усердную службу.

---

*) Все эти товарищи лежали под свинарником до тысяча девятьсот восемнадцатого года. В 1918 году были вырыты, перенесены в Мотовилиху и там похоронены в братской могиле на Вышке, где сейчас находится памятник борцам за свободу *Авт.*

Н. Аникин.

В горниле.

По окончании Пермских педагогических курсов осенью тысяча девятьсот четвертого года меня назначили учителем в Чусовскую заводскую школу. Это было в разгар русско-японской войны; мне было восемнадцать лет, и я был полон патриотического угара.

Меня взял к себе на квартиру зав. школой И. И. Липин, впоследствии сидевший в Пермской тюрьме. На этой квартире жили также молодые рабочие слесаря. Никакой видимой противоправительственной организации в Чусовском заводе тогда не было, однако в воздухе носились „зловредные идеи", наступала, так называемая, „весна" либерализма.

Совершенно незаметно для себя постепенно я терял свое патриотическое настроение. В переработке моего мировоззрения играли роль не только разговоры со знакомыми рабочими, но и такая литература, как сборник Ачкасова „Повеяло весной", сборник революционных песен, рассказы Гусева Оренбургского и проч.

Необходимо отметить также и то, что, кажется, в конце 1904 года я познакомился с только что вышедшим из тюрьмы Владимиром Якубовым, впоследствии известным пермским товарищам меньшевиком. В. Якубов до тюрьмы учился в Пермской гимназии, а отец его служил машинистом на ст. Чусовой. С ним мы познакомились как-то быстро и просто. Знакомство это в те времена было опасно, и я помню втайне гордился им. Однако и тогда основательной обработке я не подвергался и не видел революционной литературы за исключением нескольких номеров „Искры".

Зато вначале 1905 года, я подвергался обработке с другой стороны, со стороны охранки.

В то время в жел.-дор. школе учительствовал некий Кузнецов, большой патриот. Он был немного меня старше, и мы с ним дружили. И вдруг через него я получил предложение „сотрудничать"... Расчет был основан на том, что я получал всего двадцать рублей жалованья в месяц и потому нуждался. Обещалось, конечно, хорошее вознаграждение за легкий труд—сообщать все то, что я узнаю от своих друзей, рабочих, Якубова, Липина и др. Сообщать я должен был Кузнецову, а он уже передавал бы одному станционному жандарму.

Я „сотрудничать" отказался, сказал, что это называется провокацией. Я тогда, нужно сознаться, был весьма мало политически развит, однако на мое счастье, как раз в это время, прочел чью то яркую статью о провокации, о всей мерзости этого метода политической борьбы. Однако меня в покое не оставили. Кузнецов неизменно чуть не ежедневно возвращался к этому предложению, несмотря на мои отказы. В одну из моих прогулок по станции ко мне подошел упомянутый жандарм, попросил позволения переговорить со мной по делу, отвел меня в сторону и лично повторил предложение стать „сотрудником", угрожая, в противном случае, арестом. На мои указания, что меня арестовать не за что, он ответил.

— Ничего не значит. Достаточно вашего знакомства с Якубовым.

Тогда я, не желая навлекать на себя явное подозрение, решил вступить на путь оттяжек, говоря, что подумаю и проч. Так тянулось, вероятно, с месяц. Однажды вечером, кажется на спектакле в школе, ко мне кто-то наклонился и шепнул.

— Пойдемте, мне нужно с вами переговорить.

Я не сразу узнал в штатском костюме назойливого жандарма. Когда же сообразил, кто меня зовет и зачем, резко ответил:

— Не о чем с вами говорить. Я не согласен.

В ответ я только услышал:

— Вот как, ну хорошо!

Этим и кончилось. Я ожидал какого либо сюрприза, но так ничего и не было.

Весной 1905 года я уехал к отцу в г. Красноуфимск, откуда ездил в Тишевский завод на сенокос с моим родственником. Этот глухой уголок я тогда совершенно взбаламутил, разбрасывая по ночам привезенные из города прокламации, подверг себя, всех родных, начиная с дедушки и знакомых допросам станового пристава, но уехал благополучно обратно.

Осенью я возвратился в Чусовской завод. Вскоре разразилась всеобщая железнодорожная забастовка, а затем наступили „дни свобод“. Я поехал в Пермь. Побывал на первых митингах в доме Мешкова, где выступали эсдеки Владимирский, Трапезников, эсеры Ягодников и др.

У нас в Чусовой шли митинги в нашей школе. Ораторствовали В. Якубов и Николаев, служивший пом. лесничего в заводе. Работа была чисто агитационного характера, организационной работы не было.

Наконец, уже в ноябре 1905 г. в Чусовую приехал „Христофорыч“ (А. Х. Митрофанов). Он нас всех собрал, кажется на квартире Николаева, и положил начало Чусовской группе Пермской организации РСДРП. На этом первом собрании участвовало более десяти человек. В руководящее ядро были намечены подачей записок: Николаев, Якубов, я и еще двое—из рабочих.

Кроме агитационной работы, мы занялись организацией стачечной кассы, где я был секретарем. Тогда же я научился пользоваться гектографом, с помощью которого мы вели печатную агитацию.

Ноябрь близился к концу, намечалась вторая железно-дорожная забастовка. Влияние нашей группы распространялось почти исключительно на завод, не затрагивая еще железнодорожных рабочих и служащих. Поэтому, когда выяснилось, что забастовка в центре уже об'явлена, нашей задачей было остановить движение на Чусовском участке. На заседании группы был принят следующий план: поднять заводскую массу, двинуть ее в определенное время на станцию железной дороги, устроить общий

митинг и предложить железнодорожникам об'явить забастовку, а если потребуется заставить железнодорожников забастовать, даже снимая их с работы.

Первая половина этого плана удалась и значительная часть рабочих двинулась на станцию. Когда заводские рабочие подходили к станции, их встретили жандармы и предложили разойтись. Требование исполнено не было, и произошло столкновение между рабочими и жандармами. Были произведены выстрелы с обоих сторон. Пострадавших со стороны рабочих, помнится, не было; слегка были ренены два жандарма. Рабочие разбежались, забастовка не удалась.

Не помню, почему я в этом хождении на станцию не участвовал и потому деталей дела не помню. Это было в средине декабря.

Надвигалась реакция. В начале января 1906 года приехали из Перми жандармы и арестовали группу рабочих, участвовавших в хождении на станцию. Им было пред'явлено обвинение в вооруженном сопротивлении властям. Якубов и Николаев были арестованы в Перми.

В конце января я был по своим личным делам в Перми. На улице меня встретил инспектор народных училищ Сироткин, он спросил, почему я бросил школу, т. е. выехал без разрешения, а также между прочим спросил, не подписывал ли я учительскую петицию с требованием убрать с поста его, Сироткина.

Нужно заметить, что в мае 1905 года в Перми был учительский с'езд, состоялась демонстрация, разогнанная полицией и была составлена петиция с разными требованиями, начиная с учредительного собрания и кончая требованием, убрать Сироткина. Я тогда в Перми не был, петицию подписал позже, но об этом совершенно забыл. Сироткин мне сказал, что на петиции имеется подпись Аникина, а другого учителя с такой фамилией он не знает. Пришлось вспомнить и сознаться.

Когда я на другой день приехал в Чусовую и пришел в школу, там уже сидел, приехавший раньше меня для ревизии

черносотенец—учитель городского училища и мой бывший преподаватель П. П. Грузинцев. К урокам моим он придраться не мог, но нашел целый ряд упущений: ученье начинается без молитвы (которая в нашей школе была отменена), в столе у меня, в классе, лежат революционные брошюры, не преподается „закон божий" и проч. Я понял, что с учительством придется кончить.

Вечером 31 января я пришел на станцию к пассажирскому поезду. При входе в вагон я увидел жандармского ротмистра. Почему-то мне сразу показалось, что его приезд имеет ко мне отношение. Я тотчас вышел на перрон. В этот момент ко мне подошел какой-то рабочий и сказал, что ротмистр в разговоре с жандармом упомянул мою фамилию. Я бросился в поезд, пошел в уборную и разорвал все бумажки, которые могли меня скомпрометировать. Пошел домой.

Дома я также „почистился", собрал все монатки и переехал в дом, где жили учительницы, под более благонадежную кровлю. Очевидно, я тогда действовал по наивности, как страус. Спал недолго. Пробуждение было не из приятных—под звуки шпор и возгласов „вставайте". Одеться не дали, пока не обыскали. Это был первый обыск у меня и первый мой арест. Ощущение всем старым партийцам известное.

При обыске у меня взяли кучу брошюр, проэкт устава стачечной кассы (в набросках) и список учредителей кассы. Меня увели в камеру станового пристава, а на утро повезли в Пермь. Тем же поездом возвращался и ротмистр. На вокзале я у него спросил, за что меня арестовали. Он ответил, что хотя ничего особенного не нашли у меня, но меня нужно из'ять для спокойствия завода.

Так как меня привезли из уезда, то сначала меня отправили в управление уездного исправника. Там, в каталажке, для меня освободили одну камеру, где мне и пришлось сидеть неделю, т. к. обе тюрьмы были полны.

Затем меня перевели в, так называемые, „полуротки" (тюрьма за городом), где сидел недели две, а потом в губернскую тюрьму в камеру № 7 старого корпуса.

В это время сидеть в Пермской тюрьме было хорошо, свобода была большая. Двери камер от поверки до поверки весь день были открыты, книг много, и приношения с „воли" текли в большом количестве.

Тогда в тюрьме сидело много случайных революционеров, либеральных лекторов, адвокатов и проч. Чусовские рабочие сидели в „полуротках"; здесь я встретил Якубова. Но наше мирное житье кончилось вместе с весьма удачным побегом семи товарищей из камеры № 4. В эту камеру подбирались желавшие убежать. Я знал о предполагаемом побеге и отдал свою шубу Якубову, который ходил в форменной гимназической шинели. Мне бежать смысла не было. Об этом побеге, я полагаю, расскажут участники его более подробно.

На другой день нас обыскали всех и наши вольности отобрали.

В начале мая меня вызвал в контору тюрьмы жандармский полковник фон-Оглио, угостил папироской, очень любезно допросил, раз'яснил мне, что всему виной „жиды", а что мы, глупые юнцы, попали на удочку „жидам". Кажется, на другой день меня освободили.

Просидел я всего три месяца (ст. 21 уг. ул.).

Это кратковременное сидение дало мне возможность осмыслить многое, чего я раньше не понимал; здесь я впервые начал знакомиться с марксизмом, читая с упоением Плеханова, Каутского и др.

Через несколько дней по выходе из тюрьмы я встретился с И. И. Обориным, сидевшим в одной камере со мной. С ним я попал к „тетке Лизе" (Е. С. Чебыкиной). Тут же помниться пришел окружной организатор Пермского комитета тов. „Савва" (Немчинов). Так как мне нужно было ехать в Чусовую за своими вещами, то он предложил мне организовать в Чусовой кружки по цехам. Я согласился и поехал.

Из учительской корпорации меня, понятно, исключили с момента моего ареста. Средств, конечно, не дали, поэтому мне

первое время пришлось жить у служащего в заводской конторе Ермакова, который тогда сочувствовал революционному движению и даже пытался быть пропагандистом, но неудачно. У меня были связи с рабочими, и я создал два или три кружка Собрания происходили в лесу, где я пропагандировал рабочих, излагая учение Маркса по Эрфуртской программе Каутского. Раза два были общие собрания членов кружков, на которых собиралось больше двадцати человек. У эсеров также была своя организация, но более слабая, и один раз у нас было общее собрание, куда те и другие пришли с красными флагами. Состоялась маленькая дискуссия. Эсерами руководил бывший реалист И. Ерошкин.

У меня имелся гектограф, и я сам писал и печатал прокламации от имени Чусовской группы Пермского комитета РСДРП. Работать приходилось совершенно самостоятельно. Чтобы освободить Ермакова от обузы содержать меня, а также от страха ареста из-за меня, я устроился учителем детей заводского подрядчика Филипповича, либерального буржуа, который мне дал квартиру и стол.

По поручению тов. Саввы я должен был побывать и на других заводах, напр., в Лысьвенском заводе, где провел собрание рабочих, потом в Пашийском и Бисерском заводах.

Чтобы представить условия работы того времени на заводах, необходимо рассказать о своей поездке.

Тов. Савва, предполагая поехать в Пашию, дал мне „явку" к дьякону этого завода. Когда я не хотел верить, что дьякон состоит в организации, он сообщил мне, что тов. „Валерьян" (Смирнов) был в Пашийском заводе и договорился с дьяконом, который и обещался создать кружок. Теперь работу кружка нужно проверить. Пришлось согласиться. От станции до завода нужно было идти пешком десять или двенадцать верст. Когда я пришел к „отцу" дьякону, он выбежал ко мне в сени и взволнованным голосом спросил, не от товарища ли я Валерьяна. Я подтвердил это и просил собрать рабочих. Тогда он, волнуясь и запинаясь, сообщил мне, что никакого кружка нет, что в за-

воде и думать нечего что-либо сделать, что т. Валерьян был у него всего несколько часов, однако, его, дьякона, таскали в полицию и угрожали арестом. Дьякон уверял меня, что, если я останусь у него хотя бы на несколько минут,—меня обязательно заберут, что за ним следят и меня, как нового человека, в заводе уже, конечно, заметили и проч. и проч. Я тогда просил его направить меня к кому-нибудь, но дьякон отказался, даже побоялся оставить напиться чаю и только дал мне несколько штук яиц и кусок хлеба. Не солоно хлебавши, удрученный я прошел обратно двенадцать верст до станции, развел в кустах костер и тут заночевал. Потом оказалось, что т. „Валерьян" познакомился с дьяконом в поезде. Дьякон был „навеселе", привез к себе „Валерьяна", обещал ему соорганизовать рабочих, а потом сам же испугался.

Приехал на ст. Бисер. Отсюда семь верст до завода лесом. Стоят лошади. Спросил—чьи. Оказалось, что заводские, пришли за лесничим Я попросил лесничего меня подвести. Дорогой сообщил, что еду повидаться со знакомыми. Пришел на „явку". Встретили хорошо, начали говорить о собрании, хотели чаем угощать. Вдруг прибегает один товарищ и сообщает, что имеется телеграмма—кого-то разыскивают. Завод маленький, появление нового человека всем заметно, обязательно придет полиция проверить документы. Опять пришлось мне срочно убираться в лес. В лесу я просидел до вечера Туда мне принесли поесть, а вечером собрались десятка два рабочих, с которыми я и провел беседу.

Возвращаюсь к Чусовскому заводу.

В то время (летом 1906 года) в Чусовой для охраны завода стояла рота Псковского полка. В июле чусовские эсеры получили из Перми прокламации специально для воинских частей. Связи с солдатами-псковичами у них не было. Они попросили моего содействия в распространении этих прокламаций. С эсерами мы тогда хотя и спорили и ссорились, но работали в одном направлении против самодержавия. Поэтому я обещал им помочь. К ним

я послал молодого товарища Протасова, который был знаком с некоторыми солдатами, и обещал распространить прокламации.

Ровно через неделю после этого утра, на заре я услыхал у двери своей квартиры „мелодичный звон шпор“. Этот звон заставил меня мгновенно вскочить на ноги. Я схватил гектограф и выбросил его в окно. В дверь уже стучали.

Опять жандармы из Перми и обыск.

При обыске, кроме литературы, нашли негатив прокламации, писанный моей рукой. Большое удовольствие доставило жандармам, когда принесли мой гектограф. Дом был оцеплен полицейскими, которые и нашли выброшенный мной гектограф или „мастику“, как называли его жандармы.

Повезли меня в Пермь и доставили прямо в жандармское управление. Было три часа дня, занятия кончились. Ко мне выбежал сам начальник отделения полковник Бойков, сообщил, что мне придется подождать, так как допрос можно сделать только через час, по приезде товарища прокурора Орловского, которому он уже позвонил, и тут же любезно осведомился, не голоден-ли я. Я ему сказал, что не особенно голоден, но полковник воскликнул:

—Помилуйте, зачем же стесняться: может быть мы вас долго продержим, я сейчас распоряжусь.

Вскоре в канцелярию, где я сидел, принесли самовар, хлеб и масло. Я взял со стола казенную газету „Россия“ и расположился в жандармской канцелярии с некоторым комфортом. Затем приехал тов. прокурора Орловский и начался допрос. Когда я, по обычаю, отказался от показаний, мне сообщили, что Протасов арестован и выдал меня. Тут только я узнал причину моего ареста. Все же я отвечать отказался, чем очень остались недовольны Бойков и Орловский, доказывавшие мне, что мне выгоднее отвечать на вопросы Меня увезли в губернскую тюрьму.

Очевидно потому, что арестовали меня в связи с распространением прокламации партии СР, а при обыске у меня нашли гектограф и оттиски прокламаций Чусовской группы С.-Д., обви-

нения в принадлежности к партии мне не пред'явили, так как не знали, к какой партии меня причислить. Обвинение было пред'явлено по ст. ст. 129, 130 и, кажется, 131 или 134.

Это сидение в тюрьме еще больше дало мне возможность пополнить свой умственный багаж. Между прочим, кто-то в шутку меня прозвал профессором, потом некоторые товарищи стали называть приват-доцентом, а потом просто для краткости все звали „Приватом". С этой кличкой я вышел из тюрьмы. Почему меня прозвали приват-доцентом, точно не помню, кажется, за мое тогдашнее увлечение философией.

Осенью 1906 года в Перми были произведены большие аресты, как эсдеков, так и эсеров. Потому ли, что стало тесно в тюрьме, или по другим причинам, но отобрали значительную партию политических заключенных, посадили в поезд и отправили в Николаевские арестантские роты (около Н.-Туринского завода). Мы были первыми политическими, появившимися в этой тюрьме (переделанной в тюрьму из бывшего завода). Не помню, перевозился ли в Николаевку „Леонид" (т. Преображенский), сидевший тогда в Перми, но покойный Яков Мих. Свердлов был с нами. Почти все „политики" были размещены в громадных общих камерах. Одиночек, как и в Перми, было мало. Я попал в одиночку, причем рядом в камере сидел Яков Михайлович, усердно занимавшийся чтением.

В 1907 г. в Николаевке происходили ужасные избиения политических, особенно по виду рабочих и, особенно, мотовилихинцев. Избиением руководил помощник начальника тюрьмы Калачев, прозванный палачем и в том же году убитый в Перми эсером (фамилии не помню). Когда же мы сидели, в конце 1906 г., режим был строгий, но избиений еще не было. В начале декабря меня перевезли в Пермь на суд.

Судила выездная сессия Казанской Судебной Палаты. Председательствовал Кривцев, впоследствии сенатор. Казенный защитник что-то мямлил про мою молодость, но я испортил его защиту, заявив в последнем слове, что от приписываемых мне обвинений

я не отпираюсь, но виновным себя не признаю, так как делал это (агитация в войсках) в интересах народа.

Меня приговорили к двум годам крепости, но ввиду несовершеннолетия, скостили половину; оставили один год крепости и об'явили, что до утверждения приговора могут освободить под залог в сто рублей. На другой день за меня внесла залог моя старая знакомая, у которой я жил, когда учился в Перми на курсах, М. М. Егорова, впоследствии также неоднократно сидевшая в тюрьме.

По выходе из тюрьмы у меня было намерение поехать в Красноуфимск к родителям, которые были чрезвычайно расстроены тем, что их сын таскается по тюрьмам и требовали моего приезда. Но в комитете мне заявили, что время горячее, подготовка к выборам во вторую Думу, домой с'ездить можно позднее, а пока предложили ехать в Екатеринбург на с'езд окружных организаторов. Переговоры со мной вела, выдавала деньги, явки и пр. Валя Танова.

В Екатеринбурге я был недолго, дня два или три, и получил предложение поехать в Верхотурье и Надеждинский завод. В Верхотурье нашей организации не было, в этом городишке мещан, кормившихся от „Семеона Верхотурского“, революционной организации и быть тогда не могло. Здесь мне удалось проскользнуть на предвыборное собрание в сарай, называвшийся театром, и выступить с речью. На этом собрании вопрос ставился не в той плоскости, от какой партии выбирать выборщиков на губернский с'езд а от каких заводов послать выборщиков. Когда я в своем слове пытался развить мысль, что не важно от какой местности поедет депутат, а важно то, будет ли он в Думе защищать интересы рабочих или буржуазии, и что нужно посылать членов такой-то партии—мне не дали договорить, закричали и мне пришлось стушеваться. Кстати было некого рекомендовать в депутаты от нашей партии.

Поехал в Надеждинский завод. Оказалось, что здесь выборы уже прошли и избраны социал-демократы, между прочим, тов. Чащин, впоследствии член второй Думы. Некоторые выборщики были арестованы и в момент моего приезда решался вопрос о забастовке-протесте.

Стачка прошла дружно, огромная толпа рабочих подошла к помещению полиции, где была выработана резолюция с просьбой освободить арестованных. Мне только пришлось воспользоваться спиной одного рабочего, бывшего в моем кружке еще в Чусовой, и предложить редактировать резолюцию более резко, т. е. не просить, а требовать, что и было сразу принято. Демонстрация увенчалась успехом, требование было удовлетворено.

По возвращении в Екатеринбург, я был направлен в Н.-Сергинский и Михайловский заводы, где приходилось лишь инструктировать наши организации, кстати сказать, довольно малочисленные. В Екатеринбурге меня никто не знал, за исключением „Бины“ (по Перми, или „Лизы“ по Екатеринбургу; впоследствии В. Н. Лобовой), которая меня знала еще по Пермской тюрьме в 1906 году. Предвыборная кампания во 2-ю Думу кончилась, наступила кампания по выборам на V с'езд партии (Лондонский). Я попросился в Пермь и меня отпустили.

В Пермь приехал я в конце января 1907 года вечером и сразу направися на явочную квартиру, которая была у Марии Загуменных. Там находился специально командированный из Ц. К. партии товарищ (как мне потом говорили т. Лядов), который сделал мне предложение: раз мне нужно ехать в Красноуфимск, поехать на заводы Нязе-Петровский, Михайловский и Сергинский, об'единить организации этих заводов, создать об'единенную организацию числом не меньше трехсот членов и провести от нее делегата на партийный с'езд, обязательно большевика. Свое предложение он закончил даже несколько по-библейски торжественно:

— Идите, товарищи, и поставляйте большевиков на с'езд.

На другое утро, (тогда железной дороги на Кунгур еще не было) на базаре я нашел мужика-попутчика и привел его во двор М. М. Загуменных, у которой останавливался, а сам пошел еще что-то взять. Недалеко от Окружного Суда меня остановили полицейские и предложили мне следовать в участок для выяснения личности. Дорогой в участок я успел кое-какие записки и паспорт-фальшивку выбросить, но не мог уничтожить далеко запрятанное удостоверение, что я окружной организатор Пермского комитета Р. С.-Д. Р. П. тов. „Приват".

Первый допрос с меня снимал помощ. пристава Епишин, страшно трусливый, недопускавший меня к себе во время допроса ближе чем на десять шагов (Впоследствии он был убит максималистом „Демоном" во время осады дома Кутузова). Меня посадили в отдельную камеру при полицейской кутузке. Арест в этот раз меня сильно расстроил, главным образом, потому, что я сознавал, что „сел крепко".

Я решил бежать при первом удобном случае. Случай этот скоро представился. Выпущенный во двор „по делу", я улучил момент, когда сопровождавший меня городовой также занялся своим „делом"—и побежал. Побег бы удался, так как городовой ничего не видел, но, к моему несчастью, только что перед этим из охранного отделения телефонировали в участок, чтобы за мной усилили надзор, как за весьма важным преступником. Поэтому во время моего выхода во двор за мной следили из окон караульной другие полицейские. Когда я уже выбежал на улицу, за мной бежали двое полицейских и кричали: „держи"... Я бросился на рынок и свернул налево в мясные ряды. Но, оказалось, попал из огня да в полымя. Мясники меня поймали и, не разобравши в чем дело, начали бить, приговаривая: „не-ешь чужого мяска"... Меня они приняли за вора Я был несколько раз сбит с ног, меня топтали ногами, и когда полицейские меня отняли и повели в участок, все лицо у меня было залито кровью. Так печально кончился мой побег.

В участке заведывающий каталажкой взял полено, заставил другого полицейского держать меня и так „обработал", меня что мне тяжело было сидеть и лежать на нарах. Прошло часа три. Стемнело. Вдруг в темноте дверь открылась и на меня обрушился резкий удар На этот раз меня били железным прутом...

После побоев у нас шли разговоры. Полицейские ставили мне в вину, что я, убегая из участка, подводил под наказание охранявшую меня стражу.

— Беги от начальства,—говорили мне полицейские.

Я же отвечал, что от начальства я убегать не могу, так как оно меня не охраняет. Мне грозили, что теперь они будут меня систематически избивать, пока я у них буду сидеть, что они могут забить меня до смерти и отвечать за меня не будут. Я сознавал, что так может случиться, и употребил всю силу логики, чтобы доказать необходимость моего побега, и что им, полицейским, никакой пользы не будет, если они меня забьют до смерти.

Кончились об'яснения тем, что на другой день меня уже не били; купили мне даже хлеба и колбасы. Ночью меня вызвали и с конным экскортом препроводили в тюрьму.

У Егоровой, где были мои вещи, также был произведен обыск. Моего ямщика задержали, допрашивали. Устроили засаду, а так как Егорова водилась с эсерами, то у нее задержали человека два из эсеров, произвели обыски у них и в результате, помню, арестовали члена Ц. К. партии С. Р. Гуревича.

Вскоре были арестованы М. Загуменных, Яков Фейгин и др. Нас об'единили и пред'явили обвинение по 126 ст., за принадлежность к социал демократической партии. Одновременно я начал отбывать наказание по первому приговору.

За это время мне пришлось посидеть в обоих корпусах, в старом и новом, в больнице и башне. В больницу мы ложились не всегда по болезни, иногда для отдыха и разнообразия. В одиночках же башни было удобно заниматься чтением, в то время как в общих камерах сидеть было веселее.

Тюрьма того времени для нас, партийных юнцев, была своего рода университетом. Пермская тюрьма видела в своих стенах много видных революционеров, от которых мы могли многое почерпнуть. Например, в башне мне пришлось долго сидеть и гулять на общих прогулках во дворике с покойным товарищем Артемом (Сергеевым) и видным меньшевиком, членом Ц. К. Акимом (Гольдманом), приезжавшим в Пермь также в связи с выборами на V-й с'езд партии. Сидели довольно видные эсеры, например, „Дед" (Мелков) и др.

Естественно, часто устраивались дискуссии, как между большевиками и меньшевиками, так и между эсдеками и эсерами. В башне общих собраний заключенных нельзя было делать, поэтому дискуссии в башне велись через „волчек".

Особенно ярыми спорщиками были Артем и Аким.

В больнице мне пришлось долго сидеть с тов. Канатчиковым, сидевшим в Перми под фамилией Ергина. Там же были проездом в Сибирь известный Парвус и Лев Дейч.

В то время страстно деботировался вопрос о судьбах революции, т. е. идет ли она на убыль или повышение. Деботировалась и теория перманентной революции, выдвинутая Троцким и Парвусом. Воспользовавшись кратким пребыванием Парвуса в нашей тюрьме, мы попросили его сделать доклад, который он и делал из окон своей камеры со второго этажа, а мы слушали на дворе во время прогулки, пока не прервала стража.

Что касается старика Дейча, уже тогда хилого и седого, то он мне предсказал, что я доживу до социализма.

Тюремный режим постепенно ухудшался. Нас прибирали к рукам. Даже литературу начали пропускать с разбором. Питание также становилось все хуже, т. к. сидеть стали почти одни профессиональные революционеры, у которых богатых родственников не было. Заключенным приходилось часто враждовать с администрацией, при чем мне, помню, часто приходилось ходить депутатом от своей камеры к начальнику Гумберту, с ко-

торым у меня, по словам Миши Туркина, были „ленты—-банты“, т. е. я умел с ним об'ясняться спокойно и до известной степени воздействовать на него. Иногда доходило и до бурных обструкций, до битья стекол включительно. Особенно памятна одна обструкция, начатая женским корпусом во главе с весьма шумной и решительной Клавдией Ив. Кирсановой.

Та же Казанская Палата судила нас (меня, Загуменных, Фейгина и др.) и приговорила к разным срокам крепости. Выпустили меня из тюрьмы в июне 1909 года.

Николай Аникин.

1923 г.

Отдел третий.

Копия.

Обвинительный акт

о потомственном почетном гражданине Евгении Алексееве Преображенском, дочери чиновника Вере Николаевой Скворцевой, мещанине Николае Алексееве Якунине и других в числе всего 36 человек.

В начале 1906 года в городе Перми, несмотря на многочисленные аресты, вызванные непорядками, имевшими место в Мотовилихинском заводе 9—13 декабря 1905 года, было замечено, что деятельность преступного сообщества, именующего себя Пермским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партией и игравшего видную роль в упомянутых беспорядках (см. подлинные документы, отобранные у задержанного Константина Вощинина) не только не прекратилась, но стала принимать все более широкие размеры. В марте и апреле 1906 года полицией произведен был ряд обысков у лиц, заподозренных в принадлежности к означенному комитету, при чем обнаружены, как устав Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, отчеты и резолюции общих с'ездов партии, так и документы, устанавливающие деятельность Пермского Комитета вообще и отдельных его членов в частности.

Как видно из отобранной по обыскам программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятой на втором с'езде, состоявшемся в 1903 году (см. документы Зырянова и Смирнова), Социал-Демократическая Рабочая Партия, считая себя „одним из отрядов всемирной армии пролетариата“, и ставя конечной целью своей деятельности полную замену капиталистических производственных отношений-социалистическими, признала необходимым предварительно добиться „диктатуры пролетариата“, т. е. полного завоевания пролетариатом политической власти. Ближайшей же своей задачей в России Партия признала „низвержение Царского Самодержавия“ с заменою его Демократическою Республикою, конституция которой обеспечивала бы между прочим „самодержавие народа“, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право на „самоопределение“ за всеми нациями, входящими в состав государства, отделение церкви от государства и школы от церкви, замену постоянного войска милицией и т. д. Стремясь к достижению озна-

ченных ближайших своих целей, партия на упомянутом втором с'езде решила поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка. Как видно затем из документов, отобранных у задержанных по делу лиц (см. документы Вощинина, Новгородцевой и других) в 1905 году состоялся третий с'езд партии, принявший ряд резолюций и выработавший устав партии. В извещении об означенном с'езде Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии говорит, что Российский пролетариат сумеет „беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику и с помощью социалистического пролетариата Европы пойти быстрыми шагами к всеобщему социализму“. В виду же условий настоящей политической жизни России, третий с'езд признал, что одной из самых главных и неотложных задач партии является организовать пролетариат для непосредственной борьбы с Самодержавием путем вооруженного восстания. Поэтому с'езд поручил всем партийным организациям: а) выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания, б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и самом ходе восстания, в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников (см. стр. 11 упомянутого извещения). Из остальных резолюций третьего с'езда обращает внимание резолюция его по отношению к крестьянскому вопросу, где с'езд, между прочим, поручает всем партийным организациям „в целях дезорганизации Самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к возможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа и податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов“ (см. стр. 17 извещения). Отобранными по обыскам документами (см. документы Смирнова и Новгородцевой) установлено, что вскоре после третьего с'езда состоялся так называемый „Об'единительный с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“, который, между прочим, признал, что партия,

не принимая на себя обязательства вооружения всего народа для предстоящего восстания, обязана содействовать самовооружению населения, организовать и вооружать боевые дружины, способные внести инициативу и планомерность в повстанческую борьбу. Вместе с сим с'езд признал неизбежность активной борьбы против правительственного террора и повсеместный захват оружия и боевых снарядов, принадлежащих правительству. Как видно из документов, обнаруженных у задержанного Вощинина, на упомянутом „Об'единительном с'езде“ присутствовали представители Пермского Комитета (см. резолюцию Пермского Комитета по вопросу об Об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П.).

В числе документов, отобранных у члена Пермского Комитета Павла Бабинцева имеется составленное в Женеве руководство для организаторов и участников вооруженного восстания. Автор подробно излагает преимущества разного типа огнестрельного оружия, особенно останавливаясь на карабинах Маузера и пистолетах Браунинга, указывает затем способы и приемы успешной постройки баррикад и проволочных заграждений, об'ясняет как отражать атаки баррикад правительственными войсками, как переходить восставшим в наступление и, наконец, дает общий план восстания (см. подлинное издание).

Осмотром документов, отобранных у мещанина Ейселя Фейгина, обвиняемого по аналогичному с настоящим делу в принадлежности к другой группе членов Пермского Комитета установлено, что Российской Социал-Демократической Рабочей Партией был выработан общий „Устав боевой организации Р. С.-Д. Р. П.“, копия которого и была отобрана у упомянутого Фейгина. Как видно из § 1 означенного устава“ в целях успешной технической подготовки боевиков и планомерного руководства боевыми действиями в момент массового выступления, а также для выполнения отдельных операций в подготовке народа, в городе учреждается военно-боевой коллектив“, обязанный согласно § 2 того же устава подчиняться в мирное время всем „директивам общегородского пролетарского политического центра“. Согласно § 4 устава при военно-боевом коллективе имеется: а) военно-техническая группа по заготовке оружия, взрывчатых веществ, а также по выработке взрывчатых снарядов, б) коллегия инструкторов для обучения дружин, в) штаб разведчиков, г) финансовая группа, д) санитарный отряд и е) главный штаб. К означенному уставу боевой организации приложен „Устав

боевой дружины Р. С.-Д. Р. П.“ подробно регламентирующий организацию дружин. Из документов же, обнаруженных у задержанного Терентия Тарасова, видно, что уставы боевых дружин, выработанные местными комитетами Р. С.-Д. Р. П., ни в чем существенном не разнились от вышеупомянутого нормального устава. У Тарасова отобран был проэкт „Устав боевой организации Ек. (повидимому Екатеринбургского) Комитета Р. С.-Д. Р. П.“, составленного в виду постановления третьего с‘езда Р. С.-Д. Р. П. об организации местными комитетами при себе профессиональных боевых дружин. Осмотром документов, отобранных у сельского обывателя Беклемышева, обвиняемого по одному делу с упомянутым Фейгиным, установлено, что Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П. в одиннадцатом своем собрании обсуждал вопрос о военной организации и боевой дружине.

У задержанного по настоящему делу Анатолия Костенецкого отобран изданный Пермским Комитетом план местных организаций. Как видно из означенного плана, предложенного конференцией Уральских организаций: 1) членом организации считается всякий, принимающий программу партии (Р. С.-Д. Р. П.), входящий в одну из организаций и делающий регулярные взносы в кассу организации. 2) Нижней организационной ячейкой считается заводское или цеховое (для ремесленников) собрание, являющееся подрайонным собранием. 3) Подрайонное собрание состоит из всех ведущих С.-Д-скую работу в подрайоне. Оно выбирает подрайонный центр (заводской или цеховой комитет). 4) Общее собрание подрайонных собраний составляет районное собрание. Оно выбирает районный центр. 5) Собрание всех членов организации, об‘единяемых городским комитетом. составляет общее городское собрание. Оно выбирает местный центр. 6) Подрайонный комитет руководит всей работой в своем подрайоне: распространяет литературу, организует кружки, лекции, библиотеки, вводит новых членов в подрайонное собрание, созывает подрайонное собрание (1 раз в две недели), которому дает свой отчет в своей работе. 7) Районный комитет руководит всей работой в районе: распределяет силы и литературу, издает прокламации для своего района (экономические), собирает и распространяет денежные средства в районе, созывает периодические собрания подрайонного комитета (1 раз в неделю). Районные комитеты 50% с собираемых сумм отдают в центральную кассу.

8) Городской комитет руководит всей партийной деятельностью в пределах всего района. 9) Городской комитет организует специальные группы: боевую, пропагандистскую, техническую, агитаторскую.

Упомянутыми выше обысками, произведенными чинами Пермской полиции в марте и апреле 1906 года, а равно и обысками, имевшими место в мае и июне того же года, установлено, что организованный согласно устава партии Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П. во исполнение программы партии и для достижения ближайших ея целей, указанных выше в резолюциях третьего и Об'единительного С'ездов, занялся деятельной пропагандой, особенно среди рабочего населения, собирал денежные пожертвования на нужды партии, размножал на гектографах, печатал в своей тайной типографии и распространял от имени комитета воззвания и прокламации, имел в своем распоряжении боевую дружину, лабораторию взрывчатых веществ и склады метательных бомб.

В половине марта 1906 года полицией арестован был почетный гражданин Евгений Преображенский. По обыску у него обнаружен конспект лекций для занятий в кружках, при чем, как окончательный вывод всех лекций является положение: „организуйтесь под знаменем Р. С.-Д. Р. П.“ у него же обнаружены издания Пермского Комитета и адреса явок, т. е. заранее определенных, условных мест, где члены комитета получают нужные им сведения и распоряжения по делам организации.

23 апреля 1906 года до сведения полиции дошло, что в помещении бесплатной народной читальни-библиотеки в городе Перми собирается, так называемый „кружок пропагандистов“, состоящий при Пермском комитете. По указанному адресу явилась полиция и арестовала сходку из тринадцати человек. По об'яснению одного из задержанных, мещанина Ивана Вержбицкого, он пришел в помещение библиотеки по приглашению знакомого мещанина Николая Патлых, обещавшего познакомить его, Вержбицкого, с кружком пропагандистов, собирающимся в означенной библиотеке. После прихода Вержбицкого, один из пропагандистов, мещанин Моисей Гольдберг, стал докладывать собравшимся „летучку“, т. е. конспект речи, которую он должен был произнести на сходке рабочих. Явившаяся вслед за началом речи Гольдберга полиция помешала дальнейшему докладу. В момент прихода ея на сундуке в помещении библиотеки сидел, по об'яснению того же Вержбицкого

и полицейского пристава Рупинского, упомянутый выше Патлых. За означенным сундуком на полу была обнаружена шифрованная записка. Личный обыск у задержанных в библиотеке, а равно обыск в их квартирах дал следующие результаты: 1) у дочери чиновника Веры Николаевой Скворцевой (урожденной Соколовой) обнаружена собственноручная записка ея с адресами явочных квартир, в числе каковых имеется и квартира задержанного в той же библиотеке студента Якунина. В записной книжке той же Скворцевой имеются записи, касающияся проэкта программы занятий в кружках, выработки плана работ в Пермском районе и другие записки, относящиеся к агитационной деятельности членов кружка. У нея же отобрано письмо лица, содержащегося в Сарапульской тюрьме, с запросом о деятельности Пермского Комитета и „о соотношении сил“ в случае восстания. Наконец у той же Скворцевой (Соколовой) обнаружено большое количество прокламаций, изданных или переизданных Пермским Комитетом Р. С.-Д. Р. П., в том числе до 70 экземпляров известного „Манифеста“ Совета Рабочих Депутатов.

2. У студента Николая Якунина обнаружены листки талонной книжки, выданной Пермским Комитетом за печатью последнего на сбор пожертвований на нужды означенного комитета. Кроме того найдены адреса и условные пароли.

3. У мещанина Василия Щербакова, кроме прокламаций и воззваний Пермского Комитета, обнаружены адреса явочных квартир и черновик прокламаций.

4. У студента Михаила Золотова неоконченное им письмо на имя не обнаруженного по следствию лица со сведениями о Пермском Комитете и советом заняться пропагандой и рукописный список заводов, торговых и промышленных заведений Пермской губернии с указанием числа рабочих.

5) У сына священика Василия Голионко, кроме литературы Р. С.-Д. Р. П. конспект и черновики лекций и речей, составленных согласно упомянутой резолюции третьего с‘езда.

6. У мещанина Моисея Гольдберг—конспект речи или реферата на тему, что введение демократической республики является главным пунктом программы минимум.

7. У мещанина Николая Патлых, кроме партийной литературы, обнаружены отрывные билетики из талонной книжки, выданной Пермским Коми-

тетом за его печатью на сбор пожертвований на нужды комитета. По расшифровании упомянутой выше записки, обнаруженной в помещении библиотеки за сундуком, где сидел Патлых и написанной, по заключению экспертов, рукой самого Патлых установлено, что в ней указаны адреса явочных квартир и условные пароли. Лица, перечисленные в означенной записке и предоставившие свои квартиры в качестве „передаточных“ или для хранения предметов, необходимых для техники оказались: помощником провизора Степаном Бабиным, учеником местного реального училища Михаилом Кувшинским, учеником местной гимназии Николаем Кузовниковым, почетным гражданином Николаем Лучининым и мещанином Ицкой Яковым Футликом.

Многочисленные прокламации, изданные Пермским Комитетом и обнаруженные в большом количестве у задержанных членов комитета, либо размножались на гектографе, либо печатались в имевшейся в распоряжении комитета собственной его типографии.

По обыску, произведенному 18 марта 1906 года околодочным надзирателем Коссецким в квартире проживавших в селении Мотовилихе: сельского обывателя Ивана Борисова и неизвестного человека, назвавшегося себя Владимиром Атавиным, обнаружены два гектографа, номер газеты, весь залитый гектографическими чернилами, адреса явочных квартир и программы рефератов или лекций, при чем в одной из последних указана ближайшая программа Р. С.-Д. Р. П.—вооруженное восстание, временное революционное правительство и созыв Учредительного собрания. Типография же комитета была обнаружена чинами полиции в ночь на 10 июня 1906 года. Часов около 11 вечера к дому № 145 по Монастырской улице под‘ехал на лошади, запряженной в коробок, молодой человек, сказавшийся крестьянином Андреем Мальцевым и на вопрос—что ему нужно—ответил, что он ищет дом № 142. Человек этот показался подозрительным и по доставлению его в полицейскую часть, при нем были найдены тюк с чистой бумагой для печатания адресов и записанный адрес „Монастырская 142“. По означенному адресу произведен был немедленно обыск и обнаружена в полном ходу типография комитета. За типографским станком арестованы были мещане Дмитрий Латышев, Михаил Туркин, неизвестный человек, назвавшийся мещанином Степаном Картышевым, заявления которого о личности не подтвердились и сельская обывательница Александра Костарева.

Произведенным при участии экспертов осмотром упомянутого выше помещения установлено, что в нем находилась вполне оборудованная ручная типография со станком, двумя типографскими кассами, полным ассортиментом шрифта и всех принадлежностей для печатания. В типографском станке был зажат готовый для печатания набор четырех страниц програмы Р. С.-Д. Р. П. Тут же обнаружены готовые наборы строк постоянно встречаемых в изданиях Комитета, как то: „Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия“ „Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.“, „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, „Прочитав, передайте товарищам“ и другие.

Типографского шрифта находившегося в двух типографских кассах и в отдельных мешечках и ящиках, обнаружено около пяти пудов и, кроме того, взят оловянный стереотип с програмной Российской Социал.-Демократической Рабочей Партии. В помещении типографии обнаружено большое количество прокламаций и изданий Пермского Комитета, в том числе один пуд 14 фун. первой, восьмой и девятой страниц брошюры: „Программа Р. С.-Д. Р. П.“, печатанной по заключению экспертов, на станке, имевшемся в типографии. Экспертами произведен был тут же оттиск набора, зажатого в станке, при чем получены были 2, 7, 10 и последняя страницы той же брошюры „Программа Р. С.-Д. Р. П.“. В числе остальных вещей, обнаруженных в типографии, имеются две металлические печати: одна Пермского Комитета Р. С.-Д. Р. П. и другая—должностная одного из народных судей Семиреченской области. Затем обнаружены черные небольшие кубики, обыкновенно надеваемые евреями на лоб во время молитвы и полоски бумаги с надписями на древне-еврейском языке.

На стенном календаре в помещении типографии обнаружены надписи: „от товарища богомаза получил“ и „уважаемому Марку от богомаза“. Вслед за обнаружением упомянутой типографии было дознано полицией и затем подтверждено предварительным следствием, что лошадь, на которой задержанный Мальцев вез бумагу в типографию, была передана ему крестьянской девицей Клавдией Кирсановой, отец которой получил впоследствии эту лошадь обратно из полиции. Кирсанова, выбывшая из дому на упомянутой лошади вечером 9 июня, не возвращалась домой, и 10 июня была арестована в квартире крестьянина Смирнова и неизвестных лиц, назвавшихся мещанами Тарасовым и Алпатовым. Из числа означенных лиц у назвавше-

гося Терентием Петровым Тарасовым, настоящая фамилия которого не установлена, обнаружено по обыску: условный шифр, упомянутый выше всего „Устав боевой организации Ек. Комитета Р. С.-Д. Р. П.“ с „Уставом боевой дружины“ и „дисциплинарным уставом“ и, кроме того записи о количестве имевшихся винтовок, пистолетов Браунинга, револьверов и проч. У него же обнаружены рецепты и записи о способе приготовления взрывчатых веществ, такие же документы, указывающие на принадлежность к боевой организации комитета, обнаружены по обыску того же 10-го июня у крестьянина Павла Бабинцева. У последнего найдены упомянутые выше „Руководства для организаторов и участников вооруженного восстания“, „Устав боевой организации Ек. Комитета Р. С.-Д. Р. П.“, револьвер, патроны, лист бумаги, служивший мишенью при стрельбе, шифрованные записки, большое количество литературы партии, издания как Пермского Комитета, так и военной организации при Петербургском Комитете.

Тесную связь с боевой организацией Пермского Комитета имела группа членов его, занимающаяся изготовлением взрывчатых веществ, или же более или менее причастная к этому изготовлению. Во дворе дома, занятого упомянутым выше именующим себя мещанином Константином Вощининым, обнаружена 37 м.м. граната, начиненная, по заключению эксперта, сильно взрывчатым веществом: смесью пикриновой кислоты и хлорокислого каля.

У того же именующего себя Вощининым обнаружены: медная печать Мотовилихинской организации Пермского Комитета Р. С.-Д. Р. П., рукопись и громаднейшая литература партии, главным образом издания Пермского комитета. У него же найдены два ящика с книгами, составляющими, повидимому, часть библиотеки Пермского комитета. Личность Вощинина осталась на следствии невыясненной В 20 числах апреля месяца до сведения полиции дошло, что в квартире учеников местного реального училища Богдана Битовта и Дмитрия Федорова помещается лаборатория для изготовления взрывчатых веществ, при чем, по сведениям полиции, в означенной лаборатории последовал взрыв, легко ранивший Витовта. Произведенным обыском в упомянутой квартире действительно обнаружены мастерская и лаборатория со следами взрыва и со всеми приспособлениями, могущими, по заключению эксперта, служить для изготовления ударников для бомб. В числе веществ, отобранных по обыску, имеется сильно действующая смесь бертолетовой соли, хлорокис-

лого каля и мелинтина. В найденной тут же записной книжке Витовта обнаружен чертеж, представляющий из себя, по заключению эксперта, схематическое изображение части ударника для бомбы, а именно чертеж стеклянной трубочки, в которую наливается серная кислота, и грузика, который разбивает ее при падении бомбы.

Сведения полиции, что Витовт был ранен при каком то взрыве подтвердились полученной справкой из больницы, что в указанное выше время Витовт обращался за помощью в больницу по поводу раны головы. Из остальных вещей, обнаруженных в квартире Витовта и Федорова, обращают внимание: памятная книжка Федорова с записью состава разрывных пуль, носовой платок со следами крови и проба письма гектографскими чернилами.

Вслед за обнаружением лаборатории Витовта и Федорова до сведения полиции дошло, что ударники, изготовленные в упомянутой лаборатории, назначались для бомб, изготовляемых учеником Пермского реального училища Владимиром Касьяновым, и обыском, произведенным полицией 9-го июня в квартире Касьянова, действительно обнаружены были лаборатория и склад метательных бомб. Произведенным того же числа при участии эксперта осмотром упомянутой квартиры обнаружено: вполне снаряженная слесарная мастерская и химическая лаборатория со всеми реактивами для снаряжения бомб, бикфордов шнур, три готовых ударника, девять 37 м.м стальных снаряда для пушки Гочкиса с ввинчеными в донную резьбу жестяными трубками. Восемь из этих бомб были вполне снаряжены для взрыва, осталось лишь вставить ударники. Там же найдена жестяная банка из под конфект с портретами их императорских величеств тоже вполне снаряженная, в виде метательной бомбы. В том же помещении обнаружена собственноручная записка Касьянова о количестве бомб, около сотни прокламаций и гектограф с гектографскими чернилами.

Одну из упомянутых снаряженных 37 м.м. бомб удалось разрядить в лаборатории Пермских пушечных заводов, при чем устройство бомбы оказалось следующее: внутреннее пространство снаряда заполнено студнем, в котором помещена медная трубочка с гремучей ртутью. В донную нарезку снаряда ввинчена жестяная трубка, конец ее залит оловом, над которым насыпан порох, покрытый сверху слоем коллодиума. В упомянутую жестяную трубку вставляется ударник, представляющий в свою очередь тоже же-

стянную трубку, конец которой залит мастикой. Одно из этих мастичных донышек снабжено отверстием для передачи огня из ударника в бомбу. Внутри трубки помещена тонкая стеклянная трубочка с серной кислотой и на конце этой трубочки помещен оловянный грузик, при падении бомбы означенный грузик разбивает стеклянную трубочку и разлившаяся серная кислота, соединившись с помещенной в ударнике бертолетовой солью, дает вспышку. Огонь проникает сквозь отверстие в дне ударника внутрь бомбы и наступает взрыв. По заключению того же эксперта общий вид квартиры Касьянова и найденные в ней инструменты приводят к выводу, что там происходило снаряжение бомб. Взрывчатые же вещества, идущие на означенное снаряжение, доставлялись извне. Бомбы, обнаруженные у Касьянова, были при участии экспертов взорваны на полигоне Пермских пушечных заводов, при чем, по заключению упомянутых сведующих лиц, были изготовлены вполне правильно. Все 37 м.м. снаряды Гочкиса оказались наполненными гремучим студнем, бомба же с легкой оболочкой, приготовленная из упомянутой выше жестяной коробки, наполнена другим взрывчатым веществом. Для производства взрыва злоумышленник должен был поместить в прикрепленную к снаряду жестяную трубку, один из готовых, отобранных у Касьянова же, ударников и бросить бомбу, при чем взрыв должен был последовать при падении бомбы на землю, или вообще при встрече ею препятствия. При последовательном взрыве на полигоне восьми 37 м.м. снарядов Гочкиса получалось каждый раз, кроме мелких от 4 до 20 крупных (не менее $7^1/_2$ золотников) осколков, при чем по заключению экспертов, каждый крупный осколок мог свободно убить человека. Упомянутая же выше бомба с легкой оболочкой начинена веществом до того сильным, что по заключению экспертов, брошенная в толпу, она силою газов, образовавшихся при взрыве, могла бы убить до ста человек. В упомянутой выше записке, обнаружено в квартире Касьянова и по заключению экспертов написанной его рукою, помещены следующие сведения о количестве и роде бомб с легкой оболочкой, одна с картечью, 16 без картечи и с тяжелой оболочкой одна с картечью, кроме того упомянуто о 33 ударниках.

По об'яснению родственников Касьянова к нему с 20-х чисел мая почти каждый вечер приходил ученик реального училища Арсений Зайков, вместе с которым Касьянов отлучался куда то из дому. Произведенным полицией

обыском у Зайкова обнаружены издания Пермского Комитета и 30 чистых паспортных бланок.

Одновременно с Касьяновым и Зайковым арестован был в Мотовилихе заподозренный полицией в участии в изготовлении взрывчатых веществ рабочий Гавриил Мясников. По обыску у него обнаружены три вполне снаряженных ударника для бомб со вставленными уже стеклянными трубочками с серной кислотой и один пустой ударник. У того же Мясникова обнаружены: металлическая печать Мотовилихинской организации Пермского Комитета Р. С. Д. Р П., чековая книжка, выданная Пермским Комитетом на сбор пожертвований на нужды его, несколько сот прокламаций издания Пермского Комитета и записи условных кличек членов его. В том же июне месяце 1906 года задержаны были полицией лица, ведущие денежную отчетность Комитета, или же, по крайне мере, близко стоящие к таковой. Так 10-го июня был арестован неизвестный человек, назвавшийся первоначально Львом Герцем, затем Яковым Свердловым. Личность его осталась на следствии не установленной. В памятной его книжке обнаружена запись по заключению экспертов собственноручная о приходе и расходе сумм по городскому району Пермского Комитета и другие заметки, касающиеся того же городского района. В числе условных кличек членов Комитета в означенных заметках попадается кличка „Богомаз".

По заключению экспертов обнаруженная в описанной выше тайной типографии Комитета рукопись „граждане и гражданки", а равно обнаруженный там же рукописный денежный отчет Комитета за май месяц написан рукой Свердлова Герца. Как видно из показания свидетельницы Морозовой Свердлов-Герц признался, что условная кличка его „Михайлович".

Некоторые отношения к денежной отчетности Комитета имел и арестованный 10-го июня в общей квартире упомянутых выше Тарасова и Алпатова крестьянин Дмитрий Смирнов. По обыску у него обнаружены: записка о сумме поступивших членских взносов и денег, собранных на массовках, двадцать чековых книжек по сто талонов в каждой, на сбор пожертвований на нужды Комитета, такая же книжка с отметками о произведенных по ней сборов, записи, указывающие на несомненную активную роль Смирнова в организации („в технике нужен новый товар", „нужно приготовить квартиру для житья и ночевок публики, приехавшей на конференцию к 15 июня",

„три старых явочных квартиры снимаются“ и проч.). Кроме того, обнаружены: черновик прокламаций литература издания Пермского Комитета и письмо на имя „Валерьяна“. По об'яснению хозяев дома, где жил Смирнов, все приходившие к нему называли его „Валерьяном“.

Одновременно с упомянутым выше Свердловым-Герцем арестована была дочь купца Клавдия Тимофеевна Новгородцева. По личному обыску ее обнаружены издания партии, черновик заявления от имени членов Пермских районных комитетов и не отправленное письмо ее на имя „Якова“, с сообщением об аресте 27 лиц, взятых на собрании, где читался доклад о с'езде. По показанию свидетельницы Морозовой, Новгородцева, собирая деньги в пользу политических заключенных, называла себя „Ольгой“. Дня через два после ареста Новгородцевой и Свердлова-Герца тюремной стражей была перехвачена записка, брошенная со двора, где гуляют политические заключенные, во двор, где гуляют арестованные мужчины.

Осмотром означенной записки установлено: что писавшая ее женщина сообщает: „М-чу“, что написала „Фрею“, „о погроме“, „Филиппу“, о том, что „провалена“ их явка у Зайки и чтобы сюда приезжал „Москвич“ или „Егор“, хотя последний едва ли приедет до конфер. Дальше в письме, между прочим, значится: „справься о явке и адр. Ц. К., не провален ли у нового секретаря, это страшно важно. Публика желторотая и ротозеи. Провалятся и молчат. „Правда ли, что взят Валентин“? Где Богомаз?, „я уверена, что засела прочно“, затем в письме упоминается ряд кличек арестованных лиц с поручением составить рефераты на заданные темы.

По заключению экспертов, почерк, которым написана эта записка, вполне одинаков с упомянутым выше почерком письма на имя „Якова“, отобранного по обыску у Новгородцевой (Свердлов-Герц называл себя Яковом Михайловичем).

Некоторые отношения к денежной отчетности Комитета имел арестованный полицией почетный гражданин Александр Соколов. По обыску у него обнаружена талонная книжка Пермского Комитета для сбора пожертвований на его нужды с отметками о получении денег по книжке и пачка связанных билетиков из такой же книжки, кроме того, прокламации издания Пермского Комитета, составленный Соколовым черновик воззвания к „това-

рищам портным“, список хозяев ремесленных заведений города Перми, шифрованная записка и адреса явочных квартир с условными паролями.

Одна из выше упомянутых шифрованных записок, по заключению экспертов, написана рукою обвиняемого Патлых.

Условная кличка Соколова в организации была „Степан“, как это видно из собственноручной его записки, обнаруженной у скрывшейся обвиняемой Бины Зильберберг.

Деньги в пользу Пермского Комитета собирал по талонной книжке точно также задержанный полицией мещанин Пинхус Пик, по обыску у него обнаружена, кроме нелегальной литературы, талонная книжка, выданная Пермским Комитетом, при чем на книжке имеются отметки о получении по ней денег.

Все упомянутые выше лица, задержанные за принадлежность к Пермскому Комитету, занимались, насколько можно судить по выяснившимся данным деятельностью в городе Перми.

Независимо от сего, при Пермском Комитете состояло так называемое „Окружное бюро“, занимающееся исключительно деятельностью вне города Перми. По обыску у ученика Пермской гимназии Анатолия Костенецкого, обнаружено рекомендательное письмо, подписанное секретарем Окружного бюро при Пермском Комитете Р. С. Д. Р. П., просящего „товарищей“ в Нытвенском заводе оказать подателю письма содействие при сближении с рабочими завода. По заключению экспертов, письмо написано рукою Костенецкого. У него же по обыску обнаружен: черновик прокламаций, значительное количество изданий Пермского Комитета и шифрованная записка.

К несомненным членам комитета следует отнести и задержанного полицией на общей квартире упомянутых выше Тарасова и Смирнова неизвестного человека, назвавшего себя мещанином Сергеем Алпатовым, впоследствии же крестьянином Михаилом Кесаревым. По обыску у него обнаружены черновики прокламаций и адрес явочной квартиры с условным паролем. Заявление Алпатова-Кесарева о личности на следствии не подтвердилось.

Многочисленные прокламации издания Комитета обнаружены были по обыскам как у членов Комитета, так и у лиц, принадлежность которых к означенному Комитету не может быть признана в достаточной мере доказанной. Так в ночь на 30 апреля 1906 года задержан был полицией крестьянин

Аркадий Фролов с 118 прокламациями Пермского Комитета Р. С. Д. Р. П., призывающими к восстанию, учреждению временного революционного правительства и замене существующего общественного строя новым на началах социализма.

22 апреля 1906 года в Соликамском уезде задержан был на пароходе сын купца Иван Зырянов с грузом нелегальной литературы, состоящий, кроме значительного количества тенденциозных брошюр, имевшихся в нескольких экземплярах каждая, из 24 экземпляров программы Р. С. Д. Р. П., 106 экземпляров того же издания прокламаций, „новый закон". Обе прокламации призывают к созыву учредительного собрания, которое должно ввести демократическую республику и общественный строй на началах социализма.

Вышепоименованные: Евгений Преображенский, Вера Скворцева (урожденная Соколова), Николай Якунин, Василий Щербаков, Михаил Золотов, Василий Голионко, Моисей Гольдберг, Николай Патлых, Михаил Кувшинский, Степан Бабин, Николай Кузовников, Николай Лучинин, Ицко-Яков Футлик, Иван Борисов, Дмитрий Картышев, Михаил Туркин, назвавшийся Степаном Картышевым, Александра Костарева, Клавдия Кирсанова, назвавшийся Терентием Тарасовым, Павел Бабинцев, назвавшийся Константином Вощининым, Богдан Витовт, Дмитрий Федоров, Владимир Касьянов, Арсений Зайков, Гавриил Мясников, назвавшийся Яковым Свердловым (Герц), Дмитрий Смирнов, Клавдия Новгородцева, Александр Соколов, Пинхус Пик, Анатолий Костенецкий, назвавшийся себя Михаилом Кесаревым (Алпатовым), Аркадий Фролов и Иван Зырянов, привлеченные были в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном 2 ч. 126 ст. Угол. Улож. Все означенные лица виновными себя не признали, но ничего существенного в свое оправдание не привели. Упомянутый выше Владимир Касьянов об'яснил, что по заказу лица, принадлежащего к Р. С. Д. Р. П., он из доставленного этим лицом материала снаряжал взрывчатым веществом бомбы. Ударники же изготовлялись другим лицом. Снарядив пять больших чугунных бомб, на каждую из которых пошло больше одного фунта динамита, он, Касьянов, передал эти бомбы заказавшему их лицу, остальные же были от него отобраны по обыску. При изготовлении бомб он пользовался руководством, изданным Петербургским Комитетом Р. С. Д. Р. П.

На основании изложенного:

1) потомственный почетный гражданин Евгений Преображенский, 21 года,

2) дочь чиновника Вера Николаевна Скорцева (урожденная Соколова), 19 лет,

3) мещанин г. Перми Николай Александров Якунин, 19 л.,

4) мещанин г. Кунгура Василий Павлович Щербаков, 21 г.,

5) сын чиновника Михаил Михайлов Золотов, 21 года,

6) сын священника Василий Петров Голионко, 24 лет,

7) мещанин местечка Чарея, Сенненского уезда, Могилевской губернии, Моисей Хатцкалев Гольдберг, 19 л.,

8) мещанин г. Перми Николай Павлов Патлых, 24 л.,

9) потомственный почетный гражданин Михаил Владимиров Кувшинский, 19 л.,

10) сын священника Степан Антонов Бабин, 22 лет,

11) сельский обыватель Мотовилихинского завода, Пермского уезда, Николай Александров Кузовников, 18 л.,

12) потомственный почетный гражданин Николай Гаврилов Лучинин, 27 лет,

13) Шкловский мещанин Ицко Яков Менделев Футлик, 20 л.,

14) сельский обыватель Мотовилихинского завода, Пермского уезда, Иван Иванов Борисов, 27 лет,

15) мещанин города Балахны, Нижегородской губ., Дмитрий Глебов Латышев, 24 лет,

16) мещанин города Перми Михаил Павлов Туркин, 18 лет,

17) назвавшийся мещанином Степаном Михайловым Карташевым, 29 л.,

18) Сельская обывательница Мотовилихинского завода, Пермского уезда, Александра Иванова Костарева, 17 л.,

19) крестьянка Кулибакского завода, Ардатовского уезда, Нижегородской губ. Клавдия Иванова Кирсанова, 19 л.,

20) крестьянин деревни Тутыги, Орловского уезда, Вятской губ., Павел Яковлев Бабинцев, 21 г.,

21) назвавшийся мещанином Терентием Петровым Тарасовым, 22 л.,

22) назвавшийся мещанином Константином Алексеевым Вощининым, 25 л.,

23) дворянин Богдан Иосиф Витовт, 20 лет,

24) сын личного почетного гражданина Дмитрий Дмитриев Федоров, 20 л.,

25) крестьянин Бийского завода, Уржумского уезда, Вятской губ., Владимир Тихонов Касьянов, 18 лет,

26) крестьянин села Вильгорот, Чердынского уезда, Пермской губернии, Арсений Иванов Зайков, 19 л.,

27) крестьянин деревни Березовой, Старо-Ивонайской волости, Чистопольского уезда, Казанской губ., Гаврила Ильин Мясников, 17 л.,

28) назвавшийся мещанином Яковым Михайловым Свердловым (Герцен), 22 лет,

29) крестьянин села Людиново, Жидринского уезда, Калужской губ., Дмитрий Сергеев Смирнов, 27 лет,

30) дочь купца Клавдия Тимофеевна Новгородцева, 30 лет,

31) потомственный почетный гражданин Александр Николаев Соколов 21 года,

32) мещанин города Мариуполя, Екатеринославской губ., Пинхус Гершев Пик, 17 лет,

33) дворянин Анатолий Степанов Костенецкий, 17 лет,

и 34) именующий себя крестьянином Уваровской волости, Ельнинского уезда, Смоленской губ., Михаилом Хрисанфовым Кесаревым (Алпатовым) обвиняются в том, что весной 1906 года состояли участниками в сообществе, которое, именуя себя Пермским Комитетом Р. С. Д. Р. П., заведомо для них, в видах установления в России социалистического строя, поставило целью своей деятельности достижение, посредством возбуждения народных масс, государственного переворота—низвержение монархии и утверждение демократической республики и для успешного достижения целей своей деятельности имело в своем распоряжении склад оружия и средства для взрыва, при чем из упомянутых выше лиц:

1) Преображенский, Скворцова, Якунин, Щербаков, Золотов, Голпонко, Гольдберг и Патлых занимались пропагандой среди населения, изложенных выше основных положений социал-демократической партии и кроме того у Преображенского имелись адреса, так называемых, явочных квартир, у Скворцовой и Щербакова тоже явки и литература Р. С. Д. Р. П., у Якунина и Патлых—явки и отрывные билетики, доказывающие сбор в пользу Пермского Комитета Р. С. Д. Р. П., у Голпонко литература партии.

2) Бабин, Кувшинский, Лучинин и Футлик являлись передаточными органами в упомянутых выше явочных квартирах.

3) Иван Борисов размножал на гектографе издания Пермского Комитета и имел в своем распоряжении адреса явочных квартир.

4) Латышев, Туркин, Костарева и назвавшийся Картышевым занимались печатанием изданий Пермского Комитета в тайной его типографии по Моностырской улице и имели в своем распоряжении печать Пермского Комитета.

5) Кирсанова способствовала успешной работе в означенной типографии, доставляя лошадь для перевозки бумаги для печатания.

6) Бабинцев и именующий себя Тарасовым являлись членами боевой организации Пермского Комитета. Тарасов хранил у себя сведения о количестве имевшегося оружия и рецепт для изготовления взрывчатых веществ. Бабинцев же хранил у себя руководство для организаторов и участников вооруженного восстания, мишень для пробной стрельбы и литературу партии.

7) Именующий себя Вощининым, Витовт, Федоров, Касьянов, Зайков и Мясников занимались изготовлением взрывчатых веществ и снарядов и кроме того Вощинин имел в своем распоряжении печать Комитета и склад изданий последнего. Мясников имел печать Мотовилихинской организации Комитета и склад тех же комитетских изданий. Зайков 30 паспортных бланок.

8) Именующий себя Яковым Свердловым (Герц), Смирнов, Новгородцева, Соколов и Пик занимались сбором денег в пользу Комитета. Кроме того, Свердлов (Герц) вел денежную отчетность Комитета. Смирнов занимался подысканием конспиративных квартир и приобретением „товара" (бумаги для типографии). Соколов хранил у себя литературу Комитета и составлял прокламации от его имени.

9) Костенецкий был секретарем так называемого „Окружного бюро Пермского Комитета", вел корреспонденцию от имени бюро и хранил у себя литературу Комитета.

10) Именующий себя Кесаревым (Алпатовым) хранил у себя адреса явочных квартир с условными паролями и черновик прокламаций.

11) Крестьянин села Тарханово Сергачевского уезда Нижегородской губ. Аркадий Матвеев Фролов, 19 л., и сын купца Иван Федоров Зырянов, 22 л., обвиняются в том, что весной того же 1906 г. хранили у себя с целью

распространения, заведомо зная о содержании издания Пермского Комитета Р. С. Д. Р. П., призывающие к низвержению монархии и утверждению социалистического общественного строя, при чем однако распространения означенного издания не последовало.

Означенные преступления предусмотрены в отношении Фролова и Зырянова 2 ч. 132 ст. Угол. Улож., в отношении же остальных обвиняемых 2 ч. 126 ст. того же Уголовного Уложения.

Вследствие сего и на основании 2 п. 1032 ст. Угол. Суд. все выше означенные обвиняемые подлежат суду особого Присутствия Казанской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Список лиц.

Обвиняемые: 1) Преображенский Евгений, 2) Скворцева Вера, 3) Якунин Николай, 4) Щербаков Василий, 5) Золотов Михаил, 6) Голионко Василий, 7) Гольдберг Моисей, 8) Патлых Николай, 9) Кувшинский Михаил, 10) Бабин Степан, 11) Кузовников Николай, 12) Лучинин Николай, 13) Футлик Ицко-Яков, 14) Борисов Иван, 15) Латышев Дмитрий, 16) Туркин Михаил, 17) Картышев Степан, 18) Костарева Александра, 19) Кирсанова Клавдия, 20) Тарасов Терентий, 21) Бабинцев Павел, 22) Вощинин Константин, 23) Битовт Богдан, 24) Федоров Дмитрий, 25) Касьянов Владимир, 26) Зайков Арсений, 27) Мясников Гавриил, 28) Свердлов Яков, 29) Смирнов Дмитрий, 30) Новгородцева Клавдия, 31) Соколов Александр, 32) Пика Пинхус, 33) Костенецкий Анатолий, 34) Костарев Михаил, 35) Фролов Аркадий, 36) Зырянов Иван.

Свидетели: 1) Рупинский Генрих, 2) Смоленский Вячеслав, 3) Вержбицкий Иван, 4) Петров Иероним, 5) Костюко-Волюжанин Григорий, 6) Суворов Филипп, 7) Санников Петр, 8) Попов Николай, 9) Алексеев Николай, 10) Черных Хрисанф, 11) Зайцев Дмитрий, 12) Цепелев Михаил, 13) Щепелкин Алексей, 14) Иванов Александр, 15) Косецкий Сигизмунд.

Копия.

Обвинительный акт.

О лишенном всех прав состояния ссыльно-поселенце Леоне Исаакове Гольдман, дочери священника Ольге Ивановой Патлых (урожденной Двинянниновой), сельском обывателе Аркадии Васильеве Трефилове и крестьянах: Федоре Андрееве Сергееве, Григории Николаеве Котове, Степане Александрове Остапенко и Георгии Иванове Мальцове.

В начале 1907 года, в связи с условиями тогдашней политической жизни России, замечено было повсеместное усиление деятельности тайного сообщества, именующего себя Российской Социал-Демократической Рабочей партией: внешними факторами, вызвавшими это оживление, явились с одной стороны предстоявшие выборы в Государственную Думу второго созыва и решение партии принять в них активное участие, и с другой, имевший состояться весной 1907 года новый, по счету пятый, с'езд партии. Усиление деятельности упомянутого сообщества обнаружено было и в городе Перми, при чем как на одного из видных членов тогдашней Пермской организации, полиции указано было на привлекавшуюся уже ранее за участие в Пермском комитете Р.С.Д Р.П. и содержавшуюся одно время под стражей дочь священника Ольгу Ивановну Двинянинову (впоследствии по мужу Патлых). В виду означенных сведений, в начале марта 1907 года в гор. Перми произведен был ряд арестов и обысков, при чем кроме упомянутой Патлых (Двиняниновой), задержано было несколько активных деятелей Р.С.-Д.Р.П. как местных, так и приезжих, и обнаружено значительное количество литературы партии и в частности Пермской ее организации.

В числе обнаруженных по обыскам, а равно и приложенных к делу документов, имеются принятые на с'ездах партии программы и резолюции с указанием, как конечной цели, преследуемой партией, так и тактики ее в борьбе за достижение означенной цели. Как видно из упомянутых документов, программа партии была выработана на втором с'езде в 1903 году, в программе этой значится, что социал-демократическая партия, считая себя „одним из отрядов всемирной армии пролетариата, ставя конечной целью своей деятельности полную замену капиталистических производственных отношений социалистическими, признает необходимым предварительно добиться

„диктатуры пролетариата“, т. е. полного завоевания последним политической власти; ближайшей же своей задачей в России партия признает „низвержение Царского Самодержавия“ и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы, между прочим, „самодержавие народа“, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, уничтожение сословий, полноправность всех граждан, право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав Государства, отделение церкви от Государства и школы от церкви, замену постоянного войска—милицией и т. д. Стремясь к достижению означенных ближних своих целей, партия решила поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка (п. д. 241). В 1905 году состоялся третий с'езд партии, принявший ряд резолюций по политическим вопросам и отчасти видоизменивший выработанный вторым с'ездом устав партии. В извещении об означенном с'езде центральный комитет партии говорит, что российский пролетариат сумеет беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, и с помощью социалистического пролетариата Европы пойти быстрыми шагами к всеобщему социализму (п. д. 242 об.). В виду же условий тогдашней политической жизни России, третий с'езд признал, что одной из самых главных и неотложных задач партии является организация пролетариата для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания, в виду чего с'езд поручил всем партийным организациям: 1) выяснить пролетариату путем пропаганды практическую сторону предстоящего вооруженного восстания, раз'яснив при этом значение политических стачек и 2) принять меру к вооружению пролетариата и к выработке плана восстания. Из остальных резолюций третьего с'езда обращает внимание резолюция его по крестьянскому вопросу, где с'езд поручил партийным организациям в целях дезорганизации самодержавия, между прочим, призывать крестьянство и сельский пролетариат к возможным политическим демонстрациям, коллективному отказу от платежа податей и налогов, от выполнения воинской повинности и т. д. Вслед за III состоялся в начале лета 1906 года в городе Стокгольме, так называемый об'единительный с'езд, партии, видоизменивший программу ее в части, касающейся аграрной политики и вынесший ряд принципиальных резолюций по отдельным вопросам: о вооруженном

восстании, о партизанских выступлениях, об отношениях партии к Государственной Думе и проч.; по вопросу о вооруженном восстании с'езд признал, что основной задачей партии должно быть: 1) развитие революции путем агитации среди пролетариата крестьянства, мелкой буржуазии и войск и вовлечение их в активную борьбу с правительством, приводя массу населения к сознанию необходимости вооруженного восстания, 2) содействие к самовооружению населения и организации боевых дружин, 3) необходимость вступать в боевые соглашения с другими революционными партиями и пр. По отношению к партизанским выступлениям, между прочим, постановлено, что разрушение казенных и частных учреждений должно производиться для непосредственной боевой цели, оружие же и боевые снаряды правительства следует захватывать при всех возможных случаях. По вопросу об отношении в Государственной Думе, с'езд признал, что партия должна принять участие в выборах, проводить в Государственную Думу своих кандидатов с тем, чтобы в интересах расширения революционного движения использовать все конфликты, могущие возникнуть между правительством и Думой, при чем стремиться расширить и обострить эти конфликты до пределов, дающих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, вместе с тем организовать давление на Государственную Думу путем агитации среди населения за пред'явление Думе революционных требований (л. д. 61 об. 243 об. 261 и). В начале 1907 года, как сказано было выше, должен был состояться IV с'езд партии, в виду чего местные организации были заняты избранием делегатов на означенный с'езд (л. д. 59) и обсуждением директив Центрального Комитета партии по поводу с'езда (л. д. 57).

Упомянутым IV об'единительным с'ездом окончательно утвержден был организационный устав партии. Как видно из него, членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию. Верховным органом партии является с'езд, представительство на котором имеют все утвержденные организации, по расчету одного делегата на каждые 500 человек, участвовавших в выборе делегатов (л. д. 244 об.), органом же, руководящим деятельностью различных учреждений партии, об'единяющим всю ее деятельность и представляющим партию в сношениях с другими партиями, является Центральный Комитет.

Как видно из хранившегося у обвиняемого по настоящему делу Леона Гольдмана „кассового отчета“ означенного Центрального Комитета за полугодие перваго мая по 12-е ноября 1906 года, упомянутый комитет этот располагает сравнительно значительными средствами, так за упомянутое полугодие одним Центральным Комитетом было израсходовано на конспиративные нужды свыше 50 тысяч рублей, в числе статей расхода имеется свыше 8 тысяч на типографію и изданіе нелегальной литературы, около 1300 руб. на „паспорта“, свыше 2500 руб. на расходы по упомянутому выше четвертому с‘езду, 500 руб. на побеги, свыше 2000 руб. „внесено в залоги за товарищей“ и проч. (л. д. 57 об. и 58).

Одной из крупных утвержденных организаций партии является Пермская организация, выработавшая свой местный устав. В нем значится, что Пермская организация делится на 5 районов: 1) Мотовилиха, 2) ремесленный, 3) служащих, 4) железнодорожный и 5) Заимка. Основной ячейкой организации является подрайонное собрание, организуемое по цехам или профессиям, избирающее свой подрайонный комитет и посылающее по одному делегату на каждые 10—20 членов в районное собрание, последнее, являющееся руководящим органом района, избирает в свою очередь свой комитет (район) (л. д. 244 об.). Высшим по городу Перми органом Пермской организации является обще-городская конференция, созываемая не менее одного раза в два месяца из делегатов от каждых 30 членов партии, и избирающая Пермский комитет, последний ведет дела организации и отдает отчет следующей конференции.

Из обнаруженного по обыску обвиняемой Патлых (Двиняниновой) „кассового отчета“ Пермского комитета за декабрь 1906 года видно, что за означенный месяц комитет израсходовал на конспиративные нужды свыше 1000 руб., в том числе 133 рубля на типографію (л. д. 66), упомянутая выше ликвидация части Пермской организации имела место 9-е марта 1907 г. обстоятельства же, предшествовавшие ей, выяснили показанием прислуги упомянутой Патлых (Двиняниновой), крестьянки Александры Ивановой Курочкиной, по об‘ясненію последней, она как знавшая давно всю семью Двиняниновых и пользовавшаяся полным доверием со стороны Ольги Двиняниновой была выписана последней в начале февраля 1907 года из Нижнего-Тагила в качестве няньки ее ребенка. Курочкина знала о прежней революціонной

деятельности Патлых (Двиняниновой), но последняя, будучи в Н.-Тагиле, уверила ее, что означенную деятельность она оставила. Вслед однако за приездом Курочкиной в Пермь, Патлых (Двинянинова) призналась ей, что прежнюю работу в организации она продолжает, при чем предложила Курочкиной идти вместе с ней, обвиняемой, за рабочий народ (л. д. 124 об. и 125). По вечерам Патлых (Двинянинова) читала какие-то листки, которые на ночь прятала под подушку, говоря Курочкиной, что в случае обыска листки эти необходимо сжечь (л. д. 124 об.). Вскоре к Патлых (Двиняниновой) переехал в качестве квартиранта какой то молодой человек, которого называли Александром Ивановичем, ночью Патлых (Двинянинова) что то писала с ним, после чего приказала Курочкиной зарыть в снег во дворе два завернутых в газетную бумагу пакета. Курочкина приказание исполнила (л. д. 125 об.); приблизительно неделю спустя, у квартирантов, живших в одном с Двиняниновой доме, произведен был обыск, при чем полиция разрыла бывший на дворе снег, после чего там не оказалось зарытых Курочкиной пакетов. Обстоятельство сильно напугало Патлых (Двинянинову), назвавшийся же Александром Ивановичем немедленно куда-то уехал. Спустя несколько времени, когда полиция не являлась с обыском, Двинянинова успокоилась и сказала Курочкиной, что идет на собрание, добавила, что вернется вместе с упомянутым „Александром Ивановичем“, который теперь уже называется „Артем“ (л. д. 127 об.). На следующий день Патлых (Двинянинова) опять отправилась на собрание вместе с Артемом, и по возвращении вновь велела Курочкиной зарыть в снег какие то бумаги, Курочкина исполнить однако это побоялась; в этот же вечер Патлых (Двинянинова), опасаясь прихода полиции и обыска, дала Курочкиной на сохранение большую пачку кредитных билетов, сказав, что эти деньги „святые“. Вскоре после этого назвавшийся „Артемом“ вновь уехал и Патлых (Двинянинова) сказала Курочкиной, что к ней приедет новый гость „Азарий“, хромой на правую ногу. Последний действительно явился в среду 7 марта. На следующий день Патлых (Двинянинова) вместе с „Азарием“ отправилась вечером на собрание и, вернувшись поздно вечером, вновь велела Курочкиной зарыть в снег какие то бумаги, Курочкина зарыла их в снег во дворе за баней (л. д. 131 об.) Часть этих бумаг Патлых (Двинянинова) на следующий день унесла с собой (л. д. 132), остальные же велела оставить в снегу.

Вечером приехал „Артем“, переоделся у Патлых (Двиняниновой), при чем оставил в ее квартире форменную фуражку железно-дорожного ведомства и черные брюки, вслед за тем все они (Двинянинова, „Азарий“ и „Артем“) отправились, сказав Курочкиной, что идут на собрание (л д. 132), в то же время вечером 8-го марта полицией получены были сведения, что Патлых (Двинянинова) с какими то неизвестными лицами отправилась в помещение четвертого городского народного училища, что на углу Соликамской и Торговой улиц города Перми, в виду сего к зданию упомянутого училища был отправлен наряд полиции, задержавший при выходе из училища как Патлых (Двинянинову) так и трех ее спутников, остальные, бывшие с ней лица успели скрыться (л. д. 4.239). При первоначальном допросе полиции Патлых (Двинянинова) отказалась назвать свою фамилию, остальные же трое задержанных назвали себя: Сергеем Николаевым Богоявленским, Иваном Яковлевым Симаковым и Павлом Петровым Кречетовым, в удостоверение чего представили соответствующие паспорты (л. д. 10—12, 239). При личном обыске назвавшегося Богоявленским был обнаружен мандат (удостоверение), написанный на бланке Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии с оттиском печати означенного Комитета и выданный 20 февраля 1907 года пред'явителю удостоверения „товарищу Акиму“, командированному Центральным Комитетом в организации Севера и Урала по делам созыва партийного с'езда (л. д. 57,230), вслед за тем дежуривший в Пермском городском полицейском управлении городовой Скулкин доложил помощнику пристава Смоленскому, что когда арестованный на улице Богоявленский был временно отправлен в помещение городского полицейского управления, он в присутствии свидетеля сел в дежурной комнате на диван, на котором лежала шинель свидетеля, вслед за тем, когда Богоявленский был уведен в Пермскую полицейскую часть для личного обыска, под упомянутой шинелью оказалось: семь экземпляров „тактической платформы“ К предстоящему 5 с'езду Р.С.-Д.Р.П., экземпляр упомянутого выше „кассового отчета“, резолюция об отношении партии к Государственной Думе (л. д. 222, 57 и 58). При личном обыске задержанного, назвавшегося Семаковым, обнаружена памятная книжка с шифрованной записью партийных адресов (л. д. 11, 86 и 211); в тот же вечер 9-го марта помощником уездного исправника Косевичем произведен был в помещении Патлых (Двиняниновой) обыск, при чем в квартире ее обнару-

жены: литература социал-демократической рабочей партии, в том числе „доклад„ об упомянутом выше об'единительном с'езде Р.С.-Д.Р.П, корзина с бельем „Азария“ и черные брюки „Артема“ (л. д. 51, 62 и 221). Во время обыска названная прислуга Патлых (Двиняниновой) Курочкина указала полиции то место во дворе за баней, где она по приказанию своей хозяйки зарыла бумаги, в означенном месте действительно был обнаружен сверток бумаг (л. д. 221 и 132 об), в нем оказалось: 1) „мандат“ (удостоверение), выданный Уфалейско-Кыштымской организацией Российской социал-демократической рабочей партии товарищу „Азарию“, избранному означенной организацией 18 февраля 1907 года в качестве делегата на предстоящий пятый обще-партийный с'езд (л. д. 59), 2) лист почтовой бумаги с мастичным оттиском: „Уфалейско-Кыштымский комитет Российской социал-демократической рабочей партии“, 3) паспортная книжка на имя крестьянина Иосифа Григорьева Гилева, оказавшаяся подложной (л. д. 59 об. и 208 об.) и 4) письмо неизвестной женщины (Минны) на имя „Артема“ с сообщением новостей из партийной жизни (л. д. 60 и 221). Вслед за сим 10 марта произведен был дополнительный обыск в том же помещении Патлых (Двиняниновой), при чем была взята и приобщена к делу форменная фуражка железно-дорожного ведомства, принадлежавшая, по об'яснению Курочкиной, „Артему“ (26 и 72 об.). В квартире Патлых (Двиняниновой) был оставлен наряд полиции и Курочкина сообщила околодочному надзирателю Аристову, что в снегу должен еще находиться один сверток бумаг, зарытый раньше по приказанию Патлых (Двиняниновой), при чем высказала предположение, что полиция, разрывая снег во дворе во время обыска у соседей Патлых (Двиняниновой), могла случайно вместе со снегом перебросить за забор, и сверток, действительно в снегу за забором обнаружены были те бумаги, которые Патлых (Двиняниновa) в первый раз приказала зарыть Курочкиной (л. д. 132 об. 218), в числе этих бумаг имелись: 1) упомянутый выше „кассовый отчет“ Пермского комитета Р С.-Д Р.П. за декабрь 1906 года, 2) письмо неизвестного автора („Антона“), члена Пермской организации Р.С.-Д.Р.П., командированного по партийным делам в Ижевской завод, Сарапульского уезда, и отдававшего отчет о своей поездке, в зашифрованной части письма оказались, по расшифровании, партийные адреса в Сарапуле, Ижевском и Воткинском заводах (л. д. 63—65 и 166) и 3) рукописные

протоколы заседания Пермского комитета Р.С-Д.Р.П. от 1-го, 6-го, 9-го и 21-го января 1907 года, председательствовал в означенных заседаниях „Артем“ и Сибиряк, при чем комитетом главным образом обсуждались вопросы, связанные с избирательной комиссией в Государственную Думу второго созыва (л. д. 66—71 и 218).

При пред'явлении полицией Александре Курочкиной задержанных вместе с Двиняниновой неизвестных лиц, назвавшихся Кречетовым и Симаковым, Курочкина признала и вслед за тем подтвердила на формальном дознании, при пред'явлении ей фотографических карточек означенных лиц, что назвавший себя Кречетовым есть упомянутый в ее показании „Александр Иванович“—„Артем“, назвавший себя Симаковым есть упомянутый ею „Азарий“ (л. д. 236 об. 127 и 132).

Кроме означенных лиц, по об'яснению Курочкиной, партийной работой вместе с Патлых (Двиняниновой) занимались еще: служивший рассыльным в банке крестьянин Георгий Иванов Мальцев, служащий на железной дороге Аркадий Васильев Трефилов и какой то неизвестный человек с кличкой „Сибиряк“. С Мальцевым Патлых (Двиянинова) читала вслух какие-то листки, в которых, по словам Курочкиной, значилось, что „царя не надо“ (л. д. 124 об) после же того как не оказалось бумаг, зарытых Курочкиной в снегу, Патлых (Двиянинова) послала Курочкину сообщить об этом Мальцеву, которому поручила скрыть от полиции какие то имевшиеся у него бумаги (л. д. 126 об.) незадолго до ареста Патлых (Двиянинова) составляла с Мальцевым какой то отчет и шифрованные записки (л. д. 129 об и 130). Трефилов же заходил к Двиняниновой, о чем то с ней совещался, при чем Патлых (Двиянинова) называла его „Пашей“ (л. д. 133 об.), к „Сибиряку“ Патлых (Двиянинова) послала Курочкину с письмом (л. д. 134 об.).

В виду означенных сведений о сношении Патлых (Двиняниновой), у Мальцева, Трефилова и лица, назвавшего себя Владимиром Константиновым Тележниковым и по сведениям полиции носившего в Пермской организации Р. С. Д. Р. П. кличку „Сибиряк“ (л. д. 17—34, 236 и 18), произведены были обыски, причем обнаружено следующее: у Мальцева 1) значительное количество литературы С-Д, при чем на части изданий имелись инициалы Ольги Двиняниновой (л. д. 81 и 84), 2) денежный отчет по делам организации (л. д. 80 об.) и 3) зашифрованные записки с партийными адресами

(л. д. 80, 217 и 236), у Трефилова: 1) литература С-Д, в том числе „программа занятий в кружках“, 2) записка на имя члена организации „Зеленого“, 3) запись по библиографии партии с указанием число экземпляров каждого издания (л. д. 18, 76 и 77), личности же, назвавшей себя Тележниковым, не оказалось, он уехал из Перми, поселив в своей квартире молодого человека, назвавшего себя при обыске Казимиром Грущецким и представившего соответствующий паспорт, в записной книжке у наименовавшего себя Грущецким оказались заметки об „Артеме“ и выборах на конференцию (л. д. 88 об. и 236). В занимаемом же Грущецким помещении Тележникова обнаружено значительное количество литературы С-Д—чистый паспортный бланк, партийные „явки и пароли“ (л. д. 90, 91 и 234).

Пред'явленные задержанными и назвавшими себя Кречетовым, Симаковым и Грущецким паспорты оказались подложными (л. д. 106, 161 и 146), паспорт же, пред'явленный назвавшим себя Богоявленским, оказался принадлежащим лаборанту Киевского политехнического института Сергею Николаевичу Богоявленскому и утеренным последним (л. д. 184); имеющимся в деле данными установлено, что назвавшийся мещанином Павлом Петровым Кречетовым есть крестьянин деревни Провоторовой, Сдобниковской волости, Фатежского уезда Курской губ., Федор Андреев Сергеев (л. д. 231), назвавшийся крестьянином Иваном Яковлевым Симаковым есть крестьянин села Конесова, Козинской волости, Балахнинского уезда, Нижегородской губернии, Григорий Никалаев Котов (л. д. 189), назвавшийся мещанином Казимиром Владиславовым Грущецким есть крестьянин Безмедовской деревни и волости, Харьковского уезда, Степан Александров Остапенко (л. д. 201, 198), назвавший же себя Сергеем Николаевым Богоявленским есть лишенный всех прав состояния и бежавший из Сибири ссыльно-поселенец Леон Исаков Гольдман (л. д. 55 и 204).

Вышеупомянутые: Ольга Патлых (Двинянинова), Гольдман, Сергеев, Котов, Остапенко, Мальцев и Трефилов привлечены были по настоящему делу в качестве обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу, именующему себя Российской-Социал-Демократической Рабочей партией, заведомо для них поставившей целью своей деятельности насильственное ниспровержение установленного основными законами образа правления и существующего общественного строя, все они виновными себя не признали, об'яснив:

Патлых (Двинянинова), что вещи, обнаруженные во дворе ее квартиры, ей не принадлежат, клички „Артем“ и „Азарий“ ей неизвестны (л. д. 50, 100 и 259). Гольдман что обнаруженный у него „мандат“ Центрального комитета на имя „Акима“, а равно и кличка „Аким“ принадлежат ему и что действительно приговором Одесской судебной палаты он на основании 250 ст. Улож. о наказаниях был сослан в Сибирь на поселение (л. д. 38, 94 и 253).

Сергеев—что кличка „Артем“ ему не принадлежит (л. д. 45, 98, 255).

Остапенко—что упомянутый в его записной книжке „Артем“ живет в Харькове, обвиняемый был административным порядком выслан из Харькова в Архангельскую губернию, откуда самовольно скрылся и прибыл в Пермь под фамилией Грущецкого (л. д. 52, 101, 168, 251).

Мальцев, что взятые у него вещи ему не принадлежат (л. д. 48, 99 и 269).

Котов и Трефилов от всяких об'яснений по существу дела отказались (л. д. 43, 97, 167, 260, 41, 96 и 258).

На формальном по настоящему делу дознании возникло сомнение в состоянии умственных способностей обвиняемой Патлых (Двинянинговой), причем было произведено надлежащее расследование и обвиняемая Патлых (Двинянинова) была подвергнута освидетельствованию через врачей. 13 декабря 1907 года Пермский Окружной суд, согласно заключению врачей, признал, что Ольга Патлых (Двинянинова) как в момент приписываемого ей преступления, так и в настоящее время психически вполне здорова (том II л. д. 23, 24).

Из имеющихся в деле сведений о прежней деятельности обвиняемых видно, что Ольга Патлых (Двинянинова) привлекалась в 1906 году в качестве обвиняемой в принадлежности к Пермскому Комитету Р. С. Д. Р. Причем дело в отношении ее было определением Казанской Судебной палатой производством прекращено за недостаточностью улик (л. д. 212). Гольдман в 1899 г. привлекался при Виленском Губернском Жандармском Управлении по 250 ст. Улож. о наказ. за принадлежность к Социал-Демократической Рабочей партии и отправленный на военную службу в Нижний Новгород, 31 января 1906 года на станцию „Вильна“ бежал от сопровождавшего его воинского конвоя (л. д. 169), вслед за тем приговором Одесской Судебной Палаты от 3-го и 4-го ноября 1903 года Гольдман был на основании 2 ч. 250 ст. Улож. нак. лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь на поселение, откуда

скрылся 16 апреля 1905 года, о побеге Гольдмана из Сибири ведется предварительное следствие Судебным Следователем 2-го участка города Перми по признакам 1 ч. 313 ст. Улож. о наказ. (л. д. 169, 204, об. 267 и 269).

Котов привлекался в 1904 году при Нижегородском Губернском Жандармском Управлении по 2 ч. 252 ст. Улож о наказ., каковое дознание по Высочайшему повелению, от 28-го августа 1904 года, разрешено было с подчинением Котова гласному надзору полиции на три года, в декабре 1907 года Судебным Следователем Нижегородского Окружного Суда по важнейшим делам закончено производство предварительного следствия по обвинении того же Котова в убийстве и в покушении на убийство, имевших место во время беспорядков в Нижнем-Новгороде в июле 1905 года (л. д. 220, 249 и об) Остапенко в сентябре 1906 года был, как вредный для общественного спокойствия, выслан из Харькова под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, откуда скрылся в начале 1907 года и разыскивается начальником Архангельского Губернского Жандармского Управления (л. д. 200). По сообщению же Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда об Уфалейско Кыштымском комитете Р. С. Д. Р. П. производится предварительное следствие Судебным Следователем Екатеринбургского Окружного суда по важнейшим делам (л. д. 247).

На основании изложенного: 1) лишенный всех прав состояния ссыльно-поселенец Леон Исаков Гольдман, 30 лет, 2) дочь священника Ольга Ивановна Патлых (рожденная Двинянинова), 30 лет, 3) крестьянин деревни Провоторовой, Сдобниковской волости, Фатежского уезда, Курской губернии Федор Андреевич Сергеев, 24 лет, 4) крестьянин села Копосова Козинской волости, Балахнинского уезда, Нижегородской губернии, Григорий Николаев Котов, 21 года, 5) крестьянин Бездомовского села и волости, Харьковского уезда и губернии, Степан Александров Остапенко, 22 лет, 6) крестьянин деревни Воробьевской, Кизеловской волости, Котельнического уезда, Вятской губернии, Георгий Иванов Мальцев, 26 лет, и 7) сельский обыватель Серебрянского завода и волости Кунгурского уезда, Пермской губернии, Аркадий Васильев Трефолов, 25 лет, обвиняются в том, что в начале 1907 года состояли участниками в сообществе, которое, именуя себя Российской Социал-Демократической рабочей партией, заведомо для обвиняемых поставило целью своей деятельности: насильственное ниспровержение посредством вооружен-

ного народного восстания установленного основными законами образа правления, лишение Государя Императора верховной власти и учреждений в России демократической Республики и 2) насильственное низвержение существующего общественного строя с заменою его новым, установленным на началах социализма, при чем в январе для осуществления означенной преступной цели упомянутого сообщества и в качестве членов таковаго, из них обвиняются:

Гольдман, носивший в организации кличку „товарищ Аким", был командирован Центральным комитетом Р. С. Д. Р. П. в Пермскую организацию означенной партией по делам предстоящего пятого обще-партийного с'езда, и в момент задержания в городе Перми имел в своем распоряжении литературу Центрального комитета, в том числе семь экземпляров „тактической платформы" по упомянутому с'езду и, как удостоверение своей принадлежности к партии, „мандат" Центрального комитета от 20-го февраля 1907 года на имя „товарища Акима".

Ольга Патлых (рожденная Двинянинова) устраивала в своей конспиративной квартире в городе Перми собрания членов организации, посещала собрания партии, составляла отчеты по ее делам и хранила у себя литературу партии, в том числе протоколы заседаний Пермского комитета от 1, 6, 9 и 21 января 1907 года и „мандат", выданный Уфалейско-Кыштымским комитетом Р. С. Д. Р. П. „товарищу Азарию", командированному на упомянутый пятый общепартийный с'езд.

Котов носил в партии кличку „Азарий", был командирован Уфалейско-Кыштымской организацией Р. С. Д. Р. П. в качестве делегата на пятый общепартийный с'езд, в удостоверении чего получил упомянутый выше „мандат" от 18-го февраля 1907 года, подписанный секретарем Уфалейско-Кыштымского комитета „Егором", имел в своем распоряжении шифрованные партийные адреса и вместе с обвиняемой Патлых (Двиняниновой) посещал собрания партии в городе Перми и составлял отчеты по ним.

Сергеев носил в организации кличку „Артем", вместе с обвиняемой Патлых (Двиняниновой) посещал собрания партии в Перми и составлял отчеты по ним.

Мальцев имел в своем распоряжении литературу партии, в том числе шифрованные записки и денежные отчеты, вместе с обвиняемой Патлых (Двиняниновой) посещал собрания и составлял отчеты по ним.

Остапенко, живший на квартире скрывшегося из организации, именовавшего себя Тележниковым (кличка „Сибиряк“), имел в своем распоряжении записи по делам партии, между прочим, заметки, касающиеся упомянутого выше „Артема“, Трефилов имел в своем распоряжении литературу партии, в том числе програму кружковых занятий и хранил партийные записи.

Означенное тяжкое преступление предусмотрено 1 ч. 102 и 1 126 Угол. Улож.

Вследствие чего на основании 2 п. 1032 ст. уст. Угол. суд. названные: лишеный всех прав состояния Леон Исаков Гольдман, дочь священника Ольга Ивановна Патлых (Двинянинова), сельский обыватель Аркадий Васильевич Трефилов и крестьяне Фодор Андреев Сергеев, Григорий Николаев Котов, Степан Александров Остапенко и Георгий Иванов Мальцев подлежат суду Особого Присутствия Казанской Судебной палаты с участием сословных представителей.

СПИСОК.

Обвиняемые.

1) Гольдман Леон Исаков л. д. 94 и 253. Николаевское исправительное арестанское отделение.
2) Сергеев Федор Андреевич л. д. 98 и 255.
3) Остапенко Степан Александров л.д. 168 и 251.
4) Котов Григорий Николаев л. д. 167 и 260. Нижегородская губ. тюрьма.
5) Патлых (урожденная Двинянинова) Ольга Ивановна л. д. 100 и 259. Город Пермь.
6) Трефилов Аркадий Васильевич л. д. 96 и 258.

Свидетели:

1) Курочкина Александра Ивановна л. д. 124. Нижний Тагил.
2) Косевич Василий Лукояпович л. д. 221. Город Пермь.
3) Каменский Владимир Михайлович л. д. 236 Село Богородское Красноуфимского уезд.
4) Аристов Василий Иванов л. д. 218. Город Пермь.
5) Смоленский Агапит Львов л. д. 238. Город Кунгур.
6) Скулкин Илья Михайловичь л. д. 222. Город Пермь.

Копия.

ПРИГОВОР.

1909 года сентября 15 дня, по указу Его Императорского Величества Казанская Судебная Палата, по Особому Присутствию, в публичном судебном заседании в городе Перми под председательством Председателя Д-та Л. С. Дравэрт, в составе членов Палаты В. Б. Бера, Г. П. Завьялова, П. П. Торопограцкого, при участии сословных представителей и. д. Председателя Пермской Губернской Земской Управы Е. Д. Калугина, Пермского Головы П. А. Рябинина и Волостного Старшины Верхне-Муллинской волости Пермского уезда И. М. Костарева при помощнике секретаря П. М. Филиппове и в присутствии Товарища Прокурора Судебной Палаты А. А. Томсон.

Слушала: Дело о лишенном всех прав состояния ссыльно-поселенце Леоне Исакове Гольдман, дочери священника Ольге Ивановой Патлых (урожденной Двиняниновой), крестьянах Федоре Андрееве Сергееве, Григории Николаеве Котове, Степане Александрове Остапенко, Григории Иванове Мальцеве и сельском обывателе Аркадии Васильеве Трефилове, обвин. по I ч. 102 ст. Уголовного Уложения.

На решение Особого Присутствия Казанской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, относительно виновности подсудимых были поставлены следующие вопросы:

1. Виновен ли подсудимый, лишенный всех прав состояния, ссыльно-поселенец Леон Исаков Гольдман 30 лет, в том, что в начале 1907 года состоял участником сообщества, которое, именуя себя Пермской организацией Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, заведомо для него, поставило целью своей деятельности насильственное ниспровержение посредством вооруженного народного восстания, установленного основными законами образа правления, и учреждение в России Демократической республики, а также насильственное ниспровержение существующего общественного строя с заменою его новым, установленным на началах социализма, при чем в видах осуществления означенной преступной цели упомянутого сообщества и в качестве члена такового, он, Гольдман, под именем „товарища Акима“ был командирован Центральным Комитетом Российской Социал-Демократической рабочей партии в Пермскую организацию этой партии по делам пред-

стоявшего пятого обще-партийного с'езда и в момент задержания его в городе Перми имел в своем распоряжении кассовый отчет Центрального Комитета этой партии с 1-го мая по 1 ноября 1906 года, проэкт резолюции об отношении к Государственной Думе, „семь экземпляров" „тактической платформы" по упомянутому с'езду, и как удостоверение своей принадлежности к сообществу, „мандат" Центрального Комитета от 20 февраля 1907 года на имя „товарища Акима".

2. Виновна ли подсудимая дочь священника Ольга Иванова Патлых, (по мужу) урожденная Двинянинова, 30 лет, в том, что в начале 1907 года состояла участницей описанного в первом вопросе сообщества, заведомо о его цели, при чем в видах осуществления последней и в качестве члена сообщества, устраивала в своей конспиративной квартире в городе Перми собрания членов организации, посещала собрания сообщества, составляла отчеты по его делам и хранила у себя литературу сообщества, в том числе протоколы заседаний Пермского Комитета от 1, 6, 9 и 21 января 1907 года, „мандат" выданный Уфалейско-Кыштымским Комитетом Российской Социал-Демократической рабочей партии „товарищу Азарию", командированному на предстоявший пятый обще-партийный с'езд.

3. Виновен ли подсудимый крестьянин Балахнинского уезда Козлинской волости, села Копосова, Григорий Николаев Котов, 21 года, в том, что в начале 1907 года состоял участником описанного в первом вопросе сообщества, заведомо о его цели, при чем в видах осуществления последней и в качестве члена сообщества, он под именем „товарища Азария" был командирован Уфалейско-Кыштымской организацией Российской Социал-Демократической рабочей партии в качестве делегата на пятый обще-партийный с'езд, в удостоверении чего получил выше упомянутый „мандат" от 18 февраля 1907 года, подписанный секретарем Уфалейско-Кыштымского Комитета „Егором", имел в своем распоряжении шифрованные партийные адреса и посещал собрания сообщества в городе Перми и составлял отчеты по ним.

4. Виновен ли подсудимый крестьянин Фатежского уезда, Здобниковской волости, деревни Провоторовой, Федор Андреев Сергеев, 24 лет, в том, что в начале 1907 года состоял участником описанного в первом вопросе сообщества, заведомо о цели последнего, при чем в видах осуществления этой

цели, он в качестве члена сообщества, и называясь конспиративным именем „Артем“, посещал сообщества в г. Перми и составлял отчеты по ним.

5. Виновен ли подсудимый крестьянин Харьковского уезда, Безлюдовской волости и села, Степан Александров Остапенко, 22 лет, в том, что в начале 1907 года состоял участником описанного в первом вопросе сообщества, заведомо о цели последнего, при чем в видах осуществления ее и в качестве члена сообщества, проживая на квартире скрывшагося члена Пермской организации, именовавшего себя Тележниковым и конспиративным именем „Сибиряк“, имел в своем распоряжении записи по делам сообщества и между прочим заметки, касающиеся упомянутого в четвертом вопросе „Артема“.

6. Виновен ли подсудимый крестьянин Кунгурского уезда, Серебрянской волости и завода, Аркадий Васильев Трефилов, 25 лет, в том, что в начале 1907 года, состоял участником описанного в первом вопросе сообщества, заведомо о его цели, при чем в видах осуществления этой цели и в качестве члена сообщества, он имел в своем распоряжении литературу сообщества, в том числе программу кружковых занятий и хранил партийные записи.

На вопросы эти Особое Присутствие Судебной Палаты дало ответы на первые четыре, на каждый из них „да виновен“, а на пятый и шестой „нет не виновен“. Деяния, описанные в первых четырех вопросах, из коих подсудимые Леон Исаков Гольдман, Ольга Иванова Двинянинова (по мужу Патлых), Григорий Николаев Котов и Федор Андреев Сергеев признаны виновными, составляют преступления, предусмотренные, каждое из них 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. и наказуемые каторгою не свыше 8 лет по 16 ст. того же Угол. Уложения.

Находя нормальное наказание в отношении означенных подсудимых слишком строгим, Особое Присутствие Судебной Палаты, в применении к ним наказания, полагает справедливым, по обстоятельствам дела, руководствуясь 3 и 53 ст. Угол. Улож., перейти к 17 ст. того же Улож. и назначить каждому из них ссылку на поселение с указанными последствиями по 28, 29, 30, 34 и 35 ст. ст. Угол. Улож.

Прежде сего подсудимый Гольдман, лишенный приговором Одесской Судебной Палаты от 3—4 ноября 1903 года всех прав состояния, был

осужден приговором Казанской Судебной Палаты от 11 Февраля 1907 года к обращению в каторжные работы на три года по 1 ч. 313 ст. Улож. о нак., и 1 ч. 4 п. § 2 ст. 445 т. XIV Устава о ссыльных.

По совокупности совершенных преступлений, состоявшийся сего числа приговор в отношении личной ответственности подсудимого Леона Исакова Гольдман следует оставить без исполнения, в виду постановленного о нем приговора Казанской Судебной Палаты от 11 февраля 1909 года, определившего Гольдману более строгое наказание, согласно 5-ой статьи приложения к стат. 1 (примеч.) и 152 ст. Улож. о нак. Он, Гольдман, подлежит наказанию, определенному этим последним приговором.

Подсудимые же Степан Остапенко и Аркадий Васильев Терефилов, как признанные невиновными по недоказанности пред'явленного к ним обвинения преступлений, предусмотренным 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. должны считаться оправданными по суду за силою 1 п. 771 Уст. Угол. Суд.

Судебные издержки, согласно 976, 977, 993 и последней статьи Уст. Угол. Суд., надлежит взыскать со всех осужденных поровну с круговою их друг за друга ответственностью, а при их несостоятельности, таковые следует принять на счет казны.

Вещественные доказательства должны быть оставлены при настоящем деле, за неразрешением его в отношении подсудимого Георгия Иванова Мальцева.

По сему и на основании 776, 3 и 1 п.п. 771 и 766 ст. Уст. Угол. Суд., Особое Присутствие Казанской Судебной Палаты

ОПРЕДЕЛЯЕТ: подсудимых лишенного всех прав состояня ссыльно-поселенца Леона Исакова Гольдман, 30 лет, дочь священника Ольгу Иванову Двинянинову (по мужу Патлых), 30 лет, крестьянина Балахнинского уезда Нижегородской губернии, Козинской волости, села Копосова, Григория Николаева Котова, 21 года, и крестьянина Фатежского уезда Курской губернии, Сдобниковской волости, деревни Провоторовой, Федора Андреева, Сергеева, 24 лет, признав виновными, возведенном на них преступлении, на основании 1 пун. 102 ст., 16 ст. 53 ст., и 17 ст., Угол. Улож. по лишении Двинягиновой (Патлых), Котова и Сергеева прав состояния по 25 ст. Улож., а Гольдмана, как уже лишенного всех прав, сослать на поселение,

с последствиями по 28, 29, 30, 34 и 35 ст. того же Улож. и возложить на них судебные по делу издержки поровну и со взаимною друг за друга ответственностью. Вещественные доказательства оставить при деле. По вступлении настоящего приговора в законную силу, таковой в отношении личной ответственности подсудимого Леона Гольдмана оставить без исполнения, в виду состоявшегося о нем приговора Казанской Судебной Палаты 11 февраля 1909 года, согласно пятой статьи приложения к статье первой (примечания) Улож. о нак. и 152 ст. того же Уложения. Подсудимых же крестьян Харьковского уезда, Безлюдовской волости и села, Степана Александрова Остапенко, 22 лет, и Кунгурского уезда, Серебрянской волости и завода, Аркадия Васильева Трефилова, 25 лет, признав в возведенном на них преступлении невиновными, по недоказанности обвинения, на основании 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд. считать оправданными по суду. Подлинный за надлежащим подписом и скрепою.

С подлинным верно:

За пом. секретаря *Покровский*.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К АРТЕМУ.

Копия с письма без подписи, Пермь, от 6-го июля 1908 г. к Екатерине Феликсовне Мечниковой, в Москву 3 й Троицкий пер., дом Филипповых квартира 1.

При нем приложение с подписью Ф.

Федор Андреевич просит передать следующее: деньги и книги, посланные на прокурора, им же отосланы обратно, ибо нужно посылать не на прокурора, а прямо на то лицо, которому посылается, т. е. в Николаевку.

Выписка из приложения.

Дорогая Ал. Вол., мне кажется, что представится случай отправить вам еще писульку. Никак не могу добиться узнать, что с Вами. Что Вы были в положении, анологичном с моим, это я слыхал; что вы думали перебраться в Тоболку,—тоже. Мне это передавали в июле шедшие из Москвы тверитянки с.-р. Про историю в участке я слыхал раньше; а сейчас не знаю, где Вы и что с Вами. Вы напрасно пишете такие лаконические письма. Если

Вы опасаетесь меня скомпрометировать, то беспокойство совершенно напрасное: больше не скомпрометируете, чем есть. Хотя то, что есть — имеет пока самую относительную ценность. То, что я уклонился когда-то от воинской повинности — это знают. Предполагают, что был знаком с двумя тремя лицами, что прозывался различными именами, то-есть меня называли, а не я сам себя называл. А больше ничего достоверного. То же, что они добывают подпольными путями — это не скоро увидит свет гласности и у меня книга за семью печатями. Под впечатлением последних приговоров, я приговорил уже себя к каторге. Посылаю это письмо опять окольными путями хотя не вполне уверен, что Вы его получите скоро. Горький опыт убедил меня в том, что такие окольные пути организуются для нас так же охранным отделением. Сколько народу уже попалось на эту удочку. Вы знаете из моих прежних писем, что прямых улик против меня нет. По косвенным я скорее лбовец или социал-демократ. При этом косвенные данные основаны на совершенно лживых показаниях прислуги о действиях ее хозяйки, которую судебная экспертиза признала психически ненормальной. Она стояла во главе дела, но теперь выделена. Я не знаю, как из нас состряпают сообщества. Выяснено, что мы не знали? в Перми, один обвиняется как член Ц.К. (Гольдман), другой как делегат на Областном с'езде от какого-то завода, расположенного верст за 400—500 от Перми, за Екатеринбургом. При чем единственная свидетельница показывает, что он прибыл за день до ареста: а ее показания — это показания охранного отделения, которым она или подкуплена или запугана. Месяца через полтора два меня перевезут в Пермь. Каторги, наверное, дадут лет пять. Марья уехала в Архангельск, а теперь, я думаю, она уже в ваших краях. Если найдете возможность, напишите мне по адресу, который Вам напишут: только не называйте по имени и не подписывайтесь. Два раза подряд вместо палаты приезжал карательный отряд под начальством ст. пр. палаты Кривцева. Есть маленькое основание предполагать, что в сентябре его не будет, к тому же говорят, что хуже его не может быть никого. Привет Борису Васильевичу. Как на нем отразился происходящий кризис? Его книги я все еще не могу получить. Пусть напишет несколько строк.

НАЧАЛЬНИК
Пермского Охранного
Отделения.

3-го *марта 1909 г.*
№ 485.
Г. Пермь.

На № 561.
К № 387.
По району.

Совершен. секретно.

Доношу, что в настоящее время в тифозном бараке Александровской больницы находятся 19 человек политических и уголовных арестантов, для окарауливания которых имеется 5 постов уездных полицейских стражников.

Из арестантов особенно тщательное наблюдение стражниками установлено за Иваном Лапшиным и Федором Сергеевым, как наиболее способными устроить побег.

Ротмистр

Начальнику Пермского Губернского Жандармского Управления.

Копия выписки из письма Артема. *)

Миша. Не отвечал тебе довольно долго, потому что работа носила бешеный темп в последнее время. Мы сделали все, что было возможно: мы придерживались везде определ. больш. принципов и результаты получались блестящие. Наша группа партийная небольшая по численности (20% губ. выборщ., около 40 из 200), самая сильная из парт. групп не провела ни одного черносотенца.

Мы шли везде без всяких соглашений. А я теперь опять в район. Люблю я эту работу, в ней все. Я до последнего времени посвятил много сил Мотовилихе. Там были сильны с. р. и слабы мы. Теперь с.-р. там ничтожны, мы все. Публика подобралась хорошая, так что провокации здесь делать нечего. Публика не побоится идти на виселицу. Сейчас думаю уехать на Шухт. заводы на некоторое время. Работы там много, а порядка нет. Предстоит с'ездовская кампания, думать об отдыхе нельзя. Полиция сбилась с ног, на каждом собрании выступают все новые и новые и так до самого конца. Я не выборщик. Парламентеры будут у нас великолепные и наш

*) По всем данным это письмо принадлежит Артему, поэтому мы его и помещаем, но все же окончательно можно выяснить в том случае если найдется где-либо подлинник письма.—Ред.

кандидат от рабочих, конечно, не то, что был в первой думе Рамишвили. Это рабочий выдержанный большевик*) вышколен 5-ти летней работой в организации, человек более дерзкий на языке, чем Аладьин и преданный интересам с.-д. больше чем все меньшевики, взятые вместе.

При настоящей бедности в работниках нечего думать о моем от'езде с Урала.

Копия прошения отца Артема.

Пермскому Жандармскому Управлению.

Государственного крестьянина Андрея Арефьева Сергеева, живущего в Тургайской области в поселке Ак-Булак Актюбинского уезда, Елецкой волости.

Прошение.

Родной сын мой Федор Андреев Сергеев в числе других молодых людей в феврале месяце прошлого 1907 года был арестован административной властью, находился сначала в Пермской тюрьме, а ныне в Николаевском исправительном отделении Верхотурского уезда. За лишением свободы моему сыну более года я 58-ми летний при семействе: жене 52 года, теще 75 л., и тетке 71 год, без рабочих рук к существованию хотя я поселился в поселке Ак-Булак на казенной земле, но обрабатывать некому. В виду изложенного и принимая во внимание долгосрочного содержания моего сына Федора в тюрьме, отчего, как он пишет ко мне в своих письмах, сделался не здоровым.

Я всепочтительнейше прошу жандармское управление ускорить суд над моим сыном, если же этого сделать скоро невозможно, то прошу выслать его под мое родительское попечение, о чем прошу известить меня.

1908 года апреля 4 дня крестьянин Андрей Арефьев Сергеев.

На прошение наложена резолюция: Препроводить прокурору Окр. Суда в дополнение переписки с дознанием Сергеева, Гольдмана и др., о чем уведомляю. (Подпись не разбор.).

---

*) По всей вероятности речь идет о т. Шпагине. Ред.

Копия прошения сестры Артема.

Его превосходительству Господину Прокурору Пермского Окружного Суда.

Жены землевладельца Екатеринославского уезда Дарии Андреевны Черницы.

П р о ш е н и е.

В феврале месяце 1907 года арестован в городе Перми мой родной брат бывший студент Московского Императорского Технического училища Федор Андреевич Сергеев, по наведенным мною справкам, мой брат арестован за проживательство по чужому виду, но обвинения к нему до сих пор никакого не пред'явлено, а между прочим он содержится в Николаевском исправительном арестантском отделении в городе Перми целый год. Прошу распоряжения Вашего превосходительства о скорейшем пред'явлении обвинения к моему брату и не отказывать уведомить меня: не обвиняется ли он в чем либо другом, при возможности отдачи его на поруки я могла бы принять его.

Дария Черница.

Адрес мой: Владимирский хутор в районе 2-го стана Екатеринославского уезда.

На прошение наложена резолюция: Об'явить, что с ходатайством должен обращаться сам обвиняемый, которому и подлежит об этом просить. (Подпись не разбор.).

Копия.

Обвинительный акт

о дочери священника Екатерине Георгиевой Морозовой и дочери сельского обывателя Лидии Николаевой Сюзевой и мещанине Илье Козьмине Овчинникове.

3 августа 1906 года в городе Перми, по Вознесенской улице, в доме № 62—34, чинами полиции произведен был обыск, причем во дворе в сарае, занимаемом мещанином Ильей Козьминым Овчинниковым, обнаружена была вполне оборудованная тайная типография, с ассортиментом шрифта, типографской „кассой“, валиками и прочими принадлежностями для печатания,

в том числе готовой строкой набора „Типография Пермского Комитета“. В станке оказался зажатым набор прокламации „Манифест ко всему Российскому крестьянству“ и рядом лежало 714 отпечатанных экземпляров означенной прокламации; в бумажной же папке оказался готовый набор прокламаций „Народу от народных представителей“ (Выборгское воззвание); независимо от того, в том же помещении обнаружены отпечатанные экземпляры и рукописи прокламаций: „Резолюция Пермского Комитета“, и „Манифест к армии и флоту“, все издания „Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

Того же 3-го августа 1906 г. чинами полиции произведен был обыск в общей квартире дочери священника Екатерины Морозовой и дочери сельского обывателя Лидии Сюзевой, при чем обнаружено, между прочим, следующее: у Морозовой в комоде и ящиках стола макулатурный оттиск упомянутой выше „Резолюции Пермского Комитета“, печатный,—в роде пробного,—экземпляр упомянутой выше прокламации „Народу от народных представителей“, и рукопись „Манифест к армии и флоту“, в постели же под матрацем: Отчёт Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии за май 1906 г. и резолюция от 22 июля 1906 г. пермских работников Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У Сюзевой кроме революционных стихотворений, письмо—адресованное ей, и подписанное „Друг ваш С.“ автор которого, повидимому, социалист-революционер, сообщает Сюзевой некоторые сведения о своей деятельности.

В первых же числах августа 1906 г. в расположении лагеря части Ирбитского Резервного Баталиона, близ города Перми подобрано нижними чинами 25 экземпляров прокламаций „Манифест к армии и флоту“—издание того же Пермского Комитета.

Допрошенные на формальном дознании и предварительном следствии свидетели Николай Боровской и Гарифулла Халитов удостоверили, что Лидия Сюзева посещала Илью Овчинникова, жившего летом сего года в упомянутом выше сарае, где помещалась тайная типография, причем Сюзева была у него последний раз незадолго до обыска. Показаниями же свидетельницы Поповой Татьяны установлено, что летом сего года Екатерину Морозову посещал Илья Овчинников.

Произведенными на предварительном следствии экспертизой и допросом сведующих лиц установлено, что обнаруженный в квартире Морозовой и Сюзевой черновик прокламации „Манифест к армии и флоту“ написан почерком схожим с почерком Сюзевой, причем по сличении означенного черновика с печатными прокламациями, подобранными в черте лагеря Ирбитского Резервного Баталиона, оказалось, что в рукописном и печатных экземплярах имеется в одних и тех же словах одинаковые грамматические ошибки в правописании.

Допросом же эксперта, фактора губернской типографии, установлено, что обнаруженные в сарае, где помещалась типография Овчинникова, 714 экземпляров „Ко всему Российскому крестьянству“ отпечатаны были в упомянутой выше типографии; по заключению того же эксперта, обнаруженный в квартире Морозовой и Сюзевой печатный экземпляр прокламации „Народу от народных представителей“ представляет оттиск набора, обнаруженного в сарае, Овчинникова, с какового набора, по словам, эксперта, было уже отпечатано множество экземпляров; обнаруженный же в квартире Морозовой и Сюзевой макулатурный оттиск прокламации „Резолюция Пермского Комитета“, найденные в типографии Овчинникова прокламации под этим названием, а равно подобранные в лагере прокламации „Манифест к армии и флоту“ отпечатаны, по заключению эксперта, типографским шрифтом, обнаруженным в сарае у Овчинникова.

Осмотром программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии установлено, что означенная партия, ставя конечной целью своей деятельности замену капиталистических производственных отношений социалистическими, ближайшею своей политической задачей признала „низвержение царского самодержавия“ и замену его демократической Республикой, конституция которой обеспечивала бы „самодержавие народа“, полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, национальности, уничтожение сословий, вообще равное, прямое и тайное избирательное право и т. д.

Выставляя, затем, ряд положений по вопросам специально-экономическим партия включает в свою программу поддержание всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России политического и общественного строя.

Мещанин Илья Козьмин Овчинников, скрывшийся в день обнаружения у него упомянутой тайной типографии, был задержан лишь 21-го марта 1907 года.

Привлеченные к делу в качестве обвиняемых в принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельности ниспровержение в государстве государственного и общественного строя, Илья Овчинников, Екатерина Морозова и Лидия Сюзева от отдачи каких-либо объяснений по делу отказались.

На основании изложенного пермский мещанин Илья Козьмин Овчинников 28 лет, дочь священника Екатерина Георгиевна Морозова 24 лет и дочь сельского обывателя Лидия Николаевна Сюзева, 25 лет, обвиняются в том, что в августе 1906 года в гор. Перми состояли членами местного комитета преступного сообщества, которое, именуя себя „Российской Социал-Демократической Рабочей Партией“, заведомо для них в видах установления в России социалистического строя, поставили целью своей деятельности достижение государственного переворота, низвержение монархии и утверждение демократической республики, причем названные Овчинников, Морозова и Сюзева в тайной типографии упомянутого Пермского Комитета, находившейся в г. Перми, на Вознесенской улице, в доме того же Овчинникова печатали прокламации и воззвания, возбуждающие к достижению упомянутой выше преступной цели сообщества.

Означенное тяжкое преступление предусмотрено 1 ч. 126 ст. Угол., Улож., вследствие сего и на основании 2 п. 1032 ст. Уст. Угол. Судопр., названные Илья Козьмин Овчинников, Екатерина Георгиева Морозова и Лидия Николаева Сюзева подлежат суду Особого Присутствия Казанской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен 17 апреля 1907 года в г. Казани. Подлинный подписал товарищ Прокурора Казанской Судебной Палаты Покровский.

С подлинным верно

Пом. секретаря

Список

лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Обвиняемые: 1) Овчинников Илья Козьмин.
2) Морозова Екатерина Георгиева.
3) Сюзева Лидия Николаева.

Свидетели: 1) Яковлев Василий Николаев.
2) Бобровский Николай Егоров.
3) Халитов Гарифулла Гайнуллов.
4) Попова Татьяна Семенова.
5) Карасевич Иван Петрович.

Эксперты: 1) Фактор Губернской типографии Мигаев.
2) Секретарь Уездного Полицейского Управления Зенков.

Подлинный подписал Товарищ Прокурора Палаты Покровский.

Приговор.

1907 года мая 21-го дня, по Указу Его Императорского Величества, Казанская Судебная Палата, по особому присутствию, в публичном судебном заседании в г. Перми, под председательством Старшего председателя А. Н. Кривцева, в составе членов Палаты В. Б. Бера, Н. А. Тимофеева, П. Ю. Верт при участии сословных представителей заст. место Председателя Пермской Губернский Земской Управы А. А. Клепинина, Пермского Городского Головы Рябинина, Волостного Старшины Верхне-Муллинской волости Пермского уезда А. Ф. Калинина, при исп. об. помощника секретаря Н. Я. Леонтьеве и в присутствии товарища Прокурора Судебной Палаты И. Ф. Покровского.

Слушали: дело о дочери священника Екатерине Георгиевой Морозовой и др., обвиняемых по I ч. 126 ст. Угол. Улож.

Рассмотрев, по выслушании судебного следствия и заключительных прений сторон, все обстоятельства настоящего дела, как они были установлены на судебном следствии, Особое Присутствие Судебной Палаты признало виновным подсудимого пермского мещанина Илью Козьмина Овчинникова, 28 лет, в том, что в августе 1906 г. в городе Перми состоял членом местного комитета преступного сообщества, именующего себя „Российской Социал-Демократической Рабочей Партией“, которое, как было известно ему, подсудимому, в видах установления в России социалистического строя, поставило целью своей деятельности достижение государственного переворота, низвержение монархии и утверждение демократической республики, работал в тайной типографии сказанного комитета, находившейся в городе Перми, на Вознесенской улице, по отпечатанию прокламаций и воззваний, возбуждающих по своему содержанию к достижению помянутой выше преступной цели того сообщества. Вместе

с этим в отношении подсудимых дочери священника Екатерины Георгиевой Морозовой, 24 лет, и сельской обывательницы Добрянского завода Лидии Николаевой Сюзевой, 25 лет, преданных, как и подсудимый Овчинников, суду по обвинительному акту в совершении того же самого, описанного выше, преступного деяния, Особое Присутствие Судебной Палаты нашло, что данные дела, обнаруженные при судебном следствии, не представляют из себя достаточного материала для признания доказанным предъявленного к подсудимым Морозовой и Сюзевой обвинения и потому сомневаясь в виновности сих подсудимых, их следует признать невиновными, а потому, на основании 1 п. 771 ст. Угол. Уст. Суд., считать их по суду оправданными.

Определяя же ответственность по закону подсудимому Овчинникову, за то преступное деяние, в котором он обвинен, следует это его деяние, по фактическим его признакам, отнести к преступлению, указанному в I ч. 126 ст. Угол. Улож., и, по силе которой, виновные наказываются каторгой не свыше восьми лет (16 ст. Угол. Улож.), или же установленною ст. 17 того же Уложения ссылкою на поселение. Поэтому выбирая одно из этих наказаний для Овчинникова и находя по обстоятельствам дела справедливым избрать последнее из них, в то же время при наличности уменьшающих вину подсудимого Овчинникова обстоятельств, его следует признать заслуживающим снисхождения и потому, на основании 3 п. 53 ст. Угол. Улож. заключению крепости, к которому таким образом и приговорить Овчинникова, причем срок его заключения назначить ему в размере одного года и шести месяцев. Усматривая же из имеющихся в деле сведений, что подсудимый Овчинников, приговором Казанской Судебной Палаты, 23 мая 1906 года, состоявшимся и вошедшим в законную силу, но не приведенным еще в исполнение, приговорен к заключению в крепости на один год, следует соответственно правилам, установленным 62 и 66 ст. Угол. Улож., это наказание присоединить к тому наказанию, к которому приговорен Овчинников настоящим о нем приговором, кроме того на него по 976 ст. Уст. Угол. Суд. должны быть возложены судебные по делу издержки. Что же касается вещественных при деле доказательств (опись их в дознании, произвед. жандармским Полковником Байковым), то из числа их отобранные от подсудимого Овчинникова деньги в сумме 1 р. 67 к. и искусственная челюсть подлежат возвращению, по принадлежности, Овчинникову, а два письма, отобранные у подсудимой Сюзевой, этой

последней, все же прочие предметы, на основании Угол. Улож., следует истребить.

По всем этим соображениям, Особое Присутствие Казанской Судебной Палаты определяет: 1) подсудимых, дочь священника Екатерину Георгиеву Морозову, 24 лет, и обывательницу Добрянского завода Лидию Николаеву Сюзеву 25 лет, на основании 1 п. 771 ст. Угол. Уст. Суд., считать по сему делу оправданными по суду; 2) подсудимого же пермского мещанина Илью Козьмина Овчинникова, 28 лет, на основании Угол. Улож. ст. 126, части 1, 17, 19, 53, 62 и 66, заключить в крепость на один год и на шесть месяцев с присоединением к сему наказанию, определенному ему по приговору Судебной Палаты от 23 мая 1906 года и с возложением на него судебных по делу издержек. Из вещественных доказательств челюсть и деньги возвратить Овчинникову, письмо по принадлежности Сюзевой, а остальные истребить.

Подлинный за надлежащим подписом и скрепой.

С подлинным верно: Секретарь.

Листовки Пермской организации Р.С.Д.-Р.П.

(за 1906 год).

№ 1.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На смерть товарища Кузнецова.

В битве великой не сгибнут бесследно
Павшие с честью во имя идей;
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны миллионам людей.

Во вторник, 3 января сворой палачей убит товарищ Яков Кузнецов член Пермского Комитета Р.С.-Д.Р.П. Товарищ Кузнецов ездил из Мотовилихи в город: навстречу попалась орда полицейских и солдат. Кто то из полицейских узнал героя Мотовилихинских сражений и вздумал его задержать, но Кузнецов выскочил из саней и побежал, не желая сдаться живым своим смертельным врагам. Вся орда устроила настоящую охоту и бросилась в погоню за ним. С гиганьем и криком бежали полицейские и солдаты, непрерывно стреляя из револьверов. Отстреливаясь товарищ Кузнецов спасался от опричины и бежал вперед. Он взбежал на гору, добежал уже до ее середины и тут пал, пораженный солдатской пулей.

В детстве тов. Кузнецов принимал очень деятельное участие в боях, которые в былое время часто устраивались Мотовилихинской молодежью. Отличаясь ловкостью, силой и мужеством, он был избран этой молодежью атаманом. В 1904 г. он примкнул к социал-демократической партии и сразу стал очень деятельным членом Мотовилихинской партийной организации. После июльской забастовки 1905 года он принужден был скрываться, тщательно разыскиваемый жандармерией. После 17 октября, когда правитель-

ство, побежденное народом, начало готовиться к реакции и соорганизовывать черные сотни, тов. Кузнецов принимал деятельное участие в милиции, в которой состоял десятником. Он отличался своим мужеством и распорядительностью в сражениях с казаками 13 декабря и, когда (уже после этого сражения) был образован стрелковый отряд, он был назначен его начальником. Полиция знала тов. Кузнецова, боялась и смертельно ненавидела мужественного борца за свободу.

Он пал, как зверь затравленный свирепыми „стражами порядка“, но дело, за которое он боролся, погибнуть не может. Мотовилихинский пролетариат запомнит имя своего товарища и будет продолжать до конца, до полной победы борьбу за дело, которому принес уже столько жертв.

Вместе с поэтом мы скажем:

„Не нужно ни песен, ни слез мертвецам“,
„Воздайте им лучший почет“:
„Шагайте безстрашно по мертвым телам“,
„Несите их знамя вперед“.

Вечная память павшим в борьбе за свободу.

Проклятье убийцам.

Пермский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

6 января 1906 года.

№ 2.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

О сверхурочных работах.

К мотовилихинским рабочим.

Недавно администрация Мотовилихинского завода предложила рабочим за особое вознаграждение работать сверхурочное время. К стыду рабочих о введении сверхурочных работ просили администрацию некоторые несозна-

тельные товарищи. Как же должны относиться ко всему этому сознательные рабочие? Посмотрим для этого, к чему ведут сверхурочные работы и кому они выгодны.

Положим на каком-нибудь заводе есть заказы, которые к сроку выполнить нельзя, если рабочие будут работать столько же времени, сколько работали и раньше. Администрация завода обращается тогда к рабочим с предложением начать работать сверхурочное время и работать положим не 8 часов, как раньше, а 10 часов. Допустим еще, что рабочие отказались от сверхурочных работ; что тогда получится? А то, что администрации придется нанять новых рабочих и при том не мало. Если скажем, рабочих на заводе 2000 человек и на каждого приходится по 2 часа работы, то в день сверхурочно работы было бы на 4000 рабочих часов, а чтобы выполнить их при 8-ми часовом рабочем дне, потребовалось бы 500 лишних рабочих (при 10—11 час. дне, конечно, меньше).

Таким образом,—благодаря отказу рабочих от сверхурочных работ, получили бы работу 500 безработных товарищей. А рабочие принесли бы пользы не только своим безработным товарищам, но и самим себе.

Всякому известно, что чем больше безработных приходит искать места в заводе, тем легче хозяевам и администрации сбивать расценки, потомучто, если рабочие не согласятся на уменьшение заработка, то администрации ничего не стоит их уволить и нанять новых из безработных, которые готовы работать за пониженную плату, лишь бы не умереть с голоду.

Кроме того, вздумают ли рабочие устроить стачку, они всегда скорей выиграют, если нет безработных, которые могут заступить их место во время стачки.

Отсюда каждому ясно, что, если рабочие соглашаются работать сверхурочное время, то этим они вредят своим безработным товарищам и самим себе. Но сверхурочные работы вредны для рабочих еще и по другой причине. Когда рабочие добиваются от правительства издания законов, сокращающих рабочий день или заставляют своих хозяев уменьшать число рабочих часов, то хозяева и администрация стараются вводить сверхурочные работы. Они делают это прежде всего затем, чтобы не нанимать новых рабочих,

а потом для того, чтобы так или иначе отнять у рабочих то, чего они добились.

Благодаря сверхурочным работам, они вводят такой же рабочий день, как и раньше. Но сначала, чтобы не раздражать рабочих, они предлагают работать сверхурочное время—по доброй воле, кто хочет и за особую плату. А когда рабочие пойдут на эту приманку, делают сверхурочные работы обязательными для всех.

На этом дело не кончится.

Рабочим по сравнению с прежним приходится платить добавочную плату, а это хозяевам и администрации не по вкусу. Когда рабочие успокоятся после изнурительной стачки, они начинают сбавлять мало-по-малу расценки до тех пор, пока заработок рабочих не будет такой же, как и раньше, а работы больше. Например, если им удалось завоевать себе 8-ми часовой рабочий день, им придется работать 10 часов, как и прежде. Таким образом помаленьку да помаленьку администрация отбирает у рабочих все то, чего они добились. Поэтому все сознательные рабочие должны наотрез отказаться от сверхурочных работ, чтобы не быть обманутыми.

Многие рабочие идут на сверхурочные работы, п. ч. их соблазняет особая плата, которая дается за них.

Но такой способ увеличивать заработок не достоин сознательного рабочего. Для увеличения своего заработка у пролетариата есть верный путь—путь беспощадной борьбы с капиталистами. Погнавшись за прибавкою, рабочий думает выгадать, но в конце—концов, как сказано выше, он потеряет даже то, что приобрел.

Кроме того, сверхурочная работы вносят раздор в рабочую среду и развращают их. За сверхурочную работу берутся прежде всего те, кто хочет угодить администрации и отличиться перед другими. Администрация-же старается наградить таких угодливых и старательных и пользуется случаем разделить рабочих и ослабить их.

Плох тот рабочий, который не дорожит уменьшением рабочего дня, кто за прибавку готов работать лишнее время. За чечевичную похлебку он продает интерес рабочего класса и, в конце концов, проигрывает сам.

Капиталист может сказать рабочему, значит тебе не очень нужен короткий рабочий день, раз ты отказываешься от него за прибавку—он будет прав.

А между тем сокращение рабочего дня имеет огромное значение для рабочего класса. Чтобы стать сознательным, чтобы с успехом бороться за свои права, рабочий должен иметь время и на чтение, на беседу с товарищами, на размышление. Всему этому мешают сверхурочные работы. Наконец, чрезмерная работа ослабляет силы рабочего, а они очень нужны всякому труженику.

Капиталист смотрит на рабочего, как на машину или даже еще хуже, чем на машину,—он не позаботится о рабочем, когда тот потеряет способность к труду и безжалостно выгонит его из мастерской.

И это будет тем скорее, чем больше рабочий работает в день.

Товарищи рабочие Мотовилихинлкого завода.

Ваше начальство предлагает вам взяться за сверхурочную работу. Знайте, что это покушение на 8-ми часовой рабочий день, за который вы так долго боролись.

Оно хочет воспользоваться вашим утомлением после недавней борьбы, чтобы перейти к двойной смене.

Товарищи дорожите 8-ми час. рабочим днем, не поддавайтесь на обман, отказывайтесь от сверхурочных работ и убеждайте малосознательных рабочих, согласившихся на эту уловку, отказаться от нее. Докажите, что вы понимаете свои интересы и что администрации не удастся вас обманут и отнять у вас все то, что вы завоевали трудной борьбой.

Долой сверхурочные работы.

Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Пермский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Типография Пермского Комитета. 21 февраля 1906 года.

№ 3.

Р. С.-Д.Р.П.
Пермский Комитет.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРИ КОНСТИТУЦИИ
или
ТРИ ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. *)

Чего хотят полиция и чиновники?
— Самодержавной монархии.

Чего хотят самые либеральные буржуа (освобожденцы или конституционно-демократическая партия)?
—Конституционной монархии.

Чего хотят сознательные рабочие (Социал-демократы)?
— Демократической республики.

В чем состоят эти порядки государственного устройства?

Самодержавная монархия.
1. Царь—самодержавный монарх.
2. Государственный Совет (чиновники, царем назначенные).
3. Государственная Дума или Совещательная палата Народных представителей (непрямые, неравные и невсеобщие выборы).

Конституционная монархия.
1. Царь—конституционный монарх.
2. Верхняя палата народных представителей (прямые не совсем равные и не совсем всеобщие выборы).
3. Нижняя палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).

Демократическая республика.
1. Никакого царя.
2. Никакой верхней палаты.
3. Одна республиканская палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).

Какое значение имеют эти порядки государственного устройства?

Самодержавная монархия.
1 и 2. Полная власть над народом полиции и чиновников.
3. Совещательный голос крупной буржуазии и богатым помещикам.
—Никакой власти народу.

Конституционная монархия.
1. Третья доля власти полиции и чиновникам с царем во главе их.
2. Третья доля власти крупной буржуазии и богатым помещикам.
3. Третья доля власти народу.

Демократическая республика.
1. Никакой самостоятельной власти ни полиции, ни чиновникам, полное подчинение их народу.
2. Никаких привилегий ни капиталистам, ни помещикам.
3. Всю власть, единую полную и нераздельную власть всему народу.

Для чего должны служить эти порядки государственного устройства?

Самодержавная монархия.
Для того, чтобы лучше жилось придворным, полиции и чиновникам.
—Чтобы богатые могли как угодно грабить рабочих и крестьян.
—Чтобы народ оставался навсегда в бесправии, в темноте и невежестве.

Конституционная монархия.
Для того, чтобы полиция и чиновники зависели от капиталистов и помещиков.
—Чтобы капиталисты, помещики и богатые крестьяне могли свободно и спокойно, по праву, а не произволу, грабить, рабочих городских и деревенских.

Демократическая республика.
Для того, чтобы свободный, просвещенный народ научился сам вести все свои дела,—а главное для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм, за такие порядки, когда не будет богатых и бедных, когда вся земля, все фабрики и заводы будут принадлежать всем трудящимся

Типография Пермского Комитета.

Марта 31-го дня 1906 года.

*) (Дело № 9, стр. 313). Найдено „позолотчиком“, работавшим при церкви села Кыласова (фамилии позолотчика не указано). Передано крестьянином села Кыласова—М. П. Палашевым волостному старшине села Кыласова 7-го ноября в 7 час. вечера.

№ 4.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем работникам и работницам.

Правительство готовится. Начиная с 9-го января 1905 года, по всей России льется кровь рабочих. Реками крови хочет царское правительсто затопить стремленья народа к свободе.

Долго молчаливо терпел рабочий класс все притеснения царских чиновников. Лишь немногие понимали, что ждать чего-нибудь хорошего рабочему от правительства не приходится. Они выступали на борьбу. Их сажали по тюрьмам, ссылали на дальний север, заковывали в кандалы, вешали...., а ряды их становились все гуще и гуще. После январской кровавой бойни уже весь рабочий народ понял, что только силой он сможет вырвать у правительства уступки. То в одном, то в другом городе выступают рабочие с оружием в руках. Выступив сразу по всей России, рабочий класс заставил правительство издать манифест „о свободах".

Но забрызганное с ног до головы кровью самодержавие не могло отказаться от власти. Оно не могло отказаться выжимать соки из народа. Оно не могло перестать хозяйничать произвольно по всей России. Одной рукой рассылая по городам „манифест", другой оно подписывало секретные циркуляры об организации черносотенных погромов. Оно стало готовиться к новой кровавой расправе с народом. Весь декабрь по улицам Москвы и других городов текли реки народной крови. Для „успокоения" ввело правительство по всей России чрезвычайные и усиленные охраны, военное положение. Без суда и следствия стало расстреливать и вешать сотни „непокорных".

Чтобы успокоить рабочих, правительство разрешило и им принимать участие в выборах в Государственную Думу. Для этой цели был издан закон 11-го декабря. Правда, не все рабочие имели право выбирать. Правда и то, что выбирали не прямо в Думу, а сначала уполномоченных, а потом выборщиков, а затем уж они должны были выбирать членов Думы. Правда, выбора не совсем всеобщие, не совсем и прямые, не совсем и равные, не совсем и тайные и совершенно несвободные.

Товарищи ремесленники. Вас правительство лишило избирательных прав, но вы будьте довольны—ведь ваши хозяева выбирали. А вы же знаете, что

они „позаботятся“ о вас. Разве вы не на них работаете с утра до ночи? Разве не вашим потом-кровью они пируют? Вы будьте довольны. Ведь желающее вам добра, обагренные кровью ваших товарищей царское правительство знает и так ваши нужды, оно знает и то, что вам „рано“ выбирать.

Товарищи мотовилихинцы. Вместо того, чтоб выбирать сразу уполномоченных вы выбирали прежде выборщиков, а уж они выбирали уполномоченных. Вместо трех ступеней для вас устроили четыре. Вместо того, чтоб выбирать уполномоченных всем заводом, вы выбирали по цехам сначала выборщиков. Вы почти не устраивали предвыборных собраний, чтобы узнать убеждения кандидатов. Вы выбирали как бы в слепую. Но это ничего не значит. Ведь начальник же заявил вам, когда вы собрались в 5 номере, что вы „лучше сделаете, если разойдетесь по цехам и выберете выборщиков, да пусть останутся выбирать те, которые постарше, а то много шуму—того и гляди приедут казаки, а с ними не могу справиться“.

Что за беда, что выбирали не все. Что за беда, что совершеннолетие до 25 лет и все проработавшие меньше 6 месяцев не выбирали? Что за беда, что в некоторых цехах в выборах участвовало всего лишь 20—30 человек? Ведь один Мотовилихинский—Шумилов—все же прошел в выборщики.

Не беда и то, что из 204 выборщиков рабочих будет только 10. Не беда, что правительство дало маленькой кучке крупных заводчиков и купцов 23 места на собрании выборщиков, а многим тысячам рабочих только 10. Не беда, что все женщины работницы не участвовали в выборах. Что за беда, что расстрелявшее не одну тысячу рабочих и крестьян царское правительство сажает по тюрьмам многих уполномоченных от крестьян и рабочих. Не важно и то, что не будет у рабочих своих представителей в Думе. Ведь самодержавное правительство знает нужды рабочего класса. Лишая рабочих настоящего правительства, приглашая их только участвовать во всей гнусной выборной комедии, правительство напоминает, что за интересы рабочего человека походатайствуют господа капиталисты.

Товарищи рабочие. Разве не ихними „благодеяниями“ вы живете? Разве не они кормят вас, позволяя вам работать на них? Правда, вы с этим не согласны. Вы говорите, что всю свою жизнь, не покладая рук, работаете на них, что они, утопая в роскоши, ничего не делая, пользуются вашим

трудом, что вы за свой ежедневный каторжный труд — едва - едва можете прокормить себя и семью. Правда, вы хотите улучшить свое положение, хотите уничтожить такой порядок, при котором вы живете, как вьючные скоты, с молодых лет до старости работая на своих угнетателей - хозяев. Хотите создать такую жизнь, при которой все люди бы работали, один человек не мог бы заставлять другого работать на себя. Вы боретесь за социализм. Но ведь за то вас и зовут „бунтовщиками“.

Товарищи рабочие. Правительство очень заботится о нас. Расстреливая нас тысячами, вешая без суда и следствия, оно улучшает наше положение. Сажая нас по тюрьмам, ссылая в Сибирь, оно делает нам добро. Убивая, оно освобождает нас от тяжелой жизни, запирая в тюрьмы и ссылая — освобождает от гнета хозяев; лишая нас возможности работать — оно уничтожает безработицу.

Но, несмотря на все „успокоения“ правительства, рабочие всей России до сих пор не могут „успокоиться“: то в одном, то в другом городе они снова начинают подниматься. До сих пор они не прекратили борьбы. До сих пор они добиваются лучшей доли, добиваются полной политической свободы, добиваются Всенародного Учредительного Собрания, борются за демократическую республику, борются за социализм. По всей России усиленно готовится рабочий класс к новой борьбе с зверским правительством.

Вместе с рабочими поднимаются и крестьяне. Обезземеленные, обнищавшие они хотят улучшить свое положение. Не в силах терпеть притеснений всякого рода начальства и они присоединяются к борьбе рабочих против царского правительства. Весь народ против правительства убийц и грабителей. Весь народ борется за уничтожение произвола окровавленного правительства, борется за полную власть, за самодержавие народа. И правительство знает, что настанет день, когда выведенный из терпения всеми прижимками народ разрушит его гниющее, плавающее в народной крови здание.

Правительство готовится.... Оно готовится к тому, чтобы снова пролить реки народной крови. Оно хочет попытаться залить кровью народный пожар. По всем городам рассылает оно пушки и пулеметы. Не забыло правительство и нашего глухого угла. В Пермь и Мотовилиху прибыла артиллерия. Правительство, державшееся раньше кулаком и нагайками, перешло затем на ружья — теперь уж сидит на пушках. Забыло правительство, что пушки сами

не палят, что для этого нужны люди, что и солдаты вышли из народа, что и их давит тот же враг—царское правительство, что они могут перейти на сторону народа.

Дружными усилиями уничтожим гнет и произвол царского правительства.

Да здравствует вооруженное восстание.

Да здравствует временное революционное правительство.

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание.

Да здравствует Демократическая республика.

Да здравствует Социализм.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пермский Комитет Р. С-Д. Р. П.

Типография Пермского Комитета. Апрель 1906 года.

№ 5.

Российская Социал-ДемократическаяРабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-е мая.

Товарищи! День 1-го мая—день праздника рабочих всех стран. На этот день рабочие всего мира бросают работу. Они выходят на улицу стройными рядами и красные знамена развеваются над их головами. 17 лет подряд во всех странах они выставляют одинаковые требования: „8-ми-часовой рабочий день", „уничтожение постоянной армии" и „да здравствует социализм".

Так же и в этом году рабочие всего мира отпраздновали свой пролетарский праздник—1-е мая. В речах на собраниях они говорили о поддержке нас в нашей борьбе с царским правительством и указывали, что наша борьба—их борьба, наши враги—их враги.

Наши товарищи за границей, добившись уже политической свободы, проходят свободно по улицам со знаменами и с песнями, с музыкой...

Мы, русские рабочие, будем также свободно праздновать 1-е мая лишь после того, как вооруженной рукой свергнем царское самодержавие, лишь тогда, когда добьемся Всенародного Учредительного Собрания на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, взамен теперешней по-

лицейской думы, лишь при Демократической Республике. Тогда и мы в этот день сольемся в одном общем шествии с рабочими всего мира.

Товарищи! Бросим и мы работу на один день. Присоединимся и мы к об'единенной армии пролетариев всех стран, борющихся за наше общее освобождение от гнета капиталистов—за социализм.

Пусть этот день нашего рабочего праздника никто не выйдет на работу!

Пусть не гудят призывные заводские свистки!

Пусть не вертятся колеса машин, пусть не работают заводы и мастерские, пусть закрываются магазины и лавки, пусть не выйдут газеты! Пусть на один день вся жизнь замрет!....

Отпразднуем и мы однодневной забастовкой наш общий рабочий праздник!

Да здравствует первомайский праздник! Мы боремся за 8-ми-часовой рабочий день! За уничтожение постоянной армии! За социализм!

Мы добиваемся Всенародного Учредительного Собрания! Добиваемся Демократической Республики!

Да здравствует Российская, да здравствуем международная социал-демократия!

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Издано 5000 экземпляров. Апрель 1906 г.

Типография Пермского Комитета.

№ 6.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам.

Товарищи. Весь народ с большим вниманием следит за собравшейся Думой. Всякий следит за ее работой. И чиновники, и купец, и помещики, и крестьяне, и заводчики, и рабочие. Одни верят, что Дума хочет и может дать амнистию и все свободы и даже землей наделить крестьян, другие—что Дума хочет все дать, да мешает царское правительство, третьи—что Дума не хочет дать ни всей власти всему народу, ни всей власти и земли крестьянам. Кто из них прав?

Самый закон 11 декабря был силой вырван у правительства. Он издан, когда в Москве и др. городах текли реки народной крови. Вслед за изданием

этого закона по всей России начинает правительство усиленно „успокаивать“ рабочих и крестьян—„умиротворять“ страну. Тысячами казненных без суда и по суду.... Десятками тысяч запертых за решетками, тысячами сосланных в „отдаленные губернии“. Об‘явлением всей России на военном положении, чрезвычайной и усиленной охраной, карательными отрядами в Сибири, на Кавказе и в Прибалтийском крае ... Закрытием фабрик и мастерских.... Массовым увольнением по заводам и фабрикам „неблагонадежных“.... Разгоном и избиением рабочих собраний....

Залив кровью Россию, правительство надеялось потопить стремления народа к свободе.

Правительство ошиблось. Притеснения царских насильников научили всех. В декабрьские дни народ понял, что заодно с правительством только убийцы и грабители. При выборах народ ясно показал, что он добивается свободы. В Думе почти нет сторонников царского правительства. Но нет там и сторонников рабочего класса.

В борьбе с царскими опричниками впереди всех шел рабочий класс. Под знаменем своей рабочей—социал-демократической партии он наносил удар за ударом самодержавному правительству. Он заставил расширить избирательный закон. Плодами победы воспользовался не пролетариат. Не имея возможности вести свободной предвыборной агитации, не желая выбирать кандидата в тюрьму—рабочая партия отказалась от участия в выборной комедии, выставляя боевым лозунгом созыв Всенародного Учредительного Собрания, на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов самим народом—рабочие отвергли царскую подачку. Но темная рабочая и и крестьянская масса продолжала верить в Думу, верить, что Дума даст свободу.

С большим нетерпением ждали все ответа Думы на царскую тронную речь. Многие полагали, что ответ будет резким и определенным. Вышло не так. В своем ответе Дума не требовала, а просила, как милости, от обагренного кровью царя—амнистии. Много наших товарищей, томящихся в тюрьмах, протестовали против таких просьб. Они шли впереди в борьбе с царским правительством. Они не милости просят, а требуют освобождения, как своего права. Дума отказалась от равного, прямого и тайного избирательного права. Она не выставила своим лозунгом созыв Всенародного Учредительного Со-

брания. Клич, воодушевлявший в борьбе тысячи рабочих и крестьян—Дума отбросила. Она не упомянула о разоружении армии, на штыках которой только еще и поддерживается царское правительство. Она оставляет в руках старого кровавого правительства всю власть. Она не упоминает о передаче всей власти народу. Она не признает и права на всю землю. Она стремится к сделке с царем. Часть власти ему, часть—капиталистам и третья часть всему народу. Дума против конфискации (передачи без выкупа) всей земли народу.

Забывая требования, за которые с 9 января 1905 года пролили реки крови, за которые гибли и январские мученики, идя с верой в царя к Зимнему дворцу, и декабрьские герои, сражаясь на баррикадах—Дума показала, что требования народа—не ее требования.

На мольбу Думы об амнистии правительство ответило отказом. Оно не хотело снять и военного положения, и усиленной и чрезвычайной охраны. Оно не перестает хозяйничать во всей стране. Казни продолжаются. Дума постановляет отмену смертной казни—через несколько дней 8 рабочих в Риге повешаны. Дума „разговаривает“ о свободах, а царское правительство „действует“. Организует черносотенные погромы. Арестовывает массы рабочих. Разгоняет собрания. Избивает мирных граждан. Тысячами посылает крестьян и рабочих „в отдаленные губернии“ и на каторгу.

Так действовало правительство, когда не было Думы. Так продолжает вести свою линию и теперь, когда в Думе „народные представители“ разговаривают о свободах.

Товарищи рабочие! Издевались над нами царские опричники раньше, насилуют наших жен, дочерей и сестер и теперь. Бьют и теперь. Долгую упорную борьбу вели не за такую Думу, не за такую свободу. Помирали на баррикадах наши товарищи, до последней капли крови защищали кровавое красное знамя. Они боролись за требования, написанные кровью на знаменах. Они знали, что свободу даст не царское правительство, не Государственная Дума, которая царем же созвана, а народ сам возьмет власть в свои руки.

Правительство придумывает новые и новые казни, посылает карательные экспедиции по всей России, заготовляет блиндированные поезда, приготовляется снова пролить реки крови.... Не хочет ли оно передать власть Думе? Нет. Обагренное кровью народа—оно уступит только перед дружным напором крестьян и рабочих. И в настоящее время, как и прежде, мы

должны помнить, что только сплотившись под знаменем своей партии, не надеясь на Думу, а приготовляясь к борьбе, к последней отчаянной схватке с купающимся в нашей крови врагом, мы добьемся свободы. Как прежде, так и теперь, дело свободы решит борьба не в Думе, а на улице.

Подумайте —кто прав.

Организуйтесь! Готовьтесь к новой битве! Становитесь под красное рабочее знамя социалдемократии! Пусть погибнут враги народа, пусть не льется по улицам городов и деревень народная кровь. Всю власть в руки народа. Он сам для себя создаст полную свободу.... Только при полной свободе мы, рабочие, сможем строиться в могучие рабочие колонны. Сбросив с себя рабство политическое— гнет царя и чиновников—мы сможем затем уничтожить и рабство экономическое—доб'емся социализма.

Мы боремся за Учредительное Собрание на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

Мы добиваемся Демократической республики.

Мы стремимся к социализму.

Мы идем под красным знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Издано 7000 экзем. Май 1906 г.

Типография Пермского Комитета.

Прочитав, передайте товарищам.

№ 7.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТЧЕТ

Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

За май 1906 г.

ПРИХОД.		РАСХОД.	
Остаток от апреля . .	11 р. 25 к.	На технику . . .	34 р. 52 к.
По книжке	4 „ 50 „	Почтовые расходы ,	4 „ 07 „
На конспир. нуж. от М-и	50 „ — „		

ПРИХОД.

От К	3 р.	— к.
„ В.	— „	15 „
„ №	1 „	40 „
„ Д-ра:	10 „	— „
„ Би-шов	1 „	15 „
„ О-и	4 „	— „
„ Секретаря	2 „	— „
„ Телеграфистов . .	1 „	— „
„ Техническ. гр. . .	— „	60 „
„ Гор. Р. К. отч. 50%	9 „	05 „
Еще Г. Р. К. . . .	— „	77 „
От рабочих Заимки .	2 „	03 „
Членских взносов . .	— „	50 „
От групп из Чусовой .	7 „	35 „
„ „ „ Лысьвы .	13 „	57 „
„ „ „ Кунгура .	11 „	— „
„ „ „ Пожвы .	3 „	— „
„ „ „ Бисера .	3 „	— „
„ „ „ Кусьи .	5 „	— „
„ „ „ Добрянки	3 „	— „
„ Лысьвы отчис. 50%	6 „	90 „
За рефер. в Кунгуре .	12 „	60 „
„ „ здесь . . .	17 „	80 „
Сбор с массовки № 12	2 „	64 „
„ „ „ „ 15	2 „	32 „
„ „ „ „ 21	3 „	45 „
„ „ „ „ 24	3 „	16 „
„ „ „ „ 27	1 „	40 „
„ „ „ „ 33	1 „	93 „
Продажа песенников .	11 „	93 „
„ книг, откр. пис.	20 „	— „
ИТОГО .	231 р.	50 к.

РАСХОД.

Раз'езды	58 р.	56 к.
Содержание т-щей .	78 „	95 „
Конспират. расходы .	12 „	75 „
На дорогу т-м	10 „	50 „
„ „ в счет О. К.	3 „	— „
Областн. Комитету .	12 „	— „
Помощь нуждающ. товарищам	15 „	35 „
Взаимообразно т-у .	1 „	— „
ИТОГО .	230 р.	70 к.
Остатов на июнь . .	— р.	80 к.
ВСЕГО .	231 р.	50 к.
Долг разн. лицам .	135 р.	60 к.
Долг Уральск. Обл. У-ту: от прошлого м-ца	225 „	30 „
За май проц. отчис. .	31 „	30 „
Всего долгу .	392 р.	20 к.

ОТЧЕТ ПО ТЕХНИКЕ.

Отчет за апрель . .	1000 экземп.	Резолюции Об. С'езда.	500	„
Пролетарский празд. .	3000 „	Ко всем рабоч. и		
К молодым солдат. .	1000 „	работн.	7000	„
		ИТОГО .	12500	экземп.

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Типография Пермского Комитета.

№ 8.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К молодым солдатам.

Молодые солдаты. В тяжелую пору пришли вы на царскую службу. Пришли из деревень голодных, где жажда земли и воли, где голод бросал крестьян на захват помещичьих имений; пришли из городов, где за свободу поднялся народ, пошел стеной на царских приспешников—палачей. Вы дети народа, который стонет от великой боли, от мук голода.

Товарищи солдаты. По всей России война кипит, кровь льется, стон стоит. Это стон борцов, истекающих кровью от ран, это стон многих тысяч осиротелых семей. Кто же нанес эти раны, кто же осиротил эти семьи? Эти убийцы, эти палачи русского народа—волей начальства—русские солдаты.

Товарищи солдаты. Царское правительство вырвало вас из рабочей среды, угнало от родимых полей в солдатскую неволю. Будете вы в полном рабстве у всякого начальства; зорко оно будет смотреть, чтобы не проникло к вам слово правды, чтобы не проснулась у вас совесть. И будут учить вас, наскоро учить будут. Будут лгать о борцах за народное дело, будут учить словесности, дисциплине, учить стрелять, метко стрелять... И когда подучат, поведут вас против народа—разогнать его собрания, арестовывать, бить, стрелять...

Товарищи солдаты. Вспомните тогда свое родство с рабочим народом: вспомните нужду рабочей жизни; вспомните, что народ бунтует за общее дело, что добивается он того, без чего жить ему не в мочь. Вспомните свою

голодную жизнь до солдатчины, вспомните свою казарменную каторгу... И не губите, товарищи, своего же дела. Но дружно и смело, с оружием в руках, станьте на защиту его... Пусть отольются палачам горькие слезы наших родных и друзей. Пусть вспомнит кровавое правительство набор 1905 года, набор революции.

Товарищи солдаты. Наступают решительные дни. Царское правительство готовится к новому бою с революционным народом. Оно вырвало вас из его рядов и дает вам оружие в руки, чтобы вашей вооруженной силой подкрепить свои уже почти истощенные силы. Возьмите же это оружие и направьте его на защиту правого дела, на защиту родного вам народа, против злейшего врага его, против правительства!

Да здравствует союз революционного народа и революционного войска!

Да здравствует победа революции!

Издание Пермского Комитета
Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Издано 1000 экземпляров. Май 1906 год.

Типография Пермского Комитета

Прочитав, передайте товарищам.

№ 9.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем ремесленникам города Перми.

Товарищи! Всюду теперь во всем мире идет великая борьба рабочего класса за улучшение своего тяжелого положения и за будущий социалистический строй. Рабочий, которого не считали за человека, рабочий, которого презирали и над которым издевались все, кто имел силу, рабочий темный, бесправный и униженный, этот рабочий прозрел наконец и поднялся на борьбу со своими врагами. Крылатое слово „пролетарии всех стран, соединяйтесь“ пролетело над миром и миллионы пролетариев вняли этому призыву. Рабочие Франции, Германии, передовые рабочие России поняли свои интересы и борются под красным пролетарским знаменем за социалистический строй, при котором только и возможно окончательное освобождение рабочего класса от проклятого ига бесправия и унижения.

Товарищи ремесленники. Вы до сих пор были в стороне от этой борьбы, вы не присоединялись к рабочему классу России в его борьбе с самодержавием и капиталистами и не только не присоединялись, а часто выступали против. Почему же так? Разве вы не те же пролетарии, что и фабричные рабочие, разве ваше положение лучше ихнего, разве у вас не теже враги? Товарищи! Товарищи посмотрите на свою жизнь и скажите неужели вам не стоит бороться?

С раннего утра садитесь вы за работу и только поздним вечером кончаете ее. На многих фабриках у нас не работают больше 11—12 часов в сутки, есть даже заводы, где введен 8-ми часовой рабочий день. Но нет мастерской, где бы работали меньше 12—13 часов в день и много таких, где работают 15 часов. Мастерские для работы душные, грязные. Кончится работа, заснете вы на несколько часов, а с утра опять тянуть ту же лямку. И так изо дня в день. А придет воскресенье, вы напиваетесь с тяжелой рабочей доли и весь день проводите в безсознательном состоянии. С понедельника с тяжелой головой опять за работу и так всю жизнь, не видя светлых дней, не зная что такое счастье и жизнь человеческая.

Много ли получаете вы товарищи? чтоб не умереть с голоду. Копейки не останется на черный день, часто и последнее добро приходится закладывать, чтобы как нибудь выбиться из нужды, сколько унижений и издевательств приходится переносить вам? Хозяин, на которого вы работаете и которого кормите своим трудом—сколько раз он выругает вас за день скверными словами. А отвечать не смей. Церемониться он не будет и может оставить без работы и без куска хлеба.

Может правами какими вы пользуетесь товарищи? Да, пользуетесь правом, которое есть у каждого рабочего, это полное право умирать с голода, когда хозяин вас выгонит из мастерской.

Вот ваша жизнь. Но может под старость вас ожидает награда за труды, за всю жизнь, прожитую за станком или иголкой? Нет, кому другому награды, да не вам, товарищи, ваше дело работать да молчать, а награды за вас получат другие. Какой-нибудь тайный советник, который всю жизнь подписывал ненужные бумаги—он получит за труды пенсию, казенную квартиру, орден; а вам этого не полагается. Как только потеряете все силы, ослабеют ваши руки и работа начнет валиться из рук, выгонит вас ваш

хозяин из мастерской и тогда пользуйся правом умирать под забором. Хозяин выжал из вас все соки, нажился на ваш счет и выбрасывает вас на улицу, как ненужную тряпку. Вот ваши награды за труды.

Но быть может у вас есть возможность самим стать хозяевами и иметь собственную мастерскую? Нет, на это мало надежды. Один другой из вас правдами и неправдами выбьется из нужды, станет хозяйчиком, а большинство останется такими же пролетариями, какими были раньше. Не туда вам нужно смотреть товарищи, туда куда теперь стремятся миллионы сознательных рабочих. Вам нужно надеяться на борьбу с вашими хозяевами за улучшение вашего положения и на победу всего русского пролетариата над своими врагами—самодержавием и капиталистами, на наступление нового лучшего строя.

№ 10.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Дума разогнана. Совершился новый акт произвола и насилия царизма над народом.

Созывая Думу, правительство ошиблось в расчетах. Вместо черносотенной, Дума оказалась оппозиционной и с первых же дней свое существования вступила в борьбу с бюрократией. Вместо того, чтобы уменьшить силы революции, она лишь глубже раскрывала перед лицом самых широких масс всю гнилость и мерзость самодержавия и еще в большей степени вызывала в них сознание необходимости вырвать власть из кровавых царских рук.

Своими основными законами (26 апреля 1906 г.) правительство отняло у Думы малейшую возможность практической работы. Два месяца Думских заседаний выяснили народу бессилие Думы и побуждали его к самостоятельной активной борьбе.

Лишь среди наименее сознательной части крестьянства и мещанства оставалась вера во всемогущество Думы. Кадеты, составляющие большинство Думы, поддерживали это заблуждение и прилагали все усилия к тому, чтобы перенести борьбу народа с правительством с улицы в этот Российский с позволения сказать „парламент“. Кадеты надеялись, что достаточно получить

им в свои руки министерские портфели, как из царства штыка и нагайки возникнет мирная обновленная Россия. Так слепы могли быть лишь кадеты и их сознательные приверженцы из народа. Большинству же народа было ясно, что Дума не может, не в состоянии удовлетворить всех его требований и что надежда только на свои силы.

Под влиянием столкновений с кровожадной бюрократией, под влиянием парламентской тактики трудовиков и социал-демократических депутатов, под давлением требований народа—Дума все более и более революционизировалась.

13 июня после министерской декларации, где ясно и определенно было заявлено, что ни одно из существенных требований народа не будет удовлетворено, что ни земли, ни воли не дадут,—в залах Думы прозвучал первый сильно выраженный протест против совместной работы с безответственными министрами—убийцами.—„Долой министров“! заявила Дума, и громкое многоголосное эхо разнесло этот клич по всей стране.

20 июня кабинет министров выступил в Думе со своим проэктом земельной реформы.

6 июля Дума решила обратиться с воззванием к народу.

Над головой России сгущались зловещие тучи. Правительство Австрии, Германии и России заключили между собой тайный союз для священной травли грозного призрака русской революции. Правительство, давно жаждавшее избавиться от Думы, теперь решилось на этот шаг. 8-го июля Дума была распущена.

Роль думы всем ясна. Дума—плод революции и только один из ее этапов. Заслуга Думы заключается в том, что своей оппозиционной деятельностью она пробудила политическое и классовое сознание самых широких слоев народа и вызвала их к активной политической жизни.

Дума распущена. Вся страна находится на всевозможного рода охранах. Что делать?

Рабочий класс России, обладая верным политическим смыслом, ни на одну минуту не подпал под влияние конституционных иллюзий. Он ясно понимал, что победа народа зависит не от парламентских речей. Ему было ясно, что победа революции над реакцией—вопрос реального соотношения сил народа и царизма. Русский пролетариат все время сознавал неизбежность народного восстания и возможность только путем революционной

победы добыть себе свободу и право. И зная это, он не переставал готовиться к последней решительной битве с царским правительством. Опыт прежней революционной борьбы, опыт Московского вооруженного восстания показал пролетариату, что частичные его выступления, при безмолвии всей страны, ведут лишь к ослаблению его сил и растрате революционной энергии масс. Партизанские выступления были решительно отвергнуты об'единительным с'ездом рабочей партии, в виду того, что только всеобщее вооруженное восстание может низвергнуть самодержавие и обеспечить Временному Революционному Правительству, выдвинутому революцией, условия, необходимые для созыва Всенародного Учредительного Собрания, устанавливающего новый политический строй.

Роспуск Думы вызвал активный протест армии и флота. В Свеаборге, Гельсингфорсе, Кронштадте, Тифлисе, Баку и др. городах идет вооруженное восстание. В Петербурге возникает политическая забастовка и пролетариат готовится дать царизму генеральное сражение. Вся Россия охвачена генеральным сражением и не сегодня—завтра вспыхнет ярким заревом священное пламя Великой всеобщей русской революции.

Реки крови беззаветных героев—мучеников льются по улицам городов и по полям деревень. „Свобода или смерть". „Иного выхода нет и не будет",—вот клич, который воодушевляет и ведет на битву детей народа, пролетариат, крестьянство и наших братьев—солдат, и матросов, восставших за святое дело—свободы отчизны. „Свобода или смерть". Эти вещие слова—сама жизнь, расчищающая себе место среди гнилых развалин старого строя. В нашем уме ясное сознание своей правды, в нашей груди железное мужество, в наших руках—сила и мощь. Мы—дети родины, мы—народ. Ничего не может устоять пред нашей силой. И кучка злодеев, решившая вернуть в Россию прежний вековой сон и тысячами вырывающая из наших рядов наших братьев,—эта кучка убийц не избегнет скорого и грозного народного суда. Близок час победы...

Товарищи рабочие и Мотовилихи и Перми! Будьте и вы каждую минуту готовы принести свою жертву на алтарь родины, на пользу рабочего дела. Вас не нужно учить мужеству. Великая идея социализма зажгла в ваших сердцах святой огонь ненависти к мраку жизни, и в своем стремлении к правде и свету мощной рукой вы разрушите все, что стоит на вашем пути.

Будьте готовы, товарищи, к девятому валу Великой Русской Революции, организуйтесь и сплачивайте свои ряды. Но не забывайте, товарищи, что всякое прежде временное единичное выступление расстраивает ваши ряды и уменьшает ваши силы. В вас жизнь. В вас свет. В вас мужество. Одно это обеспечивает за вами победу. Близок час борьбы, а с нею и победы. Когда прийдет час битвы, идите с решимостью — победить или умереть.

Близок час... Здравствуй свобода. Умирая тебя приветствуем.

Да победит революция. Да здравствует Временное Революционное Правительство. Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание. Да здравствует Демократическая Республика. Да здравствует Международная и Русская Социал-демократия.

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Июль 1906 г.

№ 11.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие.

Царское правительство разогнало Думу.

В манифесте, выпущенном по этому поводу, сказано, что Дума превысила свои права, что она является виновницей возникнувших грабежей и безпорядков. Правда ли это, товарищи? Нет не правда. Напротив дума успокаивала население и мирным путем хотела улучшить народную жизнь; а грабежи, безпорядки были до и будут после нее.

Не потому разогнана, а по другой причине: Дума не давала теперешнему правительству своевольничать, говорила, что оно никуда не годится и требовала другого. Это оказалось не выгодно правительству; оно разогнало ее.

Товарищи рабочие.

Вы знаете, как была выбрана эта Дума. Кто побогаче выбирали прямо в Думу, тот кто победнее — выбирали выборщиков, а крестьяне так те совсем не могли знать кто, в конце концов, попадет у них в Думу. Такая Дума, конечно, не является выразительницей воли народа, потому что не весь народ одинаково участвовал в выборах. Народ требовал большего, чем эта дума, но правительство все же разогнало ее.

Новая Дума сказано в манефесте будет созвана к концу февраля будущего года. А до тех пор как? До тех пор будут по старому грабежи и насилия и издевательство над народом или еще хуже старого. Вместо 50 стражников будет у нас 100, чтобы рабочий и пикнуть не смел, чтобы он задохся в неволе. Но не туда попало царское правительство, куда метило. Оно хочет поцарствовать попрежнему еще год, да позабыло оно, что русский народ кровью завоевал себе свободу и не так легко с нею расстанется.

Нет, товарищи, старого не воротишь. Русский народ не потерпить больше насилий и выступит в бой с насильниками. Скоро настанет такая же пора, как октябрь прошлого года, когда весь рабочий народ об'явил забастовку, требуя свободы. Испугалось, зашаталось тогда правительство и дало манифест 17 октября, который тот-час же и отняло, когда рабочие, утомленные борьбой, отступили. Теперь пойдет такая же волна, только посильнее, еще грознее, так как рабочие уже не отступит, не поверят никаким обещаниям правительства, а пойдут дальше, пока не свергнут, не сбросят его.

Пора рабочему и самому взяться за свое дело свободы. Когда мы сплотимся, сговоримся и запасемся кое чем, не страшны будут нам угрозы правительства, тогда оно рухнет, чтоб дать место Учредительному собранию, которое установит более лучшее и разумное правительство.

Итак, товарищи, готовьтесь, сплачивайтесь же теснее в свои ряды, организуйтесь и присоединяйтесь к рабочему классу всей России. Чем больше нас будет, чем дружнее станем действовать, тем скорее и легче достигнем победы.

Долой самодержавие!

Да здравствует Учредительно Собрание, выбранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

О. О. Р. С.-Д. Р. П.

Июля месяца 1906 года.

№ 12.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Резолюция Пермского Комитета *).

Государственная Дума распущена. Распущена она правительством потому, что из орудия контр-революции превратилась в орудие революции. С одной стороны она сама все более революционизировалась под напором революционного брожения в стране и в процессе борьбы с безответственной и полновластной бюрократией. С другой стороны она революционизировала все более и более широкие слои населения, вовлекая их в круговорот сознательной политической жизни, развивая их классовое самосознание, переводя через стадию конституционных иллюзий (веры в могущество думы) к полному или частичному крушению этих иллюзий. Роспуск Думы наносит еще один и очень сильный удар конституционным иллюзиям и ставит перед всеми слоями населения, заинтересованными в разрушении сомодержавно-крепостнического строя задачу беспощадной революционной борьбы с самодержавием путем всенародного вооруженного восстания и окончательной ликвидации самодержавия путем созыва полновластного всенародного Учредительного Собрания, избранного всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов.

Роспуск Думы в громадной степени усилит аграрные волнения, ускорит процесс революционизирования армии, повысит революционное настроение городской буржуазии, и тем самым создаст особо благоприятные условия для проведения вооруженного восстания в городах и промышленных центрах.

Поэтому рабочий класс, не истощая своих сил в частичных разрозненных выступлениях, должен с удесятеренной энергией сплачиваться и организовываться под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, чтобы в решительный момент нанести мощный удар самодержавию, создать вместе с революционным крестьянством центральные и местные органы рево-

---

*) В первое издание этой резолюции вкрались ошибки: 1) после слов „задачу беспощадной революционной борьбы“ должны следовать—„путем всенародного вооруженного восстания“; 2) „городах и центрах“ должно „в городах и промышленных центрах“.

люционного правительства и обеспечить победу своим лозунгам в созванном этим временным правительством Учредительном Собрании.

Пермский Комитет Р. С. Д.-Р. П.

Типография Пермского Комитета.

№ 13.

Протокол собрания Пермского Комитета Р.С.Д.Р.П.*)

1) Доклад по конспиративному вопросу. 2) Покупка и продажа книг, 3) Доклад о кассе: а) передать сбор по чековым книжкам и членские взносы в районы; б) передаче чековых книжек в районы; в) выдача таковых принадлежит исключительно ЦК; г) периодические финансовые конференции; д) последовательный контроль (низшие контролируются высшими); е) средства: лотерея, торговля книгами, рефераты. 4) Доклад об окружной работе: а) работа в округе сравнительно с общим положением дел, и считаясь с настроением масс, найдена удовлетворительной; б) значение интеллигентных сил в деревне и наше влияние (учителя, учительские с'езды); в) организация окружных конференций—порядок дня на Окр. Конферен. согласовать с порядком дня на Областной Уральской Конференции—и выборы делегата. 5) Письма из ЦК и соседних организаций. 6) Недостаток литературы: ПК, признавая необходимым снабжение литературой низших партийных ячеек, примет все меры к удовлетворению этой потребности. 7) Периодическая литература и ее распространение. 8) Брошюра Т. и ее распространение—ПК, не высказываясь против нее принципиально, отказывается издавать ее, за неимением средств, обещая в то же время оказать содействие ее распространению . . . . Партийное собрание признает только целесообразным, мотивируя следующим образом: массовый отказ новобранцев от воинской повинности окажет революционизирующее влияние на самих призывающихся и явится показателем настроения. ПК привосокупляет свое удивление по поводу этого запроса, так как ЦК гораздо раньше санкционировал уже этот отказ. (Выборгское воззвание, листки к армии и флоту; II) этот вопрос и от-

---

*) Протокол напечатан на гектографе. Во многих местах чернила стерлись. Относится к первой половине 1906 г. но точно установить время не удалось. *Ред.*

ношение к нему ПК не подлежит оглашению; III) вопрос и отношение к нему ПК не подлежит оглашению; IV) ПК рекомендует . . . войти в соглашение с другими революционными . . . для проведения вышеуказанной кампании . . В . . ЦК с призывом к отказу признается необходимым.

№ 14.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Ко всем новобранцам.

Товарищи новобранцы. Царское правительство ведет войну против всего русского народа. Оно не хочет расстаться с властью. Потеряв власть, оно не сможет грабить народ, не сможет хозяйничать во всей стране. Судорожно цепляется оно за всякие средства, лишь бы удержать власть. Затевает войну с Японией—и проигрывает. Расстреливает мирно идущих к царю рабочих. Сотни тысяч сажает по тюрьмам, отправляют в ссылку, расстреливает поднявшихся рабочих Лодзи и Варшавы, матросов „Потемкина“ и в Кронштадте. Проливает реки крови по городам и деревням. Под страхом всенародного восстания обещает в манифесте „свободы“ в октябре. В декабре убивает из пушек и пулеметов в Москве и других городах борющихся за свободу крестьян и рабочих. Под грохот орудий в Москве обещает созвать думу. Обещает пустить туда и крестьян, и рабочих. Оно учреждает военно-полевые суды в Прибалтийском крае и на Кавказе. Вводит по всем городам военное положение, чрезвычайные усиленные охраны. Арестовывает и ссылает больше сотни тысяч рабочих и крестьян. Уничтожив завоеванные народом свободы, лишив большинство рабочих избирательного права, просеивая через четыре сита крестьянских выборных, через два сита городских—оно предлагает народу выбирать в думу своих представителей. Несмотря на все ухищрения полицейского правительства, собирается дума, враждебная ему. Оно разгоняет эту думу и обещает созвать другую. Преследует крестьянских и рабочих депутатов, расстреливает сотни солдат и матросов в Свеаборге и Кронштадте. Посылает карательные отряды по деревням. Без суда и следствия

убивает сотни крестьян. Всюду учреждает военно-полевые суды и ежедневно расстреливает десятки рабочих... Правительство чтобы удержать власть, чтоб свободно грабить народ, превратило всю Россию в военный лагерь, заливает города и деревни народной кровью.

Но до сих пор не удается разбойничьему правительству кровью залить разгоревшийся народный пожар. Народ не успокоился, не перестал бороться — он не успокоится, пока не вырвет власть из рук озверевших палачей. Восстают рабочие в городах, крестьяне в деревнях.

Рабочие поняли, что фабриканты, заводчики жиреют на их счет. Они стали стремиться к лучшей доле. Решили бороться за такой строй, при котором один человек не сможет заставить работать на себя другого, не будет нищих и богачей, при котором все будут работать, и все будут пользоваться всеми благами жизни. Тогда все фабрики и заводы, машины, все орудия производства из рук кучки капиталистов, заставляющих работать на себя сотни тысяч пролетариев, перейдут в собственность всего общества, всех людей. По дороге и к достижению этого строя — социализма рабочий класс выхватывает из хищных лап хозяев капиталистов менее долгий рабочий день, более высокую плату. На пути к борьбе за социализм стоит царское правительство. Оно вступается за хозяев, против рабочих. Не уничтожив его, рабочие не могут успешно бороться. Они восстают против царского правительства. Все острее становится их борьба. Они понимают теперь, что одними старыми средствами борьбы не вырвать власть из рук народных палачей. Главной формой борьбы, главным средством вырвать власть является всенародное вооруженное восстание. Пролетариат России ясно осознал, что что никаких соглашений с царским правительством не может и не должно быть. Только полное низвержение царской опричины, созыв всенародного Учредительного Собрания очистит пролетариату дорогу к борьбе за социализм.

Восстают рабочие в городах и поднимаются и крестьяне в деревнях. Доведенные до нищеты, до разорения обезземеленные крестьянские массы не могут успокоиться. Они страдают от безземелья, а кругом на сотни и тысячи верст тянутся господские усадьбы, казенные, удельные и другие земли, к которым крестьяне не смеют притронуться. Только одни крестьяне пропитывают всю землю своим потом, кровью. Вся земля поэтому должна

отойти ко всему народу. Крестьяне поняли, что не вырваться им из цепких лап голода и нищеты без захвата всей земли. Не прекратится их разорение без уменьшения налогового бремени, тяжелым камнем давящего крестьянина. Крестьяне должны сбросить с себя сосущих их кровь пиявок—стражников, урядников, земских и всяких других начальников. Гонят крестьяне помещиков, захватывают землю. Захватывают полные хлебом господские амбары чтобы накормить помирающих с голоду детей. Не признают царских чиновников, не признают волостных властей, на их место выбирают новых, которые должны служить не царскому правительству, а выбравшему их миру.

На все требования крестьян царское правительство отвечает посылкой по деревням карательных отрядов, расстрелами без суда и следствия. Голодающим крестьянам на требования земли и воли отвечает оно пулями, надеялись крестьяне на Думу; ждали, что соберется, улучшит их положение, но заявления о нуждах крестьянскими депутатами—трудовой группы в думе, правительство оставило без внимания. После разгона думы и крестьяне поняли, что нечего ждать от правительства—народных убийц, от кучки народных грабителей. Сознали ясно и они, что никаких соглашений с врагами не может быть. Только покончив с царским правительством, крестьянство оправится от долгих лет разорения и угнетения чиновниками и помещиками. Одно лишь полновластное Учредительное Собрание обеспечит крестьянину землю и волю.

Новобранцы. Вы сыновья крестьян и рабочих, борющихся за лучшую долю. Вы дети восставшего народа. Вы должны вдуматься в происходящую войну. По всей России идет ожесточенная борьба. С одной стороны царское правительство с кучкой крупных помещиков и фабрикантов; с одной стороны народные убийцы и грабители. С другой выступает многомиллионная масса крестьян и рабочих. Одна сторона борется за возможность грабить народ. Другая сторона—за улучшение своей жизни, за землю и волю.

Правительство борется против всего народа при помощи солдат с пушками и пулеметами. Не надежны становятся солдаты. Все чаще происходят восстания солдат. То поднимутся матросы в Севастополе, Кронштадте, Либаве, то восстанут солдаты в Воронеже, Киеве, . . . Правительству не хватает

сил для борьбы с народом. Призывает оно новых солдат—вас, новобранцы. Полмиллиона человек призывает оно еще для поддержания своей власти.

Новобранцы. При вашей помощи хочет правительство продолжать расстреливать восставший народ. При вашей помощи оно надеется давить стремления крестьян и рабочих, попрежнему спокойно грабить и угнетать всю Россию. Оно хочет оторвать Вас от родного дома—незнакомых людей вам будет легче убивать. Оно хочет запереть вас в казармы, огородить четырьмя стенами от всего народа. Оно хочет вытравить из вас человеческий дух и превратить в зверей. Казарменной дисциплиной и присягами хочет сделать из вас своих верных слуг. Оно призывает вас, чтобы сделать убийцами. Вас, сыновей крестьян и рабочих, зовет оно убивать ваших братьев крестьян же и рабочих.

Новобранцы на требования царского правительства вы должны ответить полным отказом. Вы, молодые крестьяне и рабочие, должны отказаться стать братоубийцами. Перед вами две воюющие стороны. Давящее народ правительство и весь народ. Вы дети народа и должны бороться вместе со всем народом. Враг всего народа—ваш враг. Поражения народа—ваши поражения. Его победа—ваша победа. Не отрываться от народа, а вместе с ним уничтожать его палачей должны вы. Не служить народным угнетателям, а восстать с оружием в руках против них. Готовьтесь и вы новобранцы; вооружайтесь и вы на борьбу. Вместе со всем народом, уничтожив вооруженной рукой царское правительство, добудете всю землю и волю для всего народа. Царское правительство заставляет вас силой идти в солдаты. Вам приходится подчиняться этому насилию.

Кто за правительство, за народных убийц и грабителей—пусть идет Кому дороги интересы народа—не должен идти.

Новобранцы. Близко время, когда народ поднимется на последний, решительный бой, на место плавающего в народной крови правительства он выдвинет временное Революционное правительство, которое созовет полновластное Учредительное собрание. Готовьтесь встать в ряды народных бойцов за лучшую долю, за волю и землю.

Организуйтесь, столковывайтесь между собой и дружно отказывайтесь идти против восставшего за лучшую долю народа.

Обращайте ваше оружие против правительства—воров, палачей, помня, что вы сыны угнетенного народа.

Да здравствует единение народа с революционной армией.

Да здравствует вооруженное восстание.

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание.

Октябрь 1906 г. *Пермский Комитет РС.-ДРП.*

№ 15.

Российская Социал-Демократическая Рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие. Перед вами новый факт самодурства и всевластия „начальства“.—Перед вашими глазами новое доказательство безправия личности в России и беззастенчивости произвола „их благородий“. За какое преступление отправили в Оханский клоповник 10 человек местных жителей? Остается только руками разводить, негодовать, всеми силами содействовать разрушению самодержавия, своры раззолоченных мумий и полицейских псов.

Не вина участников спектакля, что они не застали дома пристава, которому пришли заявить о первой репетиции.

Не они виноваты в забывчивости стражника, не передавшего приставу о репетиции. Все формальности были выполнены. На репетиции не пели революционных песен. И мирных обывателей вообразили все-таки борцами за счастие родины и отправили в каземат.

Причина этих арестов ясна: пристав испугался отставки за устроенный им в клубе скандал и явил перед „высшим начальством“ необычайную энергию в искоренении крамолы, хватая первого встречного. На несчастии других строит свою карьеру.

Товарищи рабочие. Это один из примеров „непреклонной воли“ Николая Романова о неприкосновенности личности русского гражданина. Всякая полицейская сволочь облачена свыше властью, как вещью распоряжаться человеком. Вся необ‘ятная Россия стонет под игом шайки воров, палачей и убийц. Они разоряют страну, они выхватили из семей их кормильцев и

оставили их трупами на далеких полях Манчжурии, они воруют крохи, собранные на голодающих крестьян. Они всячески издеваются над русским народом. Довольно терпения, товарищи. Будьте не трусливыми рабами этих пиявок, а гражданами своей великой родины. Пусть в ваших сердцах загорится святая ненависть ко всем народным угнетателям. Пусть не гаснет в вас злоба против гнилого самодержавия и всеми силами вы должны помогать уничтожению этого гнилого нароста на мощном теле русского крестьянина и рабочего. Будите колоколом сознания спящую мысль своих товарищей, несите свет в деревню, ибо в знании и борьбе сила и право. Еще одно могучее усилие революционного народа и исчезнут с лица земли темные силы царизма.

Долой самодержавие. Да здравствует революция.

Да здравствует всенародное учредительное собрание.

Декабрь 1906 г. *Очерская группа РС.-ДРП.*

Опечатки:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
15	2 снизу	ведущих	ведущими
40	12 сверху	Петропавловской	Торговой
41	8 „	„	„
65	6 „	работы, выдвинулись	работы выдвинулись
71	3—4 снизу	во 2-ю Думу	в 3-ю Думу
74	6 сверху	Эркма	Эркмана
83	10 „	и в чем	ни в чем
126	17 снизу	должны	должна
152	10 „	С. Р. Гуревич	с.-р. Гуревич

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Материалы, помещенные в отделе воспоминаний второго тома сборника „Борьба за власть“, являются отображением работы, переживаний и настроений работников подполья того периода, который охвачен сборником.

Отдел воспоминаний не представляет собой такого материала, из которого полностью можно почерпать идеологические и тактические уроки, здесь есть кое-что не совсем выдержаное партийно. Но это невыдержаное должно быть сохранено для истории как ценнейший материал, показывающий, как массовая рабочая организация своими собственными силами, может быть, и с некоторыми частными тактическими уклонами, может быть не всегда с четкой идиологической линией, а в силу всего этого и с большими жертвами, идет все-же по правильной классовой линии вливаясь большой и значительной волной в общее рабочее движение.

После разгрома движения 1905 года организация, вынужденная перестраиваться и приспособлять свою тактику к новым условиям борьбы небезболезненно переживала эту перестройку. Отчасти, боевизм—вместо подготовки массового восстания—уходит в террористическую партизанщину, граничащую с эсеровщиной,—впоследствии со лбовщиной. Это один уклон, который задевал часть организации. С другой стороны, под влиянием реакции часть работников уходит в чисто культурническую работу в легальных организациях.

Этим маленьким замечанием необходимо сопроводить воспоминания о тяжелом переходном периоде борьбы, чтобы к этим материалам читатель отнесся в известной мере критически.

Истпарт.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Редакция Истпарта.